

Социологический институт
Федерального научно-исследовательского социологического
центра Российской академии наук

Власть и элиты

Power and elites

Том 10
Выпуск 1

Санкт-Петербург
2023

УДК 32
ББК 66.0
В 58

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.В. Дука, к.пол.н., главный редактор
А.В. Быстрова, к.э.н.
В.В. Козловский, д.филос.н.
Д.Б. Тев, к.с.н.
А.Ю. Швая, ответственный секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Ачкасов (С.-Петербург, Россия)
О.В. Гаман-Голутвина (Москва, Россия)
В.А. Гуторов (С.-Петербург, Россия)
А.А. Зоткин (Симферополь, Россия)
Н.Ю. Лапина (Москва, Россия)
В.Г. Ледяев (Москва, Россия)
О.Ю. Малинова (Москва, Россия)
В.П. Мохов (Пермь, Россия)
П.В. Панов (Пермь, Россия)
И. Панькув (Краков, Польша)
У. Хоффманн-Ланге (Бамберг, Германия)
А.Е. Чирикова (Москва, Россия)

EDITOR

A. Duka, Dr., St. Petersburg

ASSISTANT EDITOR

A. Shvaya, St. Petersburg

EXECUTIVE BOARD

A. Bystrova, Dr., St. Petersburg
V. Kozlovskiy, Dr., Prof, St. Petersburg
D. Tev, Dr., St. Petersburg

EDITORIAL BOARD

V. Achkasov (St. Petersburg, Russia)
A. Chirikova (Moscow, Russia)
O. Gaman-Golutvina (Moscow, Russia)
V. Gutorov (St. Petersburg, Russia)
U. Hoffmann-Lange (Bamberg, Germany)
N. Lapina (Moscow, Russia)
V. Ledyayev (Moscow, Russia)
O. Malinova (Moscow, Russia)
V. Mohov (Perm, Russia)
I. Pańków (Warszawa, Poland)
P. Panov (Perm, Russia)
A. Zotkin (Simferopol, Russia)

Научное периодическое издание «Власть и элиты» выходит с 2014 года.
Включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

СОДЕРЖАНИЕ

Элиты и политика в Европе

- Сафронов В.В.* Коррупция и классовые неравенства электорального участия в европейских странах 5
- Дмитриева В.Д.* На пути к кардинальской шапке: карьерные траектории католической элиты Европы. 43

Карьеры и рекрутирование политико-административных элит

- Тев Д.Б.* Высокопоставленные федеральные чиновники России: карьера после ухода с должности 69
- Быстрова А.С.* Региональные различия в карьерных траекториях представителей региональной политической элиты Российской Федерации 98
- Покатов Д.В.* Политическая элита регионов переходного типа: особенности эволюции практик рекрутирования и карьерных траекторий (2017–2023) 139

Власть на местном уровне

- Пустовойт Ю.А.* Назад в общину: динамика политико-административных ассамблежей в городах Сибири (1991–2021). 156
- Чирикова А.Е.* Корпорация и муниципальная власть: как достигается партнерская модель взаимодействия 190

- Сведения об авторах** 231

CONTENTS

Elites and politics in Europe

- V. Safronov*. Corruption and Electoral Class Inequalities
in European Countries 5
- V. Dmitrieva*. On the way to the cardinal's biretta: career trajectories
of the catholic elite of Europe 43

Careers and recruitment of political and administrative elites

- D. Tev*. High-ranking federal officials of Russia: career after leaving office 69
- A. Bystrova*. Regional differences in the career trajectories of representatives
of the regional political elite of the Russian Federation 98
- D. Pokatov*. Political elite of transitional regions: features of the evolution
of recruitment practices and career trajectories (2017–2023) 139

Local power and local authorities

- Yu. Pustovoyt*. Back to the community: dynamics of political-administrative
assembly in Siberia cities (1991–2021) 156
- A. Chirikova*. Corporation and municipal authorities: how a partnership
model of interaction is achieved. 190

- Contributors** 232

ЭЛИТЫ И ПОЛИТИКА В ЕВРОПЕ

КОРРУПЦИЯ И КЛАССОВЫЕ НЕРАВЕНСТВА ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО УЧАСТИЯ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

В.В. Сафронов

(vsafronov@list.ru)

Социологический институт ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Сафронов В.В. Коррупция и классовые неравенства электорального участия в европейских странах // Власть и элиты. 2023. Т. 10, № 1. С. 5–42.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.1>
EDN VFIYXP

Аннотация. *Рассматривается проблема неравенств электорального участия в странах Западной, Центральной и Восточной Европы. Согласно исследованиям, избиратели из верхних и средних классов проявляют заметно большую активность на парламентских выборах, чем представители рабочего класса. Однако остается неясным, почему такие неравенства оказываются более отчетливыми в одних странах и менее — в других. Для прояснения этого вопроса анализировались данные репрезентативных опросов, проведенных по проекту Европейского социального исследования (ESS 2018, для России — 2016 г.) в 28 странах, а также сведения о том, как работает в них демократия. Двухуровневое моделирование позволило подтвердить, что во всех европейских государствах участие в парламентских выборах стратифицировано по классовому признаку — оно заметно снижается при переходе от верхних и средних к рабочим классам. Такие неравенства были существенно больше в одних из стран и меньше — в других. Особенно отчетливыми они оказались на Западе Европы — в государствах, отличающихся работающими демократическими институтами и низкой коррупцией. По мере снижения*

качества демократического правления и распространения коррупционных практик, что было характерным для ряда посткоммунистических стран, особенно для России, наблюдается общее снижение явки и сокращение классовых неравенств, вызванное нежеланием избирателей из верхних и средних классов, наиболее активных в западных демократиях, принимать участие в голосовании.

Ключевые слова: *электоральные неравенства, классовое структурирование, общественный контекст, коррупция, страны Западной, Центральной и Восточной Европы, Европейское социальное исследование (ESS 2018).*

ВВЕДЕНИЕ

В многочисленных исследованиях, проводившихся главным образом в западных странах, в Восточной и Центральной Европе и других новых демократиях, рассматривалась проблема электорального участия, предполагающая прояснение вопросов о причинах участия в выборах одних избирателей и неучастия других, а также различий агрегированных значений явки на национальном и субнациональных уровнях. Они позволили выделить длинные ряды переменных, объясняющих эти расхождения, однако все еще не была выработана общая теоретическая модель основных причин электорального участия. Перечень предположений о воздействующих на него факторах продолжал расширяться. Одно из новых направлений связано с исследованиями коррупции, которые начинались десятилетия назад и вновь оказались в фокусе внимания. В представленном ниже обзоре научной литературы дается краткое освещение состояния дел в этой области. Затем предпринимается попытка эмпирического анализа с использованием материалов Европейского социального исследования о влиянии коррупции на классовые неравенства участия в общенациональных парламентских выборах в странах Западной, Центральной и Восточной Европы. Полученные результаты показывают, что невысокая явка в более коррумпированных странах, к которым относятся многие посткоммунистические государства, обусловлена демобилизацией избирателей из верхних-средних классов, наиболее активных в развитых демократиях.

УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ И КОРРУПЦИЯ: СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

Несмотря на многолетние исследования проблемы участия в выборах, проводившиеся на индивидуальном и агрегированных уровнях, все еще не приходится говорить о согласии в научных кругах относительно общей теоретической модели. Так, К. Сметс и К. ван Хам (мета-анализ индивидуальных отличий, 90 статей, 2000-е годы) выделили 170 переменных, лишь восемь из которых включались не менее чем в четверть проанализированных работ и указывают, что в теоретических построениях важно учитывать такие индивидуальные характеристики, как возраст (рост участия с его увеличением и снижение среди самых пожилых), образование (высокое увеличивает вероятность голосования), мобильность относительно места жительства (снижает ее), потребление информации СМИ, партийная и внепартийная мобилизация, голосование на предшествующих выборах, партийная идентификация, интерес к политике и политические знания (с ростом значений этих переменных увеличивается вероятность голосования) [Smets, van Nam 2013]. Позднее Р. Далтон, рассматривая неравенства в основных разновидностях политической активности (ISSP 2004 и 2014 гг.), подтверждает, что участие в выборах связано с более высоким социально-экономическим статусом, повышается с возрастом (снижаясь у самых пожилых), а также отмечает важность связей индивида с общественными организациями, приверженности гражданскому долгу, уверенности в способности влиять на политику и доверие другим людям [Dalton 2017]. Среди характеристик избирателей, способствующих участию в голосовании, Х. Васс и А. Блэ указывают на наличие ресурсов, связанных с социально-экономическим статусом, политическое поведение родителей, здоровье, на мотивации, проявляющиеся в интересе индивида к политике, его уверенности в восприимчивости политической системы к интересам граждан и в собственной способности оказывать на нее влияние, а также на чувство гражданского долга, простоту избирательной процедуры, ожидание выгод при победе поддерживаемых кандидатов [Wass, Blais 2017]. Предложенная недавно А. Блэ и Ж.-Ф. Дау модель предполагает, что активность на выборах нарастает с возрастом и образованием и зависит от двух общих мотивационных диспозиций — интереса индивида к политике и чувства гражданского долга, а также от конкретных представлений — обеспо-

коенности результатами выборов и уверенности, что проголосовать нетрудно [Blais, Daoust 2020]. В приведенных перечнях переменных индивидуального уровня немало общего, но они все же не отражают всего разнообразия изучавшихся зависимостей. Сходным образом обстоят дела и в исследованиях агрегированных показателей электоральной явки. В одной из последних работ, посвященных обобщению исследований о причинах различия этой явки в разных странах, Р.У. Франк и Ф. Мартинес-и-Кома, подтверждая результаты предшествующих метаанализов (Cancela, Geys 2016; Geys 2006; Stockemer 2017), отмечают, что «за пятьдесят с лишним лет научная литература так и не объединилась вокруг основной модели явки, при анализе используются разные наборы переменных» [Frank, Martínez i Coma 2023: 610]. В их анализе сведений (extreme bounds analysis, 70 переменных из 127, определяющих явку на национальных парламентских выборах, 579 выборов в 80 демократиях между 1945 и 2014 гг.), которые содержались в 44 статьях (опубликованных между 1986 и 2017 гг. в ведущих политологических журналах), были вычленены такие факторы, определяющие различия явки, как обязательное голосование, одновременные и конкурентные выборы, экономическая глобализация и инфляция, предшествующая явка, пропорциональная электоральная система, децентрализация расходов.

В представленных обобщениях эмпирических фактов, отражающих главным образом состояние дел в сложившихся западных демократиях, остаются неучтенными новые направления исследования электорального поведения, появляющиеся при рассмотрении стран с неразвитыми демократическими институтами, одно из которых было связано с анализом воздействия на это поведение коррупции. Как указывает Д. Стокмер [Stockemer 2017: 709], проводя метаанализ на агрегированном уровне факторов, влияющих на электоральную явку, одна из новых переменных — коррупция, снижающая участие в выборах, однако малочисленность таких работ ко времени опубликования обзора не позволяла сделать определенные выводы о ее значении. Изучение зависимостей между участием в голосовании и коррупцией проводится не одно десятилетие, но в последнее время они начинают все больше привлекать внимание исследователей. Рассматривая значение коррупции в общей теории демократии, М.Е. Уоррен подчеркивает, что она ведет к нарушению нормативного требования инклюзии, предполагающего возможность влияния на принимаемые решения со стороны тех, кого они могут затронуть, и тем самым свидетельствует о дефиците

демократии [Warren 2004]. В ряде работ проверялись предположения о влиянии коррупции на участие в выборах, причем в одних предсказывались позитивные эффекты, тогда как в других — негативные. Теоретические ожидания о повышении явки при распространении коррупции обосновываются демократическими побуждениями избирателей, стремящихся сменить на выборах коррумпированные власти, но также признается, что такое повышение может свидетельствовать о патрон-клиентских отношениях между ними в коррумпированной системе и мобилизации электората, побуждаемого личной выгодой. Согласно другой теоретической аргументации, при высокой коррупции должно происходить снижение электоральной явки, поскольку граждане утрачивают доверие к властям и демократическим институтам и перестают верить, что с помощью голосования можно чего-то добиться. Эта дилемма позитивного-негативного эффектов пока не получила окончательного решения, хотя в большинстве исследований было показано, что коррупция, измеренная, как правило, с помощью субъективных показателей ее восприятия избирателями или экспертами, ведет к демобилизации электората и снижению явки на общенациональных выборах.

Ряд примеров, содержащих выявленные в эмпирическом анализе факты и характеризующих разные регионы мира, может служить подтверждением этих обобщений. Так, в Центральной и Восточной Европе, как выяснила Т. Костадинова (по материалам Сравнительного исследования электоральных систем, CSES, выборы 2001–2005 гг. в восьми посткоммунистических странах: президента в России, президента и парламента в Румынии, парламентов в Албании, Болгарии, Венгрии, Польше, Словении и Чехии), воспринимаемая коррупция (представления респондентов о ее распространенности в стране) — влиятельная детерминанта участия в выборах, способствующая мобилизации избирателей для поддержки более честных политиков, однако этот эффект нейтрализуется вследствие растущего недоверия избирателей к демократическому процессу в коррумпированных системах, которое вызывает снижение явки [Kostadinova 2009]. Согласно исследованию, проведенному в Венгрии после парламентских выборов 2014 г., уверенность избирателей в усилении коррупции в предшествующие годы мобилизует электоральную активность, однако ни опыт столкновения с коррупцией, ни представления о ее масштабах в стране никакого влияния на их поведение не оказывали [Kostadinova, Kmetty 2018]. В отличие от этих работ, И. Панкуракова обнаружила, что в пост-

коммунистической Европе (по данным LiTS, Life in Transition Survey III, 11 стран, входящих в ЕС) воспринимаемая коррупция оказывает статистически значимое и негативное воздействие на участие в парламентских и местных выборах [Pancurakova 2019].

В Латинской Америке (Americas Barometer, Latin American Public Opinion Project, LAPOR, 2004–2012) опыт столкновение со взяточничеством способствовал вовлечению граждан в политическую активность, исключая участие в президентских выборах, с которым однозначные и отчетливые связи не обнаруживались, тогда как восприятие коррупции (представления о ее распространенности) эту активность в основном снижало, хотя и не во всех формах, включая и голосование на выборах — для них результаты были неоднозначными [Bonifácio, Paulino 2015]. В то же время опросные эксперименты в Колумбии (по данным Americas Barometer) показали, что получение избирателями заслуживающей доверия информации о коррупции выдвигающихся политиков уменьшало вероятность их участия в выборах, причем такая демобилизация происходила даже в том случае, когда коррумпированные претенденты имели возможность отблагодарить свой электорат [Carreras, Vera 2018]. Эксперименты, относящиеся к муниципальным выборам в Мексике, показывают, что получение информации о коррупции в правящей партии ведет к снижению явки, причем это происходит вследствие воздержания от голосования не только поддерживающих эту партию избирателей, но и сторонников оппозиции [Chong et al. 2015].

Согласно двухуровневому анализу сведений о 18 африканских странах (Afrobarometer 2005–2006), неприятие избирателями коррупции ведет к снижению их стремления проголосовать на выборах [Toklo 2022].

Рассматривая на агрегированном уровне проблему, побуждает ли коррупция электорат не ходить на выборы или, напротив, увеличивает численность голосующих, Д. Стокемер, Б. Ламонтань и Л. Скруггс при анализе широкого спектра демократий в мире с начала 1980-х по конец 2000-х годов приходят к заключению, что с ростом в стране коррупции снижается доля избирателей, которые приходят на выборы. «Столкнувшись с неэффективным государственным управлением, граждане коррумпированных демократий могут не захотеть или окажутся не в состоянии устанавливать доверительные отношения со своими представителями. В итоге граждане начинают дистанцироваться от политической системы, предпочитая оставаться дома в день вы-

боров» [Stockemer, LaMontagne, Scruggs 2013: 84]. Двухуровневое моделирование с использованием агрегированных данных о явке на выборы и распространенности коррупции в 170 регионах 18 европейских стран продемонстрировало, как с ростом воспринимаемой коррупции — при контроле релевантных факторов на региональном и национальном уровнях — снижается участие в голосовании [Sundström, Stockemer 2015]. Анализ на макроуровне явки на президентские выборы (первый раунд, 230 выборов в 76 странах по всему миру, 1990–2010) показал, что она снижается при более высокой политической коррупции (ICRG corruption indicator), однако была не связана с двумя другими показателями коррупции (TI Corruption Perception Index и WB control of corruption) [Stockemer 2013]. Регрессии, описывающие политическую активность в электоральной и других формах в ряде стран мира (International Social Survey Programme, ISSP, 2004, 33 страны), указывают на слабую негативную связь участия в выборах с уверенностью респондентов в распространенности коррупции, индекс восприятия коррупции (CPI), фиксирующий различия между странами, также снижал вероятность явки, однако такая зависимость утрачивала статистическую значимость при включении этих переменных на обоих уровнях [Olsson 2015]. Как обнаружил Т. Джиоммони, анализируя муниципальные выборы в Италии (1999–2014), коррупционные скандалы в прессе оказывают негативное воздействие на политическое участие, снижая электоральную явку (а также сокращая списки кандидатов, среди которых уменьшается число новых претендентов, и делая более вероятным избрание прежних депутатов) [Giommoni 2021].

Вопреки этим результатам, в США повышение явки на выборах губернаторов (50 штатов, 1975–2005) наблюдалось при расширении возможностей коррупции (по числу осужденных за злоупотребление властью государственных должностных лиц), которая позволяла кандидатам рассчитывать на большую коррупционную ренту и побуждала к вложению денег в мобилизацию электората [Escaleras, Calcagno, Shughart II 2012]. Сходное заключение получено при рассмотрении явки на референдум в штате Миссисипи: она была на несколько процентов выше в округах, отличающихся более высокой коррупцией, которая создавала претендентам на властные позиции дополнительные стимулы (возможность получения ренты) для усилий по привлечению избирателей к голосованию [Karahan, Coats, Shughart II 2009]. На муниципальных выборах в Португалии (2005, 2009) коррупция (число зафиксиро-

ванных преступлений) также имела мобилизационный эффект, повышая явку (также лишь на несколько процентных пунктов) [Stockemer, Calca 2013].

В недавнем обзоре, посвященном проблеме влияния коррупции на электоральную активность и другие формы политического участия, в котором учитывались результаты, полученные на индивидуальном, агрегированном уровнях и в экспериментах, М. Школьник отмечает: «Исследования на национальном уровне в подавляющем большинстве случаев... подтверждают сдерживающий эффект коррупции, в то время как на региональном и локальном уровнях результаты не столь однозначны и свидетельствуют не только о сдерживающем, но и мобилизующем эффекте» [Školnik 2020: 98]. Это расхождение может, в частности, вызываться различиями в измерении: на национальном уровне используются показатели воспринимаемой коррупции, тогда как на более низких уровнях — количества коррупционных обвинений политиков (а такие индикаторы могут говорить не только о распространенности коррупционных практик, но и об успешном их преодолении).

Исследования зависимостей между электоральной активностью и коррупцией, проводившиеся на индивидуальном и агрегированных уровнях, дополняют немногочисленные работы, в которых предпринимались попытки прояснить механизмы, связывающие их между собой, а также понять, как влияние индивидуальных переменных меняется при большей коррумпированности государственной системы. Например, согласно теоретическим ожиданиям, граждане не голосуют при высокой коррупции не только потому, что не ожидают никаких изменений в политических решениях, но и вследствие ослабления чувства гражданского долга — одного из ключевых факторов участия в голосовании, однако эмпирическая проверка Ф. Фейтоса (по данным проекта Making Electoral Democracy Work, выборы разного уровня в нескольких стабильных демократиях) не подтверждает этого предположения, свидетельствуя лишь о слабой связи воспринимаемой коррупции и переменной гражданского долга и скромном посредническом влиянии этой переменной на негативную зависимость между коррупцией и участием в голосовании [Feitosa 2020]. Двухуровневое исследование зависимостей между коррупцией, измеренной на индивидуальном и контекстуальном уровнях, и голосованием на выборах (материалы Сравнительного исследования электоральных систем, CSES, и проекта Качество правления, QoG, для 26 стран) приводит С. Далберга и М.

Солевид к заключению о негативном влиянии воспринимаемой коррупции на участие в выборах, но только при низкой и средней коррумпированности системы [Dahlberg, Solevid 2016]. Многоуровневое моделирование с использованием данных Afrobarometer для 34 стран континента свидетельствует, что вероятность участия в выборах снижается при более критической оценке избирателями состояния коррупции, причем такая зависимость становится более отчетливой по мере повышения общей коррумпированности системы [Tambe, Monyake 2023].

Важным направлением исследования подобных межуровневых интеракций является анализ того, как коррупция в системе изменяет поведение избирателей из разных общественных слоев. К.Л. Шлозман, Г. Брэди и С. Верба, обобщая в последней книге свои известные исследования в США [Schlozman, Verba, Brady 2012; Verba, Schlozman, Brady 1995], пишут: «При любом взгляде на проблему и анализе нами разнообразных данных, SES (социально-экономический статус. — В.С.) непременно оказывается в центре нашего объяснения различий политических голосов», поскольку с его повышением складываются условия для гражданского волеизъявления (в соответствии с *civic voluntarism model*) — граждане обретают необходимые ресурсы (деньги, свободное время, коммуникативные и организаторские навыки), психологические ориентации (интерес к политике и уверенность в открытости политической системы) и вовлекаются в сети рекрутирования (через связи с политиками, активистами и добровольными ассоциациями) [Schlozman, Brady, Verba 2018: 11; Ch. 3]. Участие в голосовании, в частности, способствуют интерес к политике, информированность о ней, приверженность партии, за которыми стоят статусные различия (по образованию). Многие другие исследования также показывают, что электоральные неравенства являются следствием социально-экономического структурирования общества [Dalton 2017; Wass, Blais 2017]. Р. Далтон подчеркивает, что при снижающихся уровнях явки в современных демократиях все больше усугубляют электоральные неравенства, так что люди с невысоким образованием и доходами, представители рабочего класса голосуют реже, чем граждане с более высоким статусом, причем выраженность таких неравенств неодинакова в разных странах и зависит от избирательной системы, распределения доходов, мобилизации рабочих профсоюзами и социал-демократическими партиями [Dalton 2022] (см. также: [Evans, Hepplewhite 2022; Schäfer, Schwander 2019]). К числу таких контекстуальных факторов, как про-

демонстрировали отдельные работы, может относиться и коррупция.

Проблему позитивного или негативного влияния коррупции на участие в выборах следует решать, считают С. Хаверик и ее коллеги, с учетом того, о какой категории избирателей идет речь [Haveric, Ronchi, Cabeza 2019]. Согласно полученным ими результатам (World Values Survey, WVS, 44 страны), при низкой коррупции в стране занятые в государственном секторе чуть менее активны на выборах (указание опрошенных, что «всегда» голосуют), чем прочие граждане, но по мере повышения коррупционного уровня эта активность, почти не сокращаясь у работающих на государство (предположительно, в обмен на патронаж со стороны действующих властей), заметно снижается у тех, кто с ним не связан (хотя интеракции между этими переменными были статистически значимыми, описанные расхождения в процентных показателях оказались весьма скромными и статистически не различимыми). Недостаточно изученным, пишет М. Агерберг, является вопрос о том, как меняются демократические аттитюды и поведение индивидов с высоким уровнем образования при снижении качества политических институтов, распространении коррупции. Анализ опросных данных, собранных в трех десятках стран мира, и сведений об этих странах (International Social Survey Program, ISSP, 2013–2016, 31 демократия) приводит к заключению о негативных последствиях коррупции: образованные и политически продвинутые граждане испытывают при высокой коррупции (особенно зафиксированной на национальном уровне, но также в восприятии опрошенных) такое же отстранение от политических институтов, как малообразованные люди, а их политическое участие в выборах значимо сокращается, но сохраняется в неинституциональных формах [Agerberg 2019].

Последние работы подтверждают перспективность дальнейшего изучения дифференцированного влияния коррупционного контекста на избирательное поведение граждан, отличающихся своим положением в социальной структуре. В представленном исследовании эта линия анализа продолжается при обращении к классовой структуре избирателей. Нам предстоит выяснить, как меняются электоральные классовые неравенства при повышении уровня коррупции в системе и какие классы оказываются затронутыми ею в наибольшей мере.

ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются классовые неравенства участия в национальных парламентских выборах (в дальнейшем для их обозначения используется также термин «классовые электоральные неравенства») в ряде европейских стран, различия между ними в выраженности таких неравенств и предпринимается попытка объяснить эти различия контекстуальными факторами, характеризующими работу демократических институтов.

Согласно теоретическим представлениям, имеющим надежное эмпирическое подтверждение в разных странах, участие в общенациональных выборах отражает социальную стратификацию общества — избиратели с невысоким социально-экономическим статусом голосуют на них гораздо реже, чем те, кто занимает более высокое общественное положение. Такая зависимость проявляется при анализе разных структурных характеристик, включая образование, доход, профессиональный статус и классовую принадлежность. Электоральная пассивность у представителей нижних социальных слоев обусловлена недостатком ресурсов, необходимых для политической активности (денег, времени, знаний, когнитивных, организационных и коммуникативных навыков), отсутствием мотивации к голосованию из-за слабого интереса к политике и недоверия политикам и демократическим институтам, а также их слабой вовлеченностью в мобилизационные сети. Показано также, что явка на выборах сильно отличается в разных странах, и одним из важных факторов, вызывающих ее снижение, является воспринимаемая коррупция.

В отдельных работах предпринимались попытки связать выраженность зависимостей индивидуального уровня с коррупционным общественным контекстом. Однако остается неясным, как коррупция сказывается на классовых неравенствах в голосовании. Она может вызывать их расширение вследствие дальнейшей демобилизации представителей нижних классов, и так менее склонных к участию в выборах, или по причине повышения избирательной активности граждан с более высоким общественным положением, стремящихся сменить коррумпированные власти. Но не исключено, что с повышением в стране коррупции электоральные неравенства останутся без существенных изменений вследствие сходной демобилизации во всех общественных классах. Еще одна возможность — сокращение неравенств, вызванное

самоустранением при высокой коррупции потенциально наиболее активных избирателей из среднего и верхнего классов, разочаровавшихся в демократических институтах.

Проверка этих предположений осуществлялась с использованием репрезентативных опросных данных, полученных в 28 странах по проекту Европейского социального исследования (European Social Survey, ESS, Round 9, 2018–2019, российские данные — Round 8, 2016¹). Среди этих стран — Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Россия, Сербия, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Хорватия, Черногория, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония.

В опросах ESS респондентов спрашивали, было ли у них право голоса при проведении последних общенациональных парламентских (в нижнюю палату) выборов и принимали ли они в них участие. В анализ включались только респонденты, имевшие во время парламентских выборов, предшествующих опросу, право голоса: их общее число 44 580, а среднее значение для стран — около 1600 человек. Зависимая переменная в нашем исследовании — разделение между имеющими это право, но не голосовавшими (приписывается значение 0) и проголосовавшими на выборах (значение 1). Участие в выборах, фиксируемое с помощью массовых опросов, в силу ряда причин (не представленность в выборках «институционального» населения, нормативная желательность и др., анализ этой проблемы см., например, в: [Holbrook, Krosnick 2010]) заметно отличается от официальной статистики в сторону завышения. Это искажение устранялось с помощью взвешивания опросных данных, которое приводило распределения в соответствие с официальной статистикой. Доли участвовавших в парламентских выборах, предшествующих опросам, приводятся на рисунке 1.

Как видно на рисунке, явка была низкой во многих посткоммунистических странах, немногим превышая пятидесятипроцентную отметку. А самой низкой, как и следовало ожидать, учитывая, что по активности избирателей менее демократические страны уступают, как правило, либеральным демократиям [Norris 2022], она оказалась в России, где в избрании Государственной Думы в 2016 г. участвовали лишь 47,8 %, что связано, надо полагать, как с общими для новых демократий

---

¹ См.: <https://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения: 24.05.2023).

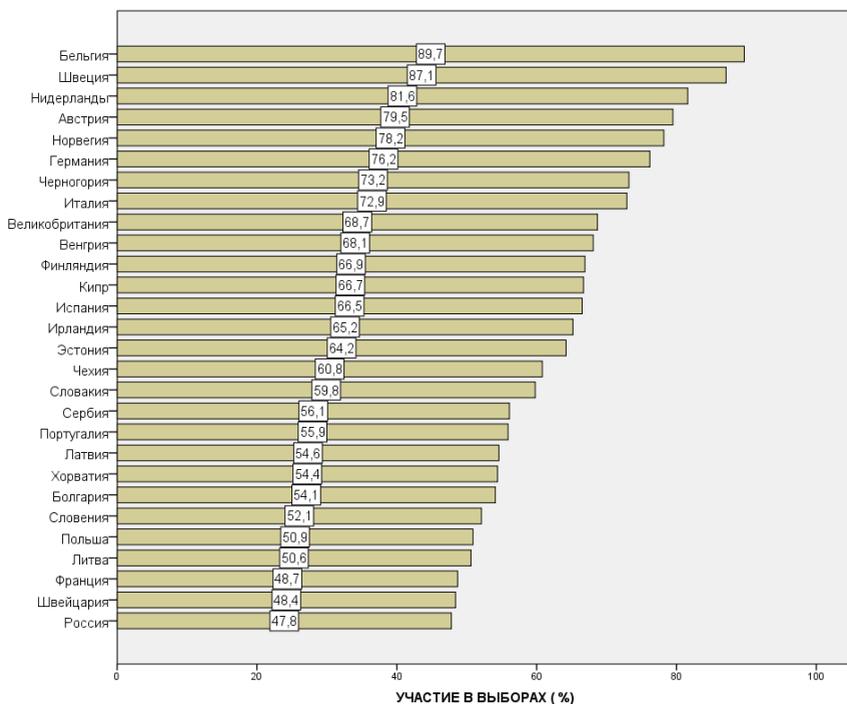

Рис. 1. Голосование на парламентских выборах в странах Европы (официальная статистика)

Центральной и Восточной Европы проблемами, так и с особенностями российской ситуации¹. Однако низкий уровень участия отмечается также в таких развитых демократиях, как Франция и Швейцария, отражая особенности их электоральных систем (мажоритарную, которая сужает возможности влияния избирателя на результаты — в первой,

¹ К российским особенностям можно отнести институциональные изменения электоральной системы в период перед выборами 2016 г., разнесение во времени избрания парламента и президента, возвращение смешанной избирательной системы, новые требования по регистрации партий и кандидатов и контролю за волеизъявлением, не устранившие фальсификаций и позволившие ограничить пассивное избирательное право и отстранить противников режима, слабая конкуренция между системными партиями, установившими неформальные альянсы с властью, вялое проведение ими кампаний и обсуждения в СМИ на фоне широкой общественной поддержки внешней политики и присоединения Крыма, перенос срока выборов на сентябрь [Мамонов, Гаврилов, Вядро 2019; Кунев 2017; Rogov 2016].

и во второй — слабую связь парламентских выборов с проводимой политикой, зависящей не от состава кабинета, а от принятых на референдумах решениях).

Показатели относятся к годам проведения последних выборов, в которых участвовали респонденты ESS, Round 9 (Россия — Round 8).

Во многих западноевропейских демократиях в парламентских выборах принимает участие преобладающее число избирателей. В Бельгии, Швеции и Нидерландах — более 80 %. Немного меньше голосующих было в Австрии, Норвегии, Германии, около 70 % насчитывается в Италии, Великобритании и Финляндии, а также в Черногории и Венгрии. В отдельных странах существует обязательное голосование: на Кипре и в швейцарском кантоне Шаффхаузен (но это слабо отражается на приведенных показателях явки), а также в Бельгии, где санкции не применяются, но уровень участия самый высокий.

Нас интересуют, как отмечалось, не сами по себе отличия между странами в электоральной активности избирателей, а то, как ведут себя на парламентских выборах в этих странах представители основных общественных классов. Классовая структура понимается в соответствии с концепцией Д. Оеша, в которой выделяются два измерения: вертикальное — разделяющее отношения занятости на дающие большие или меньшие преимущества (профессионалы/менеджеры, младшие специалисты/управляющие, квалифицированный рабочий класс и малоквалифицированные рабочие) и горизонтальное, связанное с различиями «логики работы» (work logic) — классификаций профессий по потенциалу влияния на разделение труда, типу необходимых навыков и характеру властных отношений (независимая трудовая деятельность, организационная/административная рабочая логика, техническая и логика межличностных услуг) [Oesch 2006a; 2006b]. Пересечение этих измерений дает структуру с 16 классами, которая может быть представлена в сокращенном виде восемью и пятью классами. Нами использовалась классовая структура с пятью категориями — их краткую характеристику можно найти на схеме 1.

В качестве примера на рисунке 2 приводятся распределения по этим пяти классам для трех стран с невысокими показателями экономического развития, включая Сербию, Болгарию и Россию, и трех — с высокими, представленными Швецией, Нидерландами и Швейцарией (ВВП на душу в год выборов, см.: World Bank, WDI, GDP per capita, PPP, constant 2011 international \$, в базе данных Quality of Government, QoG

[Teorell et al. 2020: 648]). Эти распределения получены по данным ESS опросов, взвешенных переменной *dweight* для устранения ошибок выборки¹, с помощью предложенного Д. Оешем командного синтаксиса SPSS².

1. Верхний и верхний средний классы Upper and upper-middle class (крупные предприниматели, самозанятые, профессионалы, менеджеры)	
3. Владельцы мелкого бизнеса (с наемными работниками или без) Small business owners with or without employees	2 Нижний средний класс Lower middle class (полупрофессионалы и заместители менеджеров)
	4. Квалифицированный рабочий класс Skilled-working class (квалифицированные рабочие, клерки и работники в сфере услуг)
	5. Неквалифицированный рабочий класс Low-skilled working class

Схема 1. Классовая структура (по Д. Оешу)

Классовые структуры в Швеции, Нидерландах и Швейцарии заметно отличаются от того, как они выглядят в относительно менее развитых странах, представленных Сербией, Болгарией и Россией, отражая постиндустриальный характер экономики первой группы. В ней меньшие доли приходятся на нижние классы: в развитых странах неквалифицированный рабочий класс составляет от 10–15 %, а квалифицированный — 26–32 %, тогда как в менее продвинутых соответственно 20–31 % и 38–40 %. При высоком душевом ВВП происходит расширение средних классов: если в трех посткоммунистических странах на нижний средний класс приходится 10–18 %, а на верхний средний и верхний — 10–16 %, то в трех наиболее богатых эти доли равняются 19–24 % и 22–29 %. Общественные пирамиды в таких странах, как Россия, отличаются, как видим, более широким основанием и заостряются к вер-

¹ См.: https://www.europeansocialsurvey.org/methodology/ess_methodology/data_processing_archiving/weighting.html (дата обращения: 13.07.2023).

² См.: https://www.europeansocialsurvey.org/learning/shared_user_resources.html (дата обращения: 19.07.2023).

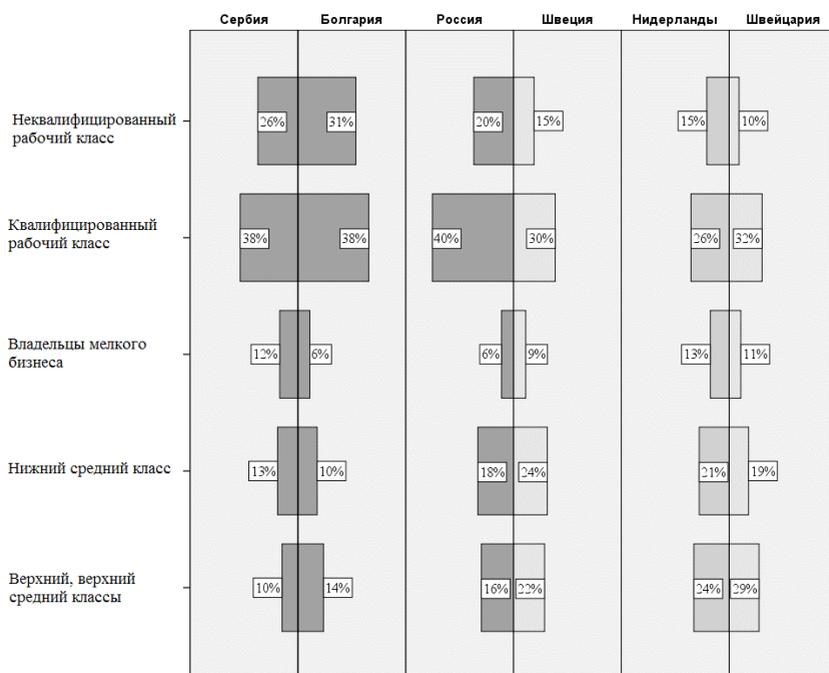

Рис. 2. Классовая структура при невысоком и высоком экономическом развитии

шине, тогда как в постиндустриальных странах основание заметно уже, а верхняя половина структуры расширена и верхушка более плоская.

Различия классовых структур в европейских странах могут сказываться на электоральном участии. Невысокая явка в посткоммунистических странах Европы является, вероятно, отчасти следствием широкого представительства в социальной структуре избирателей из нижних общественных слоев, менее активных на выборах, чем верхние-средние классы.

Анализ зависимости участия в парламентских выборах от классовой структуры проводился при контроле социальной демографии, поскольку известно, что среди социально-структурных переменных возраст является самым сильным различительным признаком голосования на выборах — молодежь ходит на них гораздо реже, чем избиратели старших возрастов, кроме того, электоральная активность характерна

в большей мере для мужчин, чем женщин, хотя в последнее время в развитых странах Европы такая зависимость становится неотчетливой.

Классовые неравенства участия в выборах рассматриваются в общественных контекстах, определяемых распространением в изучаемых странах коррупции, понимаемой как «злоупотребление вверенной властью ради личной выгоды»¹. Для измерения использовался Индекс восприятия коррупции, рассчитываемый по опросам экспертов и бизнесменов и изменяющийся от 0 — высшего уровня коррумпированности до 100 — самого низкого ее уровня, т.е. указывающий на способность государства и политической системы контролировать коррупцию². Значения этого индекса для изучавшихся стран приводятся на рисунке 3. Другие контекстуальные факторы, использовавшиеся в нашем анализе, будут описаны при изложении полученных результатов.

Коррупция была очень низкой в Западной Европе, например в Финляндии значение индекса равнялось 90, Швейцарии — 86, в Швеции и Норвегии — 85, Нидерландах и Великобритании — 82, в Германии — 81. Во многих странах Центральной и Восточной Европы она оказалась выраженной с наибольшей отчетливостью. Наихудшим было положение в России с показателем коррупции, равным 29, низкие значения индекса оказались также в Сербии, Болгарии, Черногории, Венгрии, Хорватии — его значения от 42 до 49. Несколько выше они были в Словакии, Италии, на Кипре, в Чехии, Латвии, Испании, Литве и Словении, составляя от 51 до 60.

Индекс изменяется от 0 до 100, большие значения свидетельствуют о меньшей выраженности коррупции. Приведенные показатели относятся к годам проведения последних выборов, в которых участвовали респонденты ESS, Round 9 (Россия — Round 8).

Статистический анализ осуществлялся с помощью методов двухуровневого иерархического логистического моделирования (программный пакет Hierarchical Linear and Nonlinear Models, HLM, см.: [Raudenbush, Bryk 2002: Ch. 10]). Различия в странах Европы классовых электоральных неравенств, зафиксированных на первом, индивидуальном уровне, объяснялись модерацией фактором второго уровня — индексом восприятия коррупции. При этом, напомним, индивидуальные

---

¹ См.: <https://www.transparency.org/en/what-is-corruption> (дата обращения: 24.04.2023).

² См. Corruption Perceptions Index, CPI: <https://www.transparency.org/en/cpi/2018> (дата обращения: 04.05.2023).

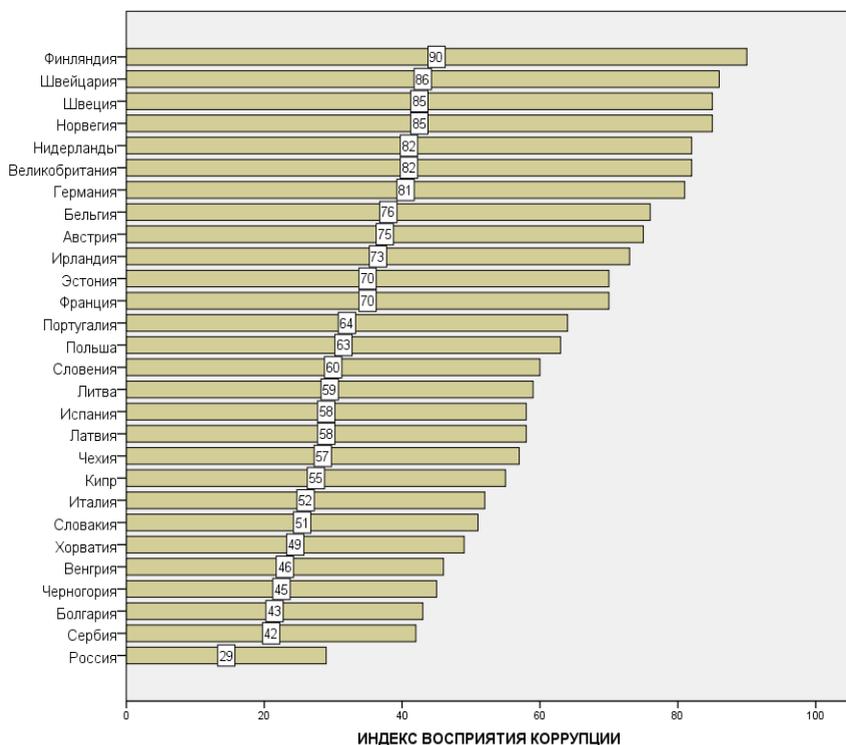

Рис. 3. Коррупция в европейских странах (Corruption Perceptions Index)

данные взвешивались так, чтобы распределения переменных, фиксирующие в европейских странах участие в выборах, соответствовали официальной статистике. Переменные возраста были преобразованы и могли изменяться от 0 до 1 [по формуле: $(\text{возраст} - \text{возраст min}) / (\text{возраст max} - \text{возраст min})$], классовые позиции выражены дихотомиями (dummy variables) в соотнесении с референтной категорией — «неквалифицированные рабочие», а факторы межстрановых различий измерялись в стандартных отклонениях относительно среднего значения.

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ КЛАССОВЫЕ НЕРАВЕНСТВА: ПРОЯВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТАХ

Результаты двухуровневого моделирования, объясняющие участие граждан европейских стран в голосовании на парламентских выборах, приводятся в таблице 1 (Intra-Class Correlation, ICC = 9 % указывает, что это участие не только зависит от характеристик индивидуального уровня, но и предполагает учет на втором уровне различий между странами).

Модель 1 включает в качестве независимых переменных четыре дихотомии классовой принадлежности (dummy variables, в соотнесении с референтной категорией — «неквалифицированные рабочие») и контрольные демографические признаки (пол, возраст и квадрат возраста для фиксации криволинейной зависимости, способной уловить вероятное снижение электоральной активности в самых старших возрастах). Это модель со «случайными коэффициентами», которая предполагает, что влияние всех этих переменных на участие в выборах заметно варьирует в рассматривавшихся странах.

Согласно полученным фиксированным коэффициентам, половые различия существенной роли не играют, с возрастом участие в голосовании значительно возрастает, но в самых старших категориях оно начинает сокращаться, а главное — моделирование подтверждает существование отчетливых электоральных классовых неравенств. По сравнению с неквалифицированным рабочими наибольшую активность на выборах проявляют представители верхнего и верхнего среднего классов, в меньшей степени — те, кто относится к нижнему среднему классу, еще менее отчетливо отличаются мелкие предприниматели и квалифицированные рабочие. Тем не менее все эти различия оказались статистически значимыми на высоком уровне ($p < 0.001$). Значимые дисперсии этих коэффициентов, приведенные в нижней панели таблицы 1, свидетельствуют об отличиях классовых неравенств в разных странах Европы — они с полной определенностью проявляются в одних из них и сглаживаются в других (дисперсии для демографических признаков не приводятся).

Дальнейший анализ был нацелен на поиск контекстуальных факторов, фиксирующих отличия между рассматриваемыми странами, которые позволили бы объяснить эти вариации электоральных классовых неравенств. Прежде чем обратиться к интересующему нас показателю

Таблица 1

Электоральные классовые неравенства: влияние контекстуальных факторов

НЕЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5
Intercept	0.270*	0.421*	0.271*	0.269*	0.263*
Переменные 1-го уровня					
Пол (Ж=0, М=1)	-0.015	-0.056	-0.016	-0.015	-0.014
Возраст (лет):	4.898***	4.769***	4.901***	4.879***	4.832***
Возраст в квадрате	-3.305***	-2.946***	-3.306***	-3.276***	-3.213***
Классовая позиция:					
Верхний, верхний средний классы	1.117***	1.361***	1.118***	1.119***	1.124***
Нижний средний класс	0.872***	1.085***	0.874***	0.872***	0.883***
Мелкие предприниматели	0.424***	0.554***	0.421***	0.427***	0.433***
Квалифицированные рабочие	0.346***	0.488***	0.345***	0.346***	0.348***
Неквалифицированные рабочие					
Факторы 2-го уровня, Ф					
Запад / Восток Европы		-0.335			
Уровень демократии			0.058		
Воспринимаемая демократия				0.169	
Коррупция, СРІ (высокая / низкая)					0.086

Интеракции между уровнями						
Ф x Верхний, верхний средний классы	-0.513*	0.212**	0.277*	0.373***		
Ф x Нижний средний класс	-0.447**	0.168**	0.214**	0.298***		
Ф x Мелкие предприниматели	-0.274*	0.144**	0.171**	0.212**		
Ф x Квалифицированные рабочие	-0.291***	0.052*	0.098*	0.115**		
Случайные коэффициенты	Дисперсии	% Эксп.	% Эксп.	% Эксп.	% Эксп.	
Верхний, верхний средний классы	0.267***	17	9	19	50	
Нижний средний класс	0.142***	30	12	21	58	
Мелкие предприниматели	0.079***	7	12	21	51	
Квалифицированные рабочие	0.029***	69	-9	16	43	

Двухуровневые логистические модели со случайными коэффициентами, зависимая переменная — участие в парламентских выборах, предшествующих проведению опроса ESS Round 9, Россия — Round 8, коэффициенты свидетельствуют о влиянии независимых переменных индивидуальных уровня (курсивом обозначены референтные категории) и интеракций между ними и факторами второго уровня (не приводятся для демографических признаков), робастные стандартные ошибки. % Эксп. — доля объясненной дисперсии коэффициентов после включения в уравнение интеракций контекстуального фактора с индивидуальными переменными. N1 (индивиды)=41923, N2 (страны)=28. Уровни значимости: *** $p < 0.001$, ** $p < 0.01$, * $p < 0.05$.

коррупции, рассмотрим несколько других характеристик второго уровня, которые могут гипотетически прояснять причины межстрановых классовых различий в голосовании.

Одной из них может служить разделение по линии Запад — Восток. Предшествующий анализ политического участия граждан в европейских странах (данные ESS 2002–2008) говорит о меньшей их активности в Центральной и Восточной Европе по сравнению с Западной, причем это связано не с авторитарным наследием, а с плохим правлением и коррупцией [Hooghe, Quintelier 2014]. Согласно другой работе, касающейся собственно интересующей нас проблемы голосования на выборах, к 2010 г. посткоммунистические страны отличались от Западной Европы не только более низкими явками избирателей, но и незначительными искажениями участия в пользу определенных социальных групп [Kostelka 2014]. Можно предположить, что классовые различия участия в выборах будут также заметно меньшими в Центральной и Восточной Европе, чем в Западной. Это может быть связано с общей демобилизацией электората в посткоммунистической Европе, утратившего иллюзии периода трансформации относительно работы демократической системы. Для проверки этого соображения в модели 2, приведенной в таблице 1, рассматривался (дополнительно к переменным, включенным в модель 1) фактор второго уровня, указывающий на принадлежность страны к Западной (значение «0») или Восточной (посткоммунистической, значение «1») Европе, а также интеракции этого фактора с категориями классовой принадлежности. Как видно в таблице, все эти интеракции оказались статистически значимыми и имели отрицательные знаки, подтверждающие, что по сравнению с западными демократиями в посткоммунистических странах классовые неравенства (положительные коэффициенты, постепенно уменьшающиеся при переходе от высоких к более низким классовым позициям) оказываются менее выраженными. Следует отметить, что фактор «Запад — Восток» позволяет объяснить лишь сравнительно небольшую долю дисперсии коэффициентов, характеризующих выраженность классовых неравенств в разных частях Европы, за исключением одной дихотомии — участия в выборах квалифицированных рабочих в отличие от неквалифицированных (см. нижнюю панель в табл. 1). В посткоммунистических странах квалификационные отличия рабочего класса определенно не так важны для объяснения их электоральной активности, как в Западной Европе.

Другое соображение касается экономического развития стран и доходных неравенств в них, которые фиксировались нами по значениям ВВП на душу населения (при паритете покупательной способности) и индекса Джини¹. Значительный разрыв в доходах, характерный для менее развитых в экономическом отношении стран, может удерживать от волеизъявления на выборах многих избирателей из различных классовых слоев, уверившихся в бессмысленности голосования, за исключением разве только представителей самого обеспеченного класса [Solt 2008], или же вызывать демобилизацию только избирателей с низкими доходами [Schäfer, Schwander 2019]. Согласно полученным нами результатам (не приводятся), с ростом ВВП классовые неравенства действительно становятся более отчетливыми, однако ни одна из интеракций этого фактора с классовыми дихотомиями не достигала общепринятого уровня статистической значимости. Не были значимыми и интеракции Джини с этими дихотомиями. Так что выраженность классовых электоральных неравенств в нашей выборке стран, включающей и Западную и Восточную Европу, трудно понять, отталкиваясь от экономического контекста.

Еще одно возможное объяснение большей классовой однородности электорального участия, на которое мы ориентировались в своих поисках, связывает ее с качеством демократического правления — там, где оно было малоэффективным и политические интересы классов не получали отражения в принимаемых решениях, у многих представителей различных классов могло пропасть желание голосовать, что вело к сокращению классовых неравенств при общем снижении явки. В нашем исследовании рассматривался ряд показателей, свидетельствующих о различиях между странами в работе демократических институтов.

В модели 3 фактор контекста — это различия между странами по «уровню демократии», который рассчитывается по усредненным оценкам Freedom House и Polity (см. данные в The Quality of Government, QoG [Teorell et al. 2020: 283]). В большинстве европейских стран оценки по десятибалльной шкале достигают наибольшего значения или близки к нему, самой недемократической является Россия (3.9), заметно ниже, чем в западных странах, были оценки в ряде посткоммунистических стран — Венгрии (7.0), Черногории (8.1), Сербии (8.3), Латвии (8.6), Болгарии (8.9). Как и предпо-

---

¹ Данные World Bank, см.: <https://databank.worldbank.org/> и <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI> (дата обращения: 29.06.2023).

лагалось, в более демократических странах, согласно положительным и статистически значимым интеракциям, классовые различия участия в выборах были выражены с большей отчетливостью.

Зависимости неравного классового голосования от восприятия общественным мнением состояния демократической системы позволяет получить модель 4. В ней контекст измерялся с помощью индекса воспринимаемой демократии. Респондентам задавался ряд вопросов, позволяющих зафиксировать их отношение к политической системе. Один из них говорит об удовлетворенности демократией: «Если говорить в целом, насколько Вы удовлетворены тем, как работает демократия в [страна]?» (шкала от 0 — совершенно не удовлетворен до 10 — полностью удовлетворен). Другой показатель позволяет уловить, насколько граждане уверены в открытости политической системы — могут ли они оказать влияние на принимаемые решения (*external efficacy*). Он рассчитывался как средняя оценка по двум вопросам анкеты с пятибалльными шкалами: «В какой мере, на ваш взгляд, нынешняя политическая система в [страна] позволяет таким людям, как вы, сказать свое слово в решении о том, в каком направлении действовать правительству?» и «В какой мере, на ваш взгляд, нынешняя политическая система в [страна] позволяет таким людям, как вы, влиять на политику?» Еще один вопрос касался отношения к выборным органам: «Скажите, пожалуйста, насколько вы лично доверяете разным группам людей или организациям, которые я буду вам называть? Для ответа используйте шкалу от 0 до 10, представленную на этой карточке. «0» означает, что вы совершенно не доверяете этой группе людей или организации, а «10» — что вы им полностью доверяете... Парламент [нижняя палата]». Респондентов спрашивали также: «Насколько вы интересуетесь политикой?» (от 1 — очень интересуюсь до 4 — совсем не интересуюсь) и «Есть ли такая политическая партия, которая Вам ближе, чем все остальные партии?» (0 — нет, 1 — да). Более высокие средние оценки по всем этим показателям свидетельствуют, что в восприятии граждан данной страны демократия работает. Они использовались в нашей работе как агрегированные индикаторы воспринимаемой демократии на втором уровне (различий между странами). На этом уровне все они очень тесно взаимосвязаны и при факторном (главных компонент) анализе коррелируют с общей латентной переменной, которую можно назвать индексом воспринимаемой демократии ($Eigenvalue = 4.05$, % of Variance = 81, факторные нагрузки от 0.84 до 0.94). Распре-

деление стран по этому индексу соответствует перемещению с Востока Европы на Запад — низкие значения характеризуют (в порядке возрастания) такие страны, как Болгария, Хорватия, Сербия, Латвия, Литва, Черногория, а высокие (упорядоченные по убыванию) — Швецию, Норвегию, Швейцарию, Нидерланды, Финляндию и Германию. Россия, как и вся посткоммунистическая Европа, располагается в нижней половине списка, но выше, чем те страны, в которых общественное мнение было особенно недовольно состоянием демократии. Как показывают коэффициенты, полученные в модели 4 (положительные, статистически значимые интеракции индекса воспринимаемой демократии с классовыми дихотомиями), электоральные классовые неравенства сглаживаются там, где многие люди, представляющие различные общественные слои, выражают неудовлетворенность работой демократической системы.

Интересующая нас характеристика государственных и политических институтов — способность контролировать коррупцию (CPI) — анализировалась в модели 5. И вновь все интеракции этого контекстуального фактора с признаками классовых позиций оказались с положительным знаком и были статистически значимыми. Это значит, что большая активность избирателей с более высокой классовой позицией проявляется при низких уровнях коррупции, а по мере повышения этого уровня происходит постепенное сокращение электоральных классовых неравенств.

Сопоставление долей объясненных рассмотренными показателями дисперсий, характеризующих неодинаковое проявление классовых различий в голосовании (нижняя панель табл. 1), позволяет предположить, что именно коррупция является важнейшим контекстуальным фактором, определяющим эти различия. Действительно, она объясняет основные классовые отличия гораздо лучше, чем другие описанные характеристики общественного контекста. Для подтверждения этого соображения были рассмотрены еще три двухуровневые модели, аналогичных только что описанным, но включающих на втором уровне пары контекстуальных факторов, один из которых — коррупция. Результаты сведены в таблицу 2.

Таблица 2

**Основные различительные контексты электоральных
классовых неравенств**

Интеракции между уровнями	Модель 6	Модель 7	Модель 8
Верхний, верхний средний классы			
Запад — Восток	0.040		
Уровень демократии		-0.052	
Воспринимаемая демократия			0.118
Контроль коррупции	0.391**	0.415***	0.471**
Нижний средний класс			
Запад — Восток	-0.042		
Уровень демократии		-0.036	
Воспринимаемая демократия			-0.093
Контроль коррупции	0.285**	0.326**	0.368**
Мелкие предприниматели			
Запад — Восток	0.041		
Уровень демократии		0.016	
Воспринимаемая демократия			-0.014
Контроль коррупции	0.231**	0.206*	0.225*
Квалифицированные рабочие			
Запад — Восток	-0.254***		
Уровень демократии		-0.040	
Воспринимаемая демократия			0.006
Контроль коррупции	0.027	0.145*	0.112*

В таблице представлены только включавшиеся в модель интеракции между факторами контекста и классовыми категориями (прочие статистики не приводятся; отметим, что все четыре контекстуальных фактора довольно тесно коррелируют между собой, однако это не вызывает проблем, связанных с коллинеарностью). В модели 6 контекстуальными факторами выступали дихотомия «западные — посткоммунистические страны Европы» и контроль коррупции. Различение Запад — Восток утрачивает свое объяснительное значение для выраженности электоральных классовых неравенств — его воздействие обусловлено коррупционной составляющей. Другая контекстуальная пара — уровень демократии

и контроль коррупции — учитывалась в модели 7. И вновь показатель демократии утрачивает свое значение для объяснения классовых различий в голосовании, уступая контролю коррупции. Тот же эффект можно видеть и в модели 8, включающей индексы воспринимаемой демократии и коррупцию — значимым фактором остается только последняя.

Таким образом, моделирование позволяет утверждать, что электоральные неравенства между классами зависят от общественного контекста, и ключевым объяснительным фактором выступает контроль коррупции. В тех странах, где коррупция отличается широким размахом, эти неравенства становятся менее выраженными — представители различных общественных слоев утрачивают желание избирать своих представителей в парламент, которым нужна власть для личного обогащения. Для иллюстрации этой зависимости по уравнению модели 5 был построен рисунок 4, позволяющий в наглядной форме уловить, как происходит классовая демобилизация (при средних значениях контрольных переменных).

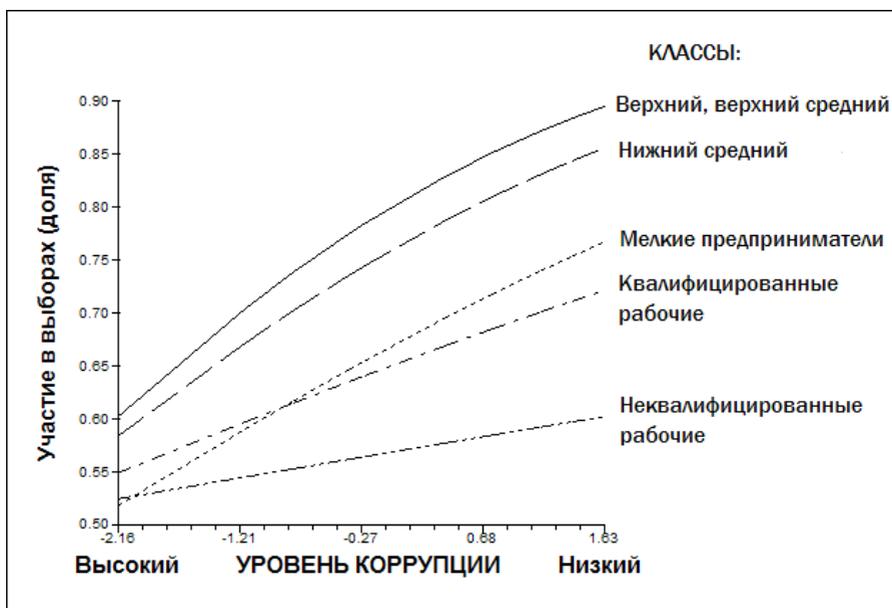

Рис. 4. Классовые неравенства участия в парламентских выборах в Европе и коррупция

В коррумпированных обществах, как видно на рисунке, на парламентские выборы перестают ходить главным образом избиратели с более высокой классовой позицией, которые при работающей демократии наиболее активно участвуют в голосовании. Прежде всего это представители верхних и средних классов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования, проводившиеся во многих демократических странах, убедительно свидетельствуют, что участие граждан в выборах властных органов существенно различается и связано с их положением в социальной структуре. Электоральная активность повышается с ростом социально-экономического статуса — профессионального положения, доходов и образования, она заметно выше у представителей верхних и средних, чем рабочих классов. Сравнительное изучение явки на выборы в разных странах позволило также установить, что она зависит от особенностей электоральных систем, остроты партийной конкуренции и некоторых других факторов. На нее существенное воздействие оказывает и коррупция: распространение коррупционных практик ведет к снижению на национальном уровне доли избирателей, принимающих участие в голосовании, поскольку многие из них полагают бессмысленным способствовать наделению властью политиков и чиновников, к которой те стремятся ради личного обогащения. При этом недостаточно исследованным остается вопрос о том, как именно реагируют на коррупцию избиратели из разных социальных слоев — происходит ли общая параллельная классовая демобилизация, оставляющая электоральные неравенства между классами в неизменном виде или же эта демобилизация охватывает в большей мере нижние классы, итак не склонные к голосованию, что может привести к расширению неравенств, а может, напротив, ей подвержены верхние и средние классы, лучше разбирающиеся в политике, но утрачивающие надежду на учет своих интересов — в этом случае можно ожидать сокращения неравенств.

В настоящей работе предпринимается попытка прояснить, как электоральные классовые неравенства связаны с качеством демократического правления в Западной, Центральной и Восточной Европе — способностью властей контролировать коррупцию. Выраженность таких неравенств, зафиксированная по данным репрезентативных национальных опросов, проведенных в 28 странах, включая Россию, в рамках

Европейского социального исследования (ESS 2018, Россия — 2016), объяснялась при двухуровневом иерархическом моделировании воздействием фактора коррупции (и некоторых других показателей состояния демократии).

Согласно приведенным данным, явка на парламентских выборах в европейских странах очень сильно различалась — она была выше в западных, особенно скандинавских, демократиях и ниже во многих посткоммунистических странах. Уровень коррупции в Западной Европе был достаточно низким, тогда как в Центральной и Восточной Европе коррупционные практики имели более широкое распространение. Результаты статистического моделирования подтверждают, что во всех европейских странах можно обнаружить классовые неравенства участия в выборах, указывающие на рост активности с повышением классовой позиции. Однако эти неравенства оказались более отчетливыми в одних странах и менее — в других. Их неодинаковая выраженность объясняется различиями между странами, характеризующими качество демократического правления — прежде всего способностью системы контролировать коррупцию. Классовые различия электоральной активности были наиболее заметными в стабильных западных демократиях, где коррупция была под контролем. Здесь доли проголосовавших среди избирателей из верхних и средних классов намного превосходили соответствующие показатели, относящиеся к рабочему классу. По мере повышения показателя коррупции, которое сопровождается общим снижением электорального участия, различия между классами начинают сокращаться, причем это происходит за счет демобилизации главным образом граждан с более высоким положением в классовой структуре.

Невысокая явка на выборы в России может, наряду с другими обстоятельствами, зависеть от особенностей социального структурирования — широкого представительства избирателей из рабочего класса, не склонных к участию в голосовании. Ей способствуют также плохая работа демократических институтов и высокий уровень коррупции, вызывающие у потенциально наиболее активных избирателей из верхних-средних классов нежелание участвовать в выборах.

Литература

Мамонов М., Гаврилов И., Вядро М. Эволюция политического поведения россиян в электоральном цикле 2016–2018 гг. // Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита / под ред. Валерия Федорова. М.: ВЦИОМ, 2019. С. 15–104.

Agerberg M. The Curse of Knowledge? Education, Corruption, and Politics // *Political Behavior*. 2019. Vol. 41, no. 2. P. 369–399. <https://doi.org/10.1007/s11109-018-9455-7>.

Blais A., Daoust J.-F. *The Motivation to Vote: Explaining Electoral Participation*. Vancouver: UBC Press, 2020. 156 p.

Bonifácio R., Paulino R. Corruption and Political Participation in the Americas and the Caribbean // *Brazilian Political Science Review*. 2015. Vol. 9, no. 2. P. 54–80. <http://doi.org/10.1590/1981-38212014000200011>.

Cancela J., Geys B. Explaining Voter Turnout: A Meta-Analysis of National and Subnational Elections // *Electoral Studies*. 2016. Vol. 42. P. 264–275. <https://dx.doi.org/10.1016/j.electstud.2016.03.005>.

Carreras M., Vera S. Do Corrupt Politicians Mobilize or Demobilize Voters? A Vignette Experiment in Colombia // *Latin American Politics and Society*. 2018. Vol. 60, no. 3. P. 77–95. <http://dx.doi.org/10.1017/lap.2018.25>.

Chong A., De La O A.L., Karlan D., Wantchekon L. Does Corruption Information Inspire the Fight or Quash the Hope? A Field Experiment in Mexico on Voter Turnout, Choice, and Party Identification // *The Journal of Politics*. 2015. Vol. 77, no. 1. P. 55–71. <https://doi.org/10.1086/678766>.

Dahlberg S., Solevid M. Does corruption suppress voter turnout? // *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*. 2016. Vol. 26, no. 4. P. 489–510. <http://dx.doi.org/10.1080/17457289.2016.1223677>

Dalton R.J. *The Participation Gap: Social Status and Political Inequality*. New York: Oxford University Press, 2017. 280 p. <http://dx.doi.org/10.1093/oso/9780198733607.001.0001>.

Dalton R. Political Inequality and the Democratic Process // *The Oxford Handbook of Political Participation* / Ed. by M. Giugni, M. Grasso. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 912–929. <http://dx.doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198861126.013.51>.

Escaleras M., Calcagno P.T., Shughart II W.F. Corruption and Voter Participation: Evidence from the US States // *Public Finance Review*. 2012. Vol. 40, no. 6. P. 789–815. <http://dx.doi.org/10.1177/1091142112446846>.

Evans G., Hepplewhite M. Class and Educational Inequality in Electoral Participation // *The Oxford Handbook of Political Participation* / ed. by M. Giugni, M. Grasso. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 578–597. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198861126.013.34>.

Feitosa F. Theoretically, yes, but also empirically? How the corruption-turnout link is marginally explained by civic duty to vote // *Electoral Studies*. 2020. Vol. 66, Article 102162. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2020.102162>.

Frank R. W., Martínez i Coma F. Correlates of Voter Turnout // *Political Behavior*. 2023. Vol. 45, no. 2. P. 607–633. <https://doi.org/10.1007/s11109-021-09720-y>.

Geys B. Explaining Voter Turnout: A Review of Aggregate-Level Research // *Electoral Studies*. 2006. Vol. 25, no. 4. P. 637–663. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2005.09.002>.

Giommoni T. Exposure to corruption and political participation: Evidence from Italian municipalities // *European Journal of Political Economy*. 2021. Vol. 68. Article № 102000. <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2021.102000>.

Haveric S., Ronchi S., Cabeza L. Closer to the State, Closer to the Polls? The Different Impact of Corruption on Turnout among Public Employees and Other Citizens // *International Political Science Review*. 2019. Vol. 40, no. 5. P. 659–675. <https://doi.org/10.1177/0192512118795174>.

Holbrook A.L., Krosnick J.A. Social Desirability Bias in Voter Turnout Reports: Tests Using the Item Count Technique // *Public Opinion Quarterly*. 2010., Vol. 74, no. 1. P. 37–67. <https://doi.org/10.1093/poq/nfp065>.

Hooghe M., Quintelier E. Political Participation in European Countries: The Effect of Authoritarian Rule, Corruption, Lack of Good Governance and Economic Downturn // *Comparative European Politics*. 2014. Vol. 12, no. 2. P. 209–232. <https://doi.org/10.1057/cep.2013.3>.

Karahan G.R., Coats R.M., Shughart II W.F. And the Beat Goes On: Further Evidence on Voting on the Form of County Governance in the Midst of Public Corruption // *Kyklos*. 2009. Vol. 62, no. 1. P. 65–84. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6435.2009.00423.x>.

Kostadinova T. Abstain or Rebel: Corruption Perceptions and Voting in East European Elections // *Politics & Policy*. 2009. Vol. 37, no. 4. P. 691–714. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1747-1346.2009.00194.x>.

Kostadinova T., Kmetty Z. Corruption and Political Participation in Hungary: Testing Models of Civic Engagement // *East European Politics and Societies and Cultures*. 2018. Vol. 33, no. 3. P. 555–578. <http://dx.doi.org/10.1177/0888325418800556>.

Kostelka F. The State of Political Participation in Post-Communist Democracies: Low but Surprisingly Little Biased Citizen Engagement // *Europe-Asia Studies*. 2014. Vol. 66, no. 6. P. 945–968. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.905386>.

Kynev A. How the Electoral Policy of the Russian State Predetermined the Results of the 2016 State Duma Elections // *Russian Politics*. 2017. Vol. 2. P. 206–226. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00202002>.

Norris P. Comparing Mass Political Participation in Democratic and Authoritarian Regimes // *The Oxford Handbook of Political Participation* / ed. by M. Giugni, M. Grasso. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 858–876. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198861126.013.52>.

Oesch D. Coming to Grips with a Changing Class Structure. An Analysis of Employment Stratification in Britain, Germany, Sweden and Switzerland // *International Sociology*. 2006. Vol. 21, no. 2. P. 263–288. <https://doi.org/10.1177/02685809060613>.

Oesch D. Redrawing the Class Map. Stratification and Institutions in Britain, Germany, Sweden and Switzerland. Chippenham and Eastbourne: Palgrave Macmillan, 2006. 271 p.

Olsson S.A. Corruption and Political Participation: A Multilevel Analysis // QoG Working Paper Series. 2014. No. 12.

Pancurakova I. The Effect of Perceived Corruption on Voter Turnout in Post-Communist Countries in the European Union: Evidence from the Life in Transition Survey III. CUNY Academic Works, 2019. URL: https://academicworks.cuny.edu/hc_sas_etds/516 (дата обращения: 06.07.2023).

Raudenbush S.W., Bryk A.S. Hierarchical Linear Models: Applications and Data Analysis Methods. Second Edition. Thousand Oaks, CA: Sage, 2002. 512 p.

Rogov K. Russia's 2016 Duma Elections: Ambiguous Triumph and New Challenges for the Regime // FIIA (The Finnish Institute of International Affairs) Briefing Paper. 2016. No. 205. URL: https://www.fiaa.fi/wp-content/uploads/2017/04/bp205_russia_s_2016_duma_elections.pdf (дата обращения: 16.11.2022).

Schäfer A., Schwander H. "Don't Play if You Can't Win": Does Economic Inequality Undermine Political Equality? // European Political Science Review. 2019. Vol. 11, no. 3. P. 395–413. <https://doi.org/10.1017/S1755773919000201>.

Schlozman K.L., Brady H.E., Verba S. Unequal and Unrepresented: Political Inequality and the People's Voice in the New Gilded Age. Princeton: Princeton University Press, 2018. 352 p.

Schlozman K.L., Verba S., Brady H.E. The Unheavenly Chorus: Unequal Political Voice and the Broken Promise of American Democracy. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2012. 728 p.

Smets K., van Ham C. The Embarrassment of Riches? A Meta-Analysis of Individual-Level Research on Voter Turnout // Electoral Studies. 2013. Vol. 32, no. 2. P. 344–359. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2012.12.006>.

Solt F. Economic Inequality and Democratic Political Engagement // American Journal of Political Science. 2008. Vol. 52, no. 1. P. 48–60. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00298.x>.

Stockemer D. Corruption and Turnout in Presidential Elections: A Macro-level Quantitative Analysis // Politics and Policy. 2013. Vol. 41, no. 2. P. 191–214. <http://dx.doi.org/10.1111/polp.12012>.

Stockemer D. What Affects Voter Turnout? A Review Article/Meta-Analysis of Aggregate Research // *Government and Opposition*. 2017. Vol. 52, no. 4. P. 698–722. <https://doi.org/10.1017/gov.2016.30>.

Stockemer D., Calca P. Corruption and Turnout in Portugal—a Municipal Level Study // Crime, Law and Social Change. 2013. Vol. 60, no. 5. P. 535–548. <http://dx.doi.org/10.1007/s10611-013-9481-7>.

Stockemer D., LaMontagne B., Scruggs L. Bribes and ballots: The impact of corruption on voter turnout in democracies // International Political Science Review. 2013. Vol. 34, no. 1. P. 74–90. <http://dx.doi.org/10.1177/0192512111419824>.

Sundström A., Stockemer D. Regional variation in voter turnout in Europe: The impact of corruption perceptions // *Electoral Studies*. 2015. Vol. 40. P. 158-169. <http://dx.doi.org/10.1016/j.electstud.2015.08.006>.

Školník M. Corruption and Political Participation: A Review // *Sociální studia*. 2020. No. 1. P. 89–105. <https://doi.org/10.5817/SOC2020-1-89>.

Tambe E.B., Monyake M. The Impact of Corruption and Clientelism on Voter Turnout in Africa // *Crime, Law and Social Change*. 2023. <https://doi.org/10.1007/s10611-023-10092-z>.

Teorell J., Dahlberg S., Holmberg S., Rothstein B., Pachon N.A., Axelsson S. The Quality of Government Standard Dataset, version Jan20. University of Gothenburg: The Quality of Government Institute, 2020. <https://doi.org/10.18157/qogstdjan20>.

Toklo S. The Effects of Corruption Perception on Political Participation: Evidence from Africa // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2022. Т. 16, № 2. P. 109–122. <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2022-2-109-122>.

Verba S., Schlozman K. L., Brady H. Voice and Equality: Civic Voluntarism in American Politics. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. 664 p.

Warren M.E. What Does Corruption Mean in a Democracy? // *American Journal of Political Science*. 2004. Vol. 48, no. 2. P. 328–343. <https://doi.org/10.2307/1519886>.

Wass H., Blais A. Turnout // *The SAGE Handbook of Electoral Behaviour*. Vol. 1 / ed. by K. Arzheimer, J. Evans, M.S. Lewis-Beck. London: Sage, 2017. P. 459–487.

CORRUPTION AND CLASS INEQUALITIES IN ELECTORAL PARTICIPATION IN EUROPEAN COUNTRIES

V.V. Safronov

(vsafronov@list.ru)

Sociological Institute,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Citation: Safronov V.V. Korruptsiya i klassovyye neravenstva elektoral'nogo uchastiya v yevropeyskikh stranakh [Corruption and class inequalities in electoral participation in European countries]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2023, 10 (1): 5–42. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.1>
EDN VFIYXP

Abstract. *The problem of inequalities in electoral participation in the countries of Western and Central-Eastern Europe is considered. According to research, voters from the upper and middle classes are noticeably more active in parliamentary elections than representatives of the working class. However, it remains unclear why such inequalities are more pronounced in some countries and less so in others. To clarify this question, the data of representative surveys conducted under the European Social Survey project (ESS 2018, for Russia — 2016) in 28 countries were analyzed, as well as information on how democracy works in them. Two-level modeling made it possible to confirm that in all European countries, participation in parliamentary elections is stratified by class — it noticeably decreases when moving from the upper and middle to the working classes. Such inequalities were significantly larger in some countries and smaller in others. They turned out to be especially distinct in Western Europe — in countries distinguished by working democratic institutions and low corruption. As the quality of democratic governance declines and as corrupt practices spread, as in post-communist countries, there is a general decrease in turnout and a reduction in class inequalities caused by the reluctance of voters from the upper and middle classes to participate in voting.*

Keywords: *electoral inequalities, class structuring, social context, corruption, countries of Western and Central-Eastern Europe, European Social Survey (ESS 2018).*

References

- Agerberg M. The Curse of Knowledge? Education, Corruption, and Politics. *Political Behavior*, 2019, 41(2), pp. 369–399. <https://doi.org/10.1007/s11109-018-9455-7>.
- Blais A., Daoust J.-F. *The Motivation to Vote: Explaining Electoral Participation*. Vancouver: UBC Press, 2020. 156 p.
- Bonifácio R., Paulino R. Corruption and Political Participation in the Americas and the Caribbean. *Brazilian Political Science Review*, 2015, 9(2), pp. 54–80. <http://dx.doi.org/10.1590/1981-38212014000200011>.
- Cancela J., Geys B. Explaining Voter Turnout: A Meta-Analysis of National and Subnational Elections. *Electoral Studies*, 2016, 42, pp. 264–275. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.03.005>.
- Carreras M., Vera S. Do Corrupt Politicians Mobilize or Demobilize Voters? A Vignette Experiment in Colombia. *Latin American Politics and Society*, 2018, 60(3), pp. 77–95. <http://dx.doi.org/10.1017/lap.2018.25>.
- Chong A., De La O A.L., Karlan D., Wantchekon L. Does Corruption Information Inspire the Fight or Quash the Hope? A Field Experiment in Mexico on Voter Turnout, Choice, and Party Identification. *The Journal of Politics*, 2015, 77(1), pp. 55–71. <https://doi.org/10.1086/678766>.
- Dahlberg S., Solevid M. Does corruption suppress voter turnout? *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*, 2016, 26(4), pp. 489–510. <http://dx.doi.org/10.1080/17457289.2016.1223677>.
- Dalton R.J. *The Participation Gap: Social Status and Political Inequality*. New York: Oxford University Press, 2017. 280 p. <http://dx.doi.org/10.1093/oso/9780198733607.001.0001>.
- Dalton R. Political Inequality and the Democratic Process, *The Oxford Handbook of Political Participation*. Ed. by M. Giugni, M. Grasso. Oxford: Oxford University Press, 2022, pp. 912–929. <http://dx.doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198861126.013.51>.
- Escaleras M., Calcagno P.T., Shughart II W.F. Corruption and Voter Participation: Evidence from the US States. *Public Finance Review*, 2012, 40(6), pp. 789–815. <http://dx.doi.org/10.1177/1091142112446846>.
- Evans G., Hepplewhite M. Class and Educational Inequality in Electoral Participation. *The Oxford Handbook of Political Participation*. Ed. by M. Giugni, M. Grasso. Oxford: Oxford University Press, 2022, pp. 578–597. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198861126.013.34>.
- Feitosa F. Theoretically, yes, but also empirically? How the corruption-turnout link is marginally explained by civic duty to vote. *Electoral Studies*, 2020, 66 (Article 102162). <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2020.102162>.
- Frank R.W., Martínez i Coma F. Correlates of Voter Turnout. *Political Behavior*, 2023, 45(2), pp. 607–633. <https://doi.org/10.1007/s11109-021-09720-y>.
- Geys B. Explaining Voter Turnout: A Review of Aggregate-Level Research. *Electoral Studies*, 2006, 25(4), pp. 637–663. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2005.09.002>.

Giommoni T. Exposure to corruption and political participation: Evidence from Italian municipalities. *European Journal of Political Economy*, 2021, 68, Article 102000. <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2021.102000>.

Haveric S., Ronchi S., Cabeza L. Closer to the State, Closer to the Polls? The Different Impact of Corruption on Turnout among Public Employees and Other Citizens. *International Political Science Review*, 2019, 40(5), pp. 659–675. <https://doi.org/10.1177/0192512118795174>.

Holbrook A.L., Krosnick J.A. Social Desirability Bias in Voter Turnout Reports: Tests Using the Item Count Technique. *Public Opinion Quarterly*, 2010, 74(1), pp. 37–67. <https://doi.org/10.1093/poq/nfp065>.

Hooghe M., Quintelier E. Political Participation in European Countries: The Effect of Authoritarian Rule, Corruption, Lack of Good Governance and Economic Downturn. *Comparative European Politics*, 2014, 12(2), pp. 209–232. <https://doi.org/10.1057/cep.2013.3>.

Karahan G.R., Coats R.M., Shughart II W.F. And the Beat Goes On: Further Evidence on Voting on the Form of County Governance in the Midst of Public Corruption. *Kyklos*, 2009, 62(1), pp. 65–84. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6435.2009.00423.x>.

Kostadinova T. Abstain or Rebel: Corruption Perceptions and Voting in East European Elections. *Politics & Policy*, 2009, 37(4), pp. 691–714. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1747-1346.2009.00194.x>.

Kostadinova T., Kmetty Z. Corruption and Political Participation in Hungary: Testing Models of Civic Engagement. *East European Politics and Societies and Cultures*, 2018, 33(3), pp. 555–578. <http://dx.doi.org/10.1177/0888325418800556>.

Kostelka F. The State of Political Participation in Post-Communist Democracies: Low but Surprisingly Little Biased Citizen Engagement. *Europe-Asia Studies*, 2014, 66(6), pp. 945–968. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.905386>.

Kynev A. How the Electoral Policy of the Russian State Predetermined the Results of the 2016 State Duma Elections. *Russian Politics*, 2017, 2(2), pp. 206–226. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00202002>.

Mamonov M., Gavrilov I., Vyadro M. Evolyutsiya politicheskogo povedeniya rossiyan v elektoral'nom tsikle 2016–2018 gg. [The evolution of the political behavior of Russians in the electoral cycle of 2016–2018]. *Vybory na fone Kryma: elektoral'nyy tsikl 2016–2018 gg. i perspektivy politicheskogo tranzita* [Elections against the backdrop of Crimea: the electoral cycle of 2016–2018. and prospects for political transit]. Ed. by V. Fedorov. Moscow: VTSIOM, 2019, pp. 15–104. (In Russian)

Norris P. Comparing Mass Political Participation in Democratic and Authoritarian Regimes. *The Oxford Handbook of Political Participation*. Ed. by M. Giugni, M. Grasso. Oxford: Oxford University Press, 2022, pp. 858–876. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198861126.013.52>.

Oesch D. Coming to Grips with a Changing Class Structure. An Analysis of Employment Stratification in Britain, Germany, Sweden and Switzerland. *International Sociology*, 2006, 21(2), pp. 263–288. <https://doi.org/10.1177/02685809060613>.

Oesch D. *Redrawing the Class Map. Stratification and Institutions in Britain, Germany, Sweden and Switzerland*. Chippenham; Eastbourne: Palgrave Macmillan, 2006. 271 p.

Olsson S.A. Corruption and Political Participation: A Multilevel Analysis. *QoG Working Paper Series*, 2014, no. 12.

Pancurakova I. The Effect of Perceived Corruption on Voter Turnout in Post-Communist Countries in the European Union: Evidence from the Life in Transition Survey III. *CUNY Academic Works*, 2019. Available at: https://academicworks.cuny.edu/hc_sas_etds/516 (accessed: 06.07.2023).

Raudenbush S.W., Bryk A.S. *Hierarchical Linear Models: Applications and Data Analysis Methods*. Second Edition. Thousand Oaks, CA: Sage, 2002. 512 p.

Rogov K. Russia's 2016 Duma Elections: Ambiguous Triumph and New Challenges for the Regime. *FIIA (The Finnish Institute of International Affairs) Briefing Paper*, 2016, no. 205. Available at: https://www.fiaa.fi/wp-content/uploads/2017/04/bp205_russia_s_2016_duma_elections.pdf (accessed: 16.11.2022).

Schäfer A., Schwander H. "Don't Play if You Can't Win": Does Economic Inequality Undermine Political Equality? *European Political Science Review*, 2019, 11(3), pp. 395–413. <https://doi.org/10.1017/S1755773919000201>.

Schlozman K.L., Brady H.E., Verba S. *Unequal and Unrepresented: Political Inequality and the People's Voice in the New Gilded Age*. Princeton: Princeton University Press, 2018. 352 p.

Schlozman K.L., Verba S., Brady H.E. *The Unheavenly Chorus: Unequal Political Voice and the Broken Promise of American Democracy*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2012. 728 p.

Smets K., van Ham C. The Embarrassment of Riches? A Meta-Analysis of Individual-Level Research on Voter Turnout. *Electoral Studies*, 2013, 32(2), pp. 344–359. doi: 10.1016/j.electstud.2012.12.006.

Solt F. Economic Inequality and Democratic Political Engagement. *American Journal of Political Science*, 2008, 52(1), pp. 48–60. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00298.x>.

Stockemer D. Corruption and Turnout in Presidential Elections: A Macro-level Quantitative Analysis. *Politics and Policy*, 2013, 41(2), pp. 191–214. <http://dx.doi.org/10.1111/polp.12012>.

Stockemer D. What Affects Voter Turnout? A Review Article/Meta-Analysis of Aggregate. *Research, Government and Opposition*, 2017, 52(4), pp. 698–722. <https://doi.org/10.1017/gov.2016.30>

Stockemer D., Calca P. Corruption and Turnout in Portugal — a Municipal. Level Study. *Crime, Law and Social Change*, 2013, 60(5), pp. 535–548. <http://dx.doi.org/10.1007/s10611-013-9481-7>.

Stockemer D., LaMontagne B., Scruggs L. Bribes and ballots: The impact of corruption on voter turnout in democracies. *International Political Science Review*, 2013, 34(1), pp. 74–90. <http://dx.doi.org/10.1177/0192512111419824>.

Sundström A., Stockemer D. Regional variation in voter turnout in Europe: The impact of corruption perceptions. *Electoral Studies*, 2015, 40, pp. 158–169. <http://dx.doi.org/10.1016/j.electstud.2015.08.006>.

Školník M. Corruption and Political Participation: A Review. *Sociální studia*, 2020, no. 1, pp. 89–105. <https://doi.org/10.5817/SOC2020-1-89>.

Tambe E.B., Monyake M. The Impact of Corruption and Clientelism on Voter Turnout in Africa. *Crime, Law and Social Change*, 2023. <https://doi.org/10.1007/s10611-023-10092-z>.

Teorell J., Dahlberg S., Holmberg S., Rothstein B., Pachon N.A., Axelsson S. *The Quality of Government Standard Dataset*, version Jan20. University of Gothenburg: The Quality of Government Institute, 2020. <https://doi.org/10.18157/qogstdjan20>.

Toklo S. The Effects of Corruption Perception on Political Participation: Evidence from Africa. *Vestnik Permskogo Universiteta. Politologia* [Herald of the Perm University. Political Science], 2022, 16(2), pp. 109–122. <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2022-2-109-122>. (In Russian)

Verba S., Schlozman K. L., Brady H. *Voice and Equality: Civic Voluntarism in American Politics*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. 664 p.

Wass H., Blais A. Turnout, *The SAGE Handbook of Electoral Behaviour*. Vol. 1. Ed. by K. Arzheimer, J. Evans, M.S. Lewis-Beck. London: Sage, 2017, pp. 459–487.

НА ПУТИ К КАРДИНАЛЬСКОЙ ШАПКЕ: КАРЬЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ЕВРОПЫ

В.Д. Дмитриева

(ms.valeria.spb@mail.ru)

Социологический институт ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Дмитриева В.Д. На пути к кардинальской шапке: карьерные траектории католической элиты Европы // Власть и элиты. 2023. Т. 10, №. 1. С. 43–68.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.2>
EDN VHLAZN

Аннотация. *Статья посвящена анализу карьерных траекторий католической элиты Европы. Работа призвана закрыть пробел в научной литературе, заключающийся в отсутствии комплексного изучения биографий всей или части Коллегии кардиналов. Выбор Европы объясняется исторической взаимообусловленностью католического и европейского контекстов, а также уникальностью актуального состояния их взаимоотношений. Эмпирической основой исследования послужила база данных SPSS, составленная по биографиям кардиналов, размещенным на официальном сайте Святого престола. Информация обновлена по результатам последней консистории и актуальна на 1 октября 2023 г. Кардиналы маркированы в качестве элиты по позиционному критерию и выполняемым функциям. Исследовательская гипотеза заключалась в преобладании среди кардиналов-европейцев типа карьер, при котором прелат поочередно занимает диоцезные должности. Установлено, что при продвижении по церковной иерархии доля прелатов, вовлеченных в диоцезную деятельность, сокращается. Наблюдается центростремительная мобильность кардиналов, связанная с их перемещением в Рим/Ватикан как центр принятия управленческих решений. Наиболее распространенными моделями построения карьеры кардиналов-европейцев стали переход от должности архиепископа к главе синода или конференции епископов (14 случаев), а также от секретаря или члена к главе институции Римской курии (8). Таким образом, выдвинутая гипотеза не нашла подтверждения. Однако соотносящаяся с гипотезой модель отличается наибольшее среди всех карьерных траекторий количество выборщиков, возведенных в кардиналы нынешним папой. Дальнейшая разработка темы требует анализа трансформации*

кадровой политики Святого престола и влияния историко-социального, национального и иного контекстов на карьеры католической элиты Европы. Необходимо также привлечение широкого круга неофициальных источников, содержащих информацию о биографиях кардиналов.

Ключевые слова: кардинал, карьера, карьерные траектории, католическая элита, Европа, церковная иерархия, епископ, Римская курия.

ВВЕДЕНИЕ

Кардинал — высшая после римского папы позиция в католической иерархии. Кардиналы, которых зачастую называют «князьями церкви», вовлечены в управленческую деятельность и осуществляют функцию избрания понтифика. Они также выступают архитекторами политического курса, иницируя и корректируя в определенных историко-социальных условиях форматы взаимодействия Святого престола со светскими властями и национальными епископатами (см., например: [Филиппов 2017]). Исторически место и роль кардиналов в церковной структуре менялись.

В первые века существования церкви римский епископ был *primus inter pares* и выбирался собранием верующих, а после — духовенством Вечного города. Однако по мере закрепления за папой роли главы католической церкви возникла потребность в очерчивании круга его ближайших советников. С 1059 г. кардиналы получили исключительное право избрания наместника Святого престола, а в 1150 г. образовалась Коллегия кардиналов. Во время выборов Григория X, во 2-й половине XIII в., возникла сохранившаяся по настоящее время форма конклава. Централизация власти в руках понтифика сопровождалась становлением Римской курии в качестве системы органов управления церковью. Значимым событием стал 1542 г., когда началось преобразование временных комиссий кардиналов, собиравшихся для изучения актуальных вопросов, в постоянные конгрегации. В конгрегациях (*ныне дикастериях*) работают прелаты из разных стран и регионов мира, но на регулярные заседания по текущим вопросам собираются лишь те, кто проживает в Риме. Эти органы, как правило, возглавляют кардиналы, поддерживающие непрерывное общение с папой [Моравский 1981: 21–23, 44–45, 97–99].

За последние десятилетия положение кардиналов претерпело ряд трансформаций. Во 2-й половине XX в. Павлом VI были проведены

реформы, ограничившие численность участников конклава (120 человек), а также возраст кардиналов-выборщиков, членов Римской курии и структур Ватикана до 80 лет [The College... 2014]. Постепенно снижается степень клерикализации церковного управления. Со времен Иоанна Павла II Римская курия работала в соответствии с апостольской конституцией *Pastor bonus* (1988), вместо которой в 2022 г. папой Франциском была выпущена *Praedicate Evangelium*, ограничившая срок полномочий иерархов до пяти лет с возможностью продления мандата [Tornielli, Centofanti 2022]. В 2023 г. понтификом был обнародован фундаментальный закон, заменивший действовавшую с 2000 г. «конституцию» Ватикана. Согласно тексту нового документа, помимо прелатов, возможность членства в Папской комиссии по делам государства-града Ватикан получили миряне [Cernuzio 2023].

Еще одной ведущей тенденцией преобразования Коллегии кардиналов можно назвать сокращение доли европейцев в целом и итальянцев в частности. Как показано в таблице 1, из 242 ныне живущих кардиналов 111 человек (45,9 %) являются представителями Европы, причем 49 из них, или 20,2 % от общего числа — итальянцы. Для сравнения, Пий XII за время своего понтификата (1939–1958) возвел в кардиналы 56 прелатов, из которых 36 человек, или 64,3 %, были европейцами, а четверть (14 человек) составляли итальянцы [Broderick 1987: 64]. Сейчас среди кардиналов-выборщиков доля выходцев из стран Европы сокращается, но остается существенной — 52 из 136 человек, или 38,2 %.

Таблица 1

Доля европейцев в Коллегии кардиналов*, в %

Происхождение	Ныне живущие кардиналы (N=242)	Кардиналы-выборщики (N=136)
Европейцы в целом	45,9	38,2
Итальянцы	20,2	10,3

*Все таблицы и диаграммы, используемые в статье, составлены автором на основании биографических сведений кардиналов, размещенных на официальном сайте Святого престола [List of Cardinals... 2023].

Сопоставление последних двух понтификатов показывает, что Франциск занимает более активную позицию по вопросу обновления Кол-

легии кардиналов, чем его предшественник (142 и 90 назначений соответственно), а также склонен к продвижению католических иерархов из менее обеспеченных регионов мира. Если при Бенедикте XVI кардинальские шапки распределялись между глобальным Югом и Севером в отношении 3:7, то при нынешнем папе 50,7 % назначений кардиналов приходится именно на Юг. Франциском была снижена доля европейцев, входящих в Коллегию кардиналов — 40,8 % назначений против 57,8 % в период понтификата Бенедикта XVI¹. Однако кардиналы-европейцы возглавляют 11 из 31 институции Римской курии (актуальную структуру Римской курии см.: [Pope Francis... 2022]). Европейцами также являются четверо из девяти членов обновленного Совета кардиналов, созданного нынешним папой в 2013 г. в целях содействия в управлении церковью [Pope renews... 2023]. Это свидетельствует о сохранении за представителями Европы существенного влияния в вопросах выработки и реализации (политического) курса Святого престола.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Научная литература, посвященная клерикальным карьерам, вариативна по своему предмету и в той или иной степени охватывает все христианские конфессии. Относительно протестантских деноминаций изучается влияние различных факторов, например размера и местоположения религиозной общины, на удовлетворенность служителей занимаемой позицией (см.: [Nelsen, Everett 1976]). Работы о карьерах в Русской православной церкви, как правило, представляют собой анализ относительно небольшого числа биографий. Среди подобных исследований встречаются как исторические (см., например: [Усачев 2022]), так и проведенные в современном контексте (см., например: [Овчинников 2017]). Изучение карьер в англиканстве отличается широким тематическим охватом, включая выявление карьерных паттернов конкретных эпохи и места (см.: [Green 1981; Pruett 1975]), а также специфики женского священства (подробнее о гендерных аспектах см.: [Bagilhole 2003; Sturges 2019]). Более того, в 2000-е годы было начато формирование базы данных, целью которой выступает реконструкция клерикальных карьер и личных связей в церкви Англии XVI–XIX вв. (см.: [Burns, Fincham, Taylor 2004]).

---

¹ Расчеты выполнены автором с опорой на информацию, опубликованную на сайте Святого престола.

В свою очередь, научная литература о карьерных траекториях католических прелатов может быть разделена на несколько блоков:

1. Труды, посвященные карьерам средневековых клириков и делающие акцент на изучении их семейных связей и сетей отношений, вопросах патронажа (см.: [Barrow 2015; Bishops' Identities... 2021]).

2. Работы, продолжающие анализ карьерных траекторий священнослужителей в иных исторических условиях. Например, книга, раскрывающая роль Римской курии в продвижении клириков эпохи кватроченто (см.: [Entering... 2013]).

3. Исследования по кардиналам раннего Нового времени, рассматривающие их социальное происхождение и функции, а также способы взаимодействия со Святым престолом и церковными институтами, светскими властями и жителями Рима (см.: [A Companion... 2020; Richardson 2009]).

4. Биографии кардиналов Нового времени, вписанные в национальный (см., например: [Nowakowska 2016]) и/или общеевропейский (см., например: [Robinson 2012]) религиозно-политический контекст.

5. Аналогичные биографии выдающихся кардиналов XIX — начала XXI в., содержащие сведения об их первичной социализации, карьерах и взглядах (см.: [Coppa 1990; De Volder 2018; MacGregor 2006]).

6. Труды, направленные на углубленный анализ биографий католической элиты. Например, изучение текстов и публичных выступлений конкретного иерарха (см.: [The Legacy... 2011]) либо сопоставление карьер нескольких кардиналов с пересекающимися жизненными путями (см.: [Spalding 1999]).

7. Актуальные исследования карьерных траекторий прелатов, как правило, не выходят за рамки *case-study*. Исключением может служить работа, посвященная епископам США и предоставляющая сведения об их социально-демографических характеристиках, предыдущей работе, возведении в епископский сан и опыте управления диоцезом (см.: [Fichter et al. 2019]).

Таким образом, научная литература о католических элитах содержит тематическую «лауну», заключающуюся в отсутствии комплексного анализа биографических данных всей или определенной части Коллегии кардиналов, а не только отдельных иерархов. Как отметил Б. Конуэй в своем обзоре основных направлений социологии католицизма, относительно небольшой процент работ уделяет внимание высшим должностным лицам, принимающим решения в церкви. Современные труды

фокусируются преимущественно на страновой специфике, вынося за скобки вопрос о «бюрократии Ватикана» (см.: [Conway 2021]). Настоящее исследование призвано отчасти закрыть существующий пробел, изучив биографические, а именно карьерные траектории кардиналов конкретного региона. Выбор Европы обусловлен исторической взаимобусловленностью католического и европейского контекстов. Дополнительным фактором стала уникальность актуального состояния, при котором взаимодействие католической церкви и европейских государств происходит в условиях «дехристианизации» (секуляризации) Европы и «деевропеизации» (глобализации) христианства, а также наличия наднационального уровня — Европейского союза (подробнее о католицизме в Европе см.: [Kratochvíl 2021]).

МЕТОД И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Эмпирической основой исследования послужила база данных SPSS, составленная по биографиям кардиналов, размещенным на сайте Святого престола [List of Cardinals... 2023]. Официальные биографии типизированы и представлены в структурированном виде. Это упростило процесс кодирования данных, из которых была выделена релевантная для изучения карьерных траекторий информация. Выборка равна генеральной совокупности ныне живущих кардиналов-европейцев (N=111). Сведения обновлены по итогам последней консистории и актуальны на 1 октября 2023 г. Кардиналы маркированы в качестве элиты по позиционному критерию и на основании выполняемых функций.

Позиционный метод определения элиты базируется на предположении о том, что политическое влияние в сложных обществах осуществляется лицами, занимающими формальные руководящие должности в различных секторах. Этот метод связывает место в социальной иерархии с выполнением определенных функций. Идентификация границ элиты основывается на результатах предыдущих исследований и производится более успешно в отношении устойчивых властных структур. При наличии четких критериев отбора элитных позиций метод обеспечивает высокую степень надежности. Важным преимуществом позиционного метода выступает возможность проведения исторических и лонгитюдных исследований. Слабостью является недостаточное внимание к вопросам личной репутации и фактического использования элитными персонами властных ресурсов и институционального по-

тенциала должности (про позиционный метод см.: [Hoffmann-Lange 2018: 80–83; Дука 2015: 10–13]).

Учитывая длительность существования церковной иерархии и низкий уровень открытости принятия управленческих решений, позиционный метод представляется оптимальным для идентификации католической элиты. Иерархическое строение церкви предполагает, что верховная власть принадлежит понтифику, являющемуся преемником Петра и возглавляющему Коллегию епископов — преемников апостолов. Следовательно, с получением епископского сана прелат входит в элиту. Возведение в кардиналы производится напрямую папой. Кардиналы должны принять епископское посвящение, если на момент назначения не являются епископами. Кардиналы оказывают помощь заместителю Святого престола в управлении церковью коллегиально (в рамках консисторий) и индивидуально — занимая различные должности, в том числе в Римской курии и городе-государстве Ватикан. На конклаве кардиналы избирают будущего понтифика (подробнее см.: [Кодекс... 2007: 156–172]).

Исследование выполнено по методике, разработанной и применяемой сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института ФНИСЦ РАН в рамках изучения административно-политической элиты России (см., например: [Быстрова и др. 2020; Быстрова 2022]). *Цель настоящего исследования* состоит в выявлении основных карьерных траекторий кардиналов-европейцев. Под карьерой в данном контексте понимается продвижение по церковной иерархии, где предэлитной считается ступень от рукоположения до возведения в сан епископа, который рассматривается в качестве первой элитной должности. Предпредшествующей работой считается позиция за одну до получения кардинальской шапки, а предшествующей — должность, занимаемая иерархом перед становлением кардиналом. Карьерные траектории отслеживаются с опорой на Кодекс канонического права [Кодекс... 2007].

Исследовательская гипотеза заключается в преобладании типа карьер, при котором прелат поочередно занимает диоцезные должности — движется от «низших» к «высшим» постам в базовой административно-территориальной структуре церкви.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проведенный анализ биографических сведений кардиналов позволил проследить карьерные траектории католической элиты от рукоположения до получения кардинальской шапки. Прежде всего было установлено, что для кардиналов-европейцев характерен высокий уровень эндогенности — совпадение места рождения и страны представительства встречается в 105 из 111 биографий (94,6 %). Отсутствие эндогенности по данному параметру демонстрируют лишь шесть прелатов, из которых 50 % составляют монахи, чья мобильность связана с пребыванием в ордене. Еще трое иерархов являются французами, рожденными в странах Магриба.

Предэлитная ступень карьеры

Кардиналы-европейцы начинают восхождение по церковной иерархии в молодом возрасте. Большинство прелатов (74 человека, или 66,7 %) стали священниками в 23–25 лет. Рукоположение в 66 из 80 случаев (82,5 %) проходило в странах рождения иерархов, что указывает на значительную степень укорененности клириков на первичном этапе построения карьеры. Медианный возраст вступления в предэлитную должность равен 47, а средний составляет 48 лет. Длительность периода (более 20 лет) с момента рукоположения до занятия должности, предшествующей сану епископа, обусловлена включением в данный отрезок времени получения высшего образования и ученых степеней, а также работы на стартовых позициях в церковной иерархии. Важно отметить, что перед занятием элитных должностей среди кардиналов заметно снижается уровень эндогенности: место рождения становится местом предэлитной работы в 46,3 % случаев, а 38,9 % приходится на Рим/Ватикан как центр управления церковью.

Предэлитная работа отображена в таблице 2. При составлении перечня должностей предполагалось, что перед получением епископского сана уровень занимаемой прелатом позиции должен быть выше приходского. Следуя логике иерархического устройства церкви и предварительного анализа биографических сведений, к предэлитным были отнесены должности, представители которых:

- 1) оказывают помощь епископу в управлении всем диоцезом (генеральный и епископский викарии, канцлер и другие нотариусы);
- 2) осуществляют попечение о церквях или общинах, не относящихся к сфере ведения прихода (ректор церкви и капеллан);

3) работают в католических образовательных учреждениях (преподаватели и ректоры семинарий и университетов);

4) выступают в роли легатов римского понтифика (апостольские делегаты и наблюдатели, нунции);

5) вовлечены в деятельность центральных органов управления церковью (советники и члены Римской курии);

6) выполняют управленческие функции среди монашествующих (настоятель монастыря, глава монашеской провинции или ордена).

Наиболее распространенной предэлитной работой кардиналов-европейцев, согласно таблице 2, выступает членство в Римской курии (19 человек). Если учесть куриальных советников, то 21,6 % прелатов на предэлитном этапе имели доступ к органам церковного управления. Иными словами, для 1/5 иерархов вхождение в центральный аппарат церкви открыло возможность для дальнейшего продвижения по карьерной лестнице. На втором и третьем местах по частоте встречаемости в биографиях находятся предэлитная работа в качестве преподавателя и ректора католической семинарии или университета (13 и 9 человек соответственно). Следовательно, образование может быть маркировано одним из важных каналов рекрутирования католической элиты Европы.

Напротив, среди предэлитной работы не упоминаются должности нотариусов, нунциев и настоятелей монастырей. Это свидетельствует о том, что опыт работы с официальными документами и архивами (позиция канцлера), а также управления общиной монахов (должность настоятеля) не рассматривается в качестве достаточного капитала для возведения в сан епископа. Вероятно, такая практика назначений обусловлена спецификой деятельности, требующей наличия у епископа опыта публичных выступлений. Нунции, являющиеся дипломатическими представителями Святого престола, подобный опыт имеют, но до получения епископского сана, как правило, занимают позиции в Римской курии. В целом перечень встречающихся в биографиях кардиналов-европейцев должностей отличается широким диапазоном, в связи с чем предэлитная работа 47 человек оказалась отнесена к категории «другая».

Таблица 2

Предэлитная работа кардиналов-европейцев (N=111)

Должность*	Количество чел.
Канцлер или другой нотариус	0
Генеральный или епископский викарий	6
Ректор церкви или капеллан	4
Преподаватель семинарии или университета	13
Ректор семинарии или университета	9
Апостольский делегат или наблюдатель	6
Нунций	0
Советник Римской курии	5
Член Римской курии	19
Настоятель монастыря	0
Глава монашеской провинции или ордена	2
Другая	47

*Здесь и далее перечни должностей составлены с опорой на книгу II Кодекса канонического права: ч. 2. «Иерархическое строение церкви», ч. 3. «Институты посвященной жизни и общества апостольской жизни» [Кодекс... 2007: 156–309].

Процентное распределение сфер предэлитной активности прелатов представлено на рисунке 1. Наибольшая доля в 24,3 % приходится на преподавание и исследования, в которых были задействованы 27 человек. Работа в диоцезе демонстрирует сходные показатели (23 иерарха, или 20,7 %). Дипломатическая и экспертно-консультативная деятельность образуют менее 10 % каждая. Поскольку перечень предэлитных должностей не соотносится напрямую с выделенными сферами активности, категория «прочее» составила существенные 37 %. В частности, к «прочему» было отнесено членство в Римской курии, которое следует рассматривать скорее в качестве управленческой, а не консультативной деятельности. Необходимо также подчеркнуть, что продолжительность времени занятия предэлитной позиции относительно невелика (медианное значение — 4 года) и достигает пяти лет для 42,3 % кардиналов.

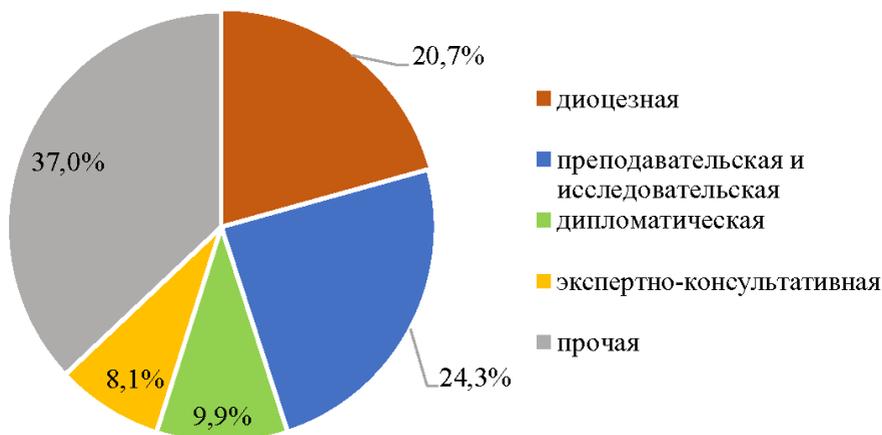

Рис. 1. Предэлитная активность кардиналов-европейцев (N=111)

Элитные позиции и скорость продвижения

Динамика перемещения кардиналов-европейцев по карьерной лестнице может быть охарактеризована как высокая. В первую элитную должность прелаты вступают в среднем в возрасте 54 лет и в трети случаев занимают эту позицию менее года (медианное значение — 2 года). Предшествующую работу кардиналы начинают в среднем в 65 лет и в 29,4 % случаев проводят на этой позиции лишь год (медианное значение — 1,5 года). Для двух третей иерархов (84 человек) кардинальский сан стал четвертой или большей элитной должностью в карьере. Для сравнения: лишь 6 человек впервые вошли в элиту в качестве кардинала, причем все в возрасте старше 80 лет, без права участия в конклаве, а также управлении католической церковью и городом-государством Ватикан.

При восхождении кардиналов-европейцев по карьерной лестнице наблюдается снижение эндогенности, понимаемой как совпадение мест рождения и работы (рис. 2). В основном первая элитная должность предоставляется иерархам в их родной стране. Это характерно для 62,2 % случаев, что превышает показатель эндогенности для предэлитной работы (46,3 %) и может рассматриваться в качестве инструмента легитимации дальнейшего церковного продвижения со стороны верующих той страны, представителем которой является кардинал. При этом продвижение сопровождается центростремительной мобильностью — перемещением в Рим/Ватикан, выступающий для католицизма

центром принятия решений. Если первую элитную должность в Вечном городе занимают лишь 9 %, то предпредшествующую — 38,2 % прелатов. Для предшествующей работы характерно уже практически равное распределение между местом рождения кардиналов (43,8 %) и Римом/Ватиканом (44,8 %).

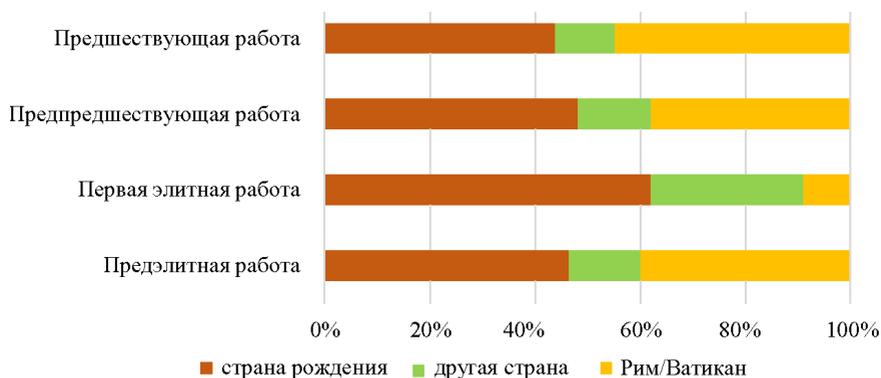

Рис. 2. Место работы кардиналов-европейцев (укорененность)

*Предшествующая работа N=105; предпредшествующая работа N=102; первая элитная работа N=111; предэлитная работа N=108.

Дипломатическая работа крайне редко выступает в роли предпредшествующей и предшествующей сфер деятельности иерархов — 8 и 4 раза соответственно. Следовательно, должности папских легатов не служат прямым трамплином к позиции кардинала, хотя и встречаются во многих биографиях. Как показано на рисунке 3, от предпредшествующей к предшествующей работе доля иерархов, вовлеченных в диоцезную деятельность, снижается от 34,5 до 27 %, а в куриальную — повышается от 22,7 до 31,5 %. Более трети должностей классифицируются как «прочая деятельность» — 27 случаев для предпредшествующей и 23 для предшествующей работы. Однако в сравнении с предэлитной активностью они более органично встраиваются в церковную иерархию.

Наименее приоритетной карьерной траекторией прелатов выступает продвижение в рамках институтов посвященной жизни и обществ апостольской жизни. Вероятно, это сопряжено с тем, что после возведения в сан епископа монашествующий, формально оставаясь членом своего института, не несет всей полноты обязательств и подчиняется только понтифику [Кодекс... 2007: 297–298]. Следует также учитывать

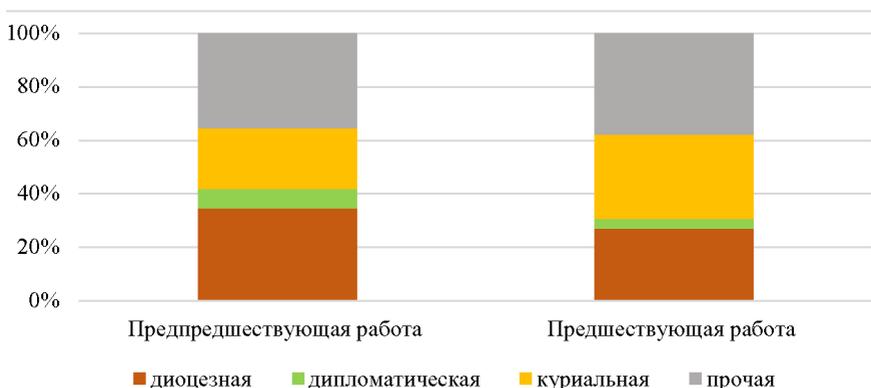

Рис. 3. Сфера предпредшествующей и предшествующей деятельности кардиналов-европейцев

*Предшествующая работа N=110; предпредшествующая работа N=111.

исторически существовавшее напряжение между монашескими орденами как «очагами» религиозного обновления и церковной иерархией. В числе 111 кардиналов-европейцев 21 монах, из которых 14 назначены папой Франциском и лишь двое на предэлитном этапе были главами провинции или ордена. Должность в монашеском ордене стала предпредшествующей работой для четырех и предшествующей для трех человек. Более того, 6 монахов (28,6 %) получили сан кардинала после достижения 80 лет без права участия в конклаве и работы в институтах Римской курии и города-государства Ватикан.

Среди кардиналов-европейцев, состоящих в монашеских орденах, чаще остальных встречаются иезуиты и салезианцы (по 4 человека), а также францисканцы (3). Это может быть объяснено несколькими причинами. Во-первых, данные ордена являются социально-ориентированными, что соотносится с актуальным курсом Святого престола. Иезуиты занимаются вопросами высшего образования, а также миссионерской деятельностью в различных частях света. Салезианцы же делают акцент на общем образовании. Работа в городской среде и попечение о незащищенных слоях населения объединяет их с францисканцами (подробнее см.: [Chadwick 2002: 505–506, 518–521, 524–526]). Во-вторых, в ведении орденов находятся Папские университеты в Риме: Григорианский, Салезианский и Антонианский соответственно. В-третьих, все представители Общества Иисуса и ответвлений фран-

цисканцев возведены в кардиналы нынешним папой, который является иезуитом и принял имя в честь учредителя ордена миноритов.

Полный список предпредшествующих и предшествующих позиций, которые занимали прелаты до получения кардинальской шапки, содержится в таблице 3. Он составлен по аналогии с перечнем предэлитных должностей (см. табл. 2). Учитывались также результаты предварительного анализа биографий и факт повышения статуса прелатов после вхождения в католическую элиту — возведения в епископский сан. Поскольку должности в монашеских орденах редко предваряют занятие позиции кардинала, они представлены в виде единой категории. Статусы главы синода и главы конференции епископов объединены в силу схожести их функционала — руководства встречами епископов из различных регионов мира или одной страны соответственно.

Согласно данным таблицы 3, перед получением кардинальской шапки иерархи не исполняли обязанности секретаря и достаточно редко были главой учреждения при Римской курии. Это свидетельствует о том, что работа в институтах, ассоциированных со Святым престолом, не является гарантией дальнейшего продвижения по карьерной лестнице. В числе предпредшествующих должностей кардиналов чаще остальных встречаются архиепископ (28 раз), секретарь или член Римской курии (15) и епископ (13). Среди предшествующей работы прелатов представлены глава институции Римской курии (27 раз), архиепископ (23) и глава синода или конференции епископов (20).

Таблица 3

**Предпредшествующая и предшествующая работа
кардиналов-европейцев, чел.**

Должность	Предпредшествующая работа (N=110)	Предшествующая работа (N=111)
Епископ	13	4
Архиепископ	28	23
Апостольский делегат или наблюдатель	2	1
Нунций	5	3
Секретарь или член Римской курии	15	6

Глава институции Римской курии	7	27
Секретарь учреждения при Римской курии*	0	0
Глава учреждения при Римской курии	2	1
Глава синода или конференции епископов	7	20
Должность в монашеском ордене	4	3
Другая	27	23

*Имеются в виду учреждения, не входящие в состав Римской курии, но ассоциированные со Святым престолом, в числе которых: 1) Ватиканский Апостольский архив; 2) Ватиканская Апостольская библиотека; 3) Фабрика Святого Петра; 4) Папская комиссия по священной археологии; 5) Папская академия наук; 6) Папская академия общественных наук; 7) Папская академия жизни; 8) *AVEPRO*; 9) Управление финансовой информации Святого Престола [Pope Francis... 2022].

Комбинирование наиболее распространенных позиций, занимаемых европейскими иерархами перед возведением в кардиналы, выявило девять возможных моделей перехода от предпредшествующей к предшествующей работе (табл. 4). Сравнительный анализ моделей дает следующие результаты:

1. Модель «от епископа к архиепископу» служит иллюстрацией выдвинутой гипотезы о выстраивании церковной карьеры посредством диоцезной работы. Из семи кардиналов, придерживавшихся этой модели, четверо были назначены папой Франциском. Один кардинал в настоящее время координирует деятельность Совета по делам экономики Римской курии. Примечательно, что выбор данной модели характерен скорее для представителей Италии и Германии — по три человека.

2. Модель «от епископа к главе институции Римской курии» встречается лишь дважды, что свидетельствует о необходимости занятия более значимой позиции для перехода на руководящую (куриальную) должность. Аналогична ситуация для модели «от епископа к главе синода или конференции епископов», примеры реализации которой отсутствуют в биографиях прелатов.

3. Модель «от архиепископа к архиепископу» демонстрирует наличие кадровых перестановок. Продвижение прелата по карьерной лест-

нице происходит через передачу в его ведение архиепархии, которая отличается большой численностью верующих и/или высоким статусом в католической иерархии. В трех из пяти случаев кардиналы-европейцы, прошедшие путь по описанной модели, были возведены Бенедиктом XVI.

4. Модель «от архиепископа к главе институции Римской курии» насчитывает четыре, а модель «от секретаря или члена Римской курии к главе институции Римской курии» — восемь примеров, шесть из которых образуют назначения Бенедикта XVI. Следовательно, занятие руководящих постов в Римской курии требует не столько высокого статуса предыдущей позиции, сколько вовлеченности в работу центральных органов управления церковью. Модель последовательного повышения в рамках Римской курии распространена среди итальянцев (половина случаев), что объясняется как исторической спецификой отбора кадров, так и географическим расположением Ватикана. По этой модели выстраивали карьеру двое кардиналов, возглавляющих куриальные институты правосудия.

5. Модель «от архиепископа к главе синода или конференции епископов» охватывает наибольшее количество кардиналов — 14 случаев, в равной пропорции распределенных между тремя последними понтификатами. Модель отличает широкий территориальный охват, включающий не только итальянцев (4 человека), но и четырех прелатов из стран бывшего социалистического лагеря, получивших кардинальские шапки от Иоанна Павла II и Бенедикта XVI. Возведение одного из иерархов в кардиналы произошло после достижения им 80 лет и, следовательно, выполняло функцию символической «награды» за работу в условиях преследований и ограничения свободы вероисповедания.

6. Модели «от секретаря или члена Римской курии к архиепископу» и «от секретаря или члена Римской курии к главе синода или конференции епископов» встречаются единожды. Это означает, что центробежная мобильность — возвращение прелатов из Рима/Ватикана в страны представительства — не рассматривается в качестве движения «вверх» по церковной иерархии. Вероятно, ситуация может измениться в результате реформы, ограничившей срок полномочий куриальных иерархов (см.: [Tornielli, Centofanti 2022]).

Таблица 4

**Модели перехода кардиналов-европейцев от предпредшествующей
к предшествующей работе**

Модель перехода	Число случаев
От епископа к архиепископу	7
От епископа к главе институции Римской курии	2
От епископа к главе синода или конференции епископов	0
От архиепископа к архиепископу	5
От архиепископа к главе институции Римской курии	4
От архиепископа к главе синода или конференции епископов	14
От секретаря или члена Римской курии к архиепископу	1
От секретаря или члена Римской курии к главе институции Римской курии	8
От секретаря или члена Римской курии к главе синода или конференции епископов	1

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование выявило, что в процессе восхождения по карьерной лестнице доля иерархов, вовлеченных в диоцезную деятельность, заметно сокращается. При этом наблюдается снижение эндогенности, понимаемой как совпадение мест рождения и работы прелатов, обусловленное их перемещением в Рим/Ватикан как центр принятия управленческих решений. Членство в Римской курии выступает наиболее распространенной предэлитной работой, которая предоставляет возможности карьерного роста. Скорость восхождения по церковной иерархии увеличивается после возведения в сан епископа. Если предэлитный этап карьеры длится более 20 лет и включает в себя получение высшего образования и работу на начальных позициях, то medianное время занятия первой элитной должности составляет два года. Кардинальский сан становится четвертой или большей элитной позицией для абсолютного большинства европейских прелатов.

Наименее приоритетной карьерной траекторией иерархов является продвижение в рамках монашеских орденов. Несмотря на широкую

распространенность в биографиях прелатов, дипломатическая работа также редко выступает прямым трамплином к получению кардинальской шапки. Напротив, среди наиболее часто встречаемых путей перехода от предпредшествующей к предшествующей работе можно обнаружить модели «от архиепископа к главе синода или конференции епископов» (14 случаев) и «от секретаря или члена Римской курии к главе институции Римской курии» (8). Продвижение по карьерной траектории «от епископа к архиепископу» характерно для семи кардиналов, для четырех из них предпредшествующей работой стала позиция не диоцезного, а титулярного и вспомогательного епископа. Это не позволяет подтвердить исследовательскую гипотезу о преобладании типа карьер, при котором прелат поочередно занимает должности в диоцезе как базовой структуре церкви.

Однако модель «от епископа к архиепископу» отличает максимальное среди всех описанных траекторий количество выборщиков — шесть человек, из которых четверо возведены в кардиналы нынешним заместителем Святого престола. Франциск в целом более склонен к продвижению прелатов, осуществивших деятельность на местах (на локальном уровне), чем Бенедикт XVI, назначения которого зачастую связывались с кадровыми перестановками в национальных архиепархиях и Римской курии. Отсюда следует необходимость уделения большего внимания трансформации кадровой политики при конкретном папе. В частности, возможно привлечение аналитических материалов, публикуемых в (католических) медиа после обнародования списка назначений и предоставляющих сведения об изменении численности и состава Коллегии кардиналов, а также об особенностях биографий церковной элиты (см., например: [Gagliarducci 2023]).

Дальнейшая разработка темы требует прежде всего корректировки кодировочной инструкции. Как показали результаты исследования, должности прелатов на разных этапах построения карьеры не являются простым отражением иерархического строения церкви, зафиксированного в Кодексе канонического права. Занимаемые позиции оказываются вписаны в историко-социальный, национальный и иной контексты, иллюстрацией чему служит работа в структурах по поддержанию католико-лютеранского диалога, которая встречается в биографиях нескольких немецких кардиналов. Существуют также должности, традиционно предшествующие получению кардинальской шапки. Например, в Польше к таковым относятся архиепископ-митрополит

Гнезненский и Варшавский, архиепископы Кракова и Вроцлава [Моравский 1981: 45–46]. Важным аспектом развития темы может стать и более детальный анализ назначений:

1) учет не только предшествующих позиций прелатов, но и символической функции самого возведения в кардиналы (рассмотрение кардинальской шапки в качестве «награды» за заслуги или притеснения);

2) соотнесение назначений с (политическим) курсом конкретного понтификата в целях выявления опыта работы, имеющего решающее значение для иерархов в определенных исторических условиях;

3) обнаружение пересечений биографических траекторий кардиналов и папы (например, совместная работа), которые могли впоследствии стать «вытягивающим» в терминах Б. Харасимива фактором в карьерном продвижении прелатов (подробнее о данной модели рекрутирования см.: [Тев 2023: 132]).

Необходимо также привлечение более широкого круга источников. Несмотря на наличие на сайте Святого престола биографий всех кардиналов, которые публикуются церковью с 2001 г., эта информация типизирована и представлена в сокращенном виде. Дополнительные сведения могут быть найдены в книжных биографиях, отражающих особенности социализации и карьерного пути иерархов (см., например: [Boyle 2014]), а также в дневниках, мемуарах и иных документах кардиналов (см., например: [Mindszenty 2023]). Еще одним источником данных могут стать публикации о продвижении элитных персон, содержащие анализ их взглядов и деятельности в рамках церковной иерархии (см., например: [Corpen 2023]). В целом медиа — светские и религиозные, локальные и глобальные — могут предоставить ценные сведения о способах выстраивания карьеры и подходах прелатов к значимым церковным и общеполитическим вопросам, включая их (не) совпадение с позицией папы. В этом отношении интересен формат интервью, которые дают как будущие кардиналы (см., например: [Castellano Lubov 2022]), так и утратившие статус выборщика (см., например: [Deme 2023]). Оптимальным вариантом представляется комбинирование всех или части указанных источников (см.: [Condon 2022; Interview... 2023]).

Литература

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Региональная политическая элита: бассейн рекрутирования и карьера // *Власть и элиты*. 2020. Т. 7, № 1. С. 76–122. <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.4>. EDN ННРАУУ.

Быстрова А.С. Региональные чиновники и политики РФ: сравнительный анализ карьер // *Власть и элиты*. 2022. Т. 9, № 2. С. 122–145. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.5>. EDN YLPHEC.

Дука А.В. Вариативность социологии элит // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2015. Т. 18, № 4. С. 5–23. EDN VKQMGТ.

Моравский З. Ватикан издали и вблизи / общ. ред. Л. Великовича. М.: Прогресс, 1981. 320 с.

Овчинников В.А. Изменение численности и социально-демографических характеристик архиерейского корпуса епархий Русской православной церкви на юге Западной Сибири в начале XXI в. // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2017. № 1. С. 50–58. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-1-50-58>. EDN YFPSON.

Тев Д.Б. Федеральная административная элита России: особенности карьеры после ухода с должности // *Полис. Политические исследования*. 2023. № 1. С. 130–146. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.10>. EDN BBGNON.

Усачев А.С. Статус в миру и церковная карьера в России XVI века // *Вестник архивиста*. 2022. № 1. С. 24–35. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2022-1-24-35>. EDN RAUHNI.

Филиппов Б.А. Кардинал Стефан Вышиньский — инициатор и критик «восточной политики» Ватикана (1958–1978) // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 2017. Т. 35, № 1. С. 98–122. EDN YLYKFZ.

A Companion to the Early Modern Cardinal / ed. by M. Hollingsworth, M. Pattenden, A. Witte. Leiden, Boston: Brill, 2020. 705 p.

Bagilhole B. Prospects for Change? Structural, Cultural and Action Dimensions of the Careers of Pioneer Women Priests in the Church of England // *Gender, Work and Organization*. 2003. Vol. 10, no. 3. P. 361–377. <https://doi.org/10.1111/1468-0432.00200>.

Barrow J. The Clergy in the Medieval World: Secular Clerics, Their Families and Careers in North-Western Europe c.800–c.1200. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 447 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316091364>.

Bishops' Identities, Careers, and Networks in Medieval Europe / ed. by S.E. Thomas. Turnhout, Belgium: Brepols, 2021. 315 p.

Broderick J.F. The sacred college of cardinals: size and geographical composition (1099–1986) // *Archivum Historiae Pontificiae*. 1987. Vol. 25. P. 7–71.

Burns A., Fincham K., Taylor S. Reconstructing Clerical Careers: The Experience of the Clergy of the Church of England Database // *The Journal of Ecclesiastical History*. 2004. Vol. 55, no. 4. P. 726–737. <https://doi.org/10.1017/S0022046904001514>.

Chadwick O. The Religious // A History of the Popes, 1830–1914. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 484–532.

Conway B. The sociology of Catholicism: A review of research and scholarship // *Sociology Compass*. 2021. Vol. 15, no. 4. <https://doi.org/10.1111/soc4.12863>.

Coppa F.J. Cardinal Giacomo Antonelli and Papal Politics in European Affairs. New York: State University of New York Press, 1990. 299 p.

De Volder J. Cardinal Mercier in the First World War: Belgium, Germany and the Catholic Church. Leuven: Leuven University Press, 2018. 263 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv6cfng4>.

Entering a Clerical Career at the Roman Curia, 1458–1471 / ed. by K. Salonen, J. Hanska. London, New York: Routledge, 2013. 295 p. <https://doi.org/10.4324/9781315579856>.

Fichter S.J., Gaunt T.P., SJ, Hoegeman C., CSJ, Perl P.M. Who Are the Bishops and Where Do They Come From? // *Catholic Bishops in the United States: Church Leadership in the Third Millennium*. New York: Oxford University Press, 2019. P. 15–32. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190920289.003.0002>.

Green I. Career Prospects and Clerical Conformity in the Early Stuart Church // *Past & Present*. 1981. No. 90. P. 71–115.

Hoffmann-Lange U. Methods of Elite Identification // *The Palgrave Handbook of Political Elites* / ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 79–92. https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_8.

Kratochvíl P. Roman Catholicism and Europe // *The Oxford Handbook of Religion and Europe* / ed. by G. Davie, L.N. Leustean. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 437–457. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198834267.013.24>.

MacGregor M.J. Steadfast in the Faith: The Life of Patrick Cardinal O'Boyle. Washington, D.C.: The Catholic University of America Press, 2006. 426 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctt284xcq>.

Nelsen H.M., Everett R.F. Impact of Church Size on Clergy Role and Career // *Review of Religious Research*. 1976. Vol. 18, no. 1. P. 62–73. <https://doi.org/10.2307/3510581>.

Nowakowska N. Church, State and Dynasty in Renaissance Poland. The Career of Cardinal Fryderyk Jagiellon (1468–1503). London; New York: Routledge, 2016. 222 p. <https://doi.org/10.4324/9781315260273>.

Pruett J.H. Career Patterns among the Clergy of Lincoln Cathedral, 1660–1750 // *Church History*. 1975. Vol. 44, no. 2. P. 204–216. <https://doi.org/10.2307/3165193>.

Richardson C.M. Reclaiming Rome. Cardinals in the Fifteenth Century. Leiden; Boston: Brill, 2009. 525 p.

Robinson A.P. The Career of Cardinal Giovanni Morone (1509–1580). Between Council and Inquisition. Farnham: Ashgate, 2012. 255 p. <https://doi.org/10.4324/9781315614328>.

Spalding T.W. Dissimilitude: The Careers of Cardinals Lawrence J. Shehan and John J. Krol // *U.S. Catholic Historian*. 1999. Vol. 17, no. 4. P. 50–63.

Sturges J. In God's name: Calling, gender and career success in religious ministry // *Gender, Work and Organization*. 2019. Vol. 27, no. 6. P. 971–987. <https://doi.org/10.1111/gwao.12424>.

The Legacy of Avery Cardinal Dulles, S.J.: His Words and His Witness / ed. by A.-M. Kirmse, O.P., M.M. Canaris. New York: Fordham University Press, 2011. 133 p.

Источники

Кодекс канонического права. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. 624 с.

Boyle Ch. An American Cardinal: The Biography of Cardinal Timothy Dolan. New York: St. Martin's Press, 2014. 304 p.

Castellano Lubov D. A conversation with future Cardinal Roche, Prefect of Divine Liturgy, Sacraments // *Vatican News*. 16.06.2022. URL: <https://www.vaticannews.va/en/pope/news/2022-06/interview-with-future-cardinal-roche-prefect-of-divine-liturgy.html> (дата обращения: 16.11.2023).

Cernuzio S. Pope Francis reforms Vatican City State's 'Constitution' // *Vatican News*. 13.05.2023. URL: <https://www.vaticannews.va/en/pope/news/2023-05/pope-francis-reform-fundamental-law-constitution-vatican.html> (дата обращения: 23.10.2023).

Condon E. The rise of Cardinal Grech // *The Pillar*. 07.10.2022. URL: <https://www.pillaratholic.com/p/the-rise-of-cardinal-grech> (дата обращения: 16.11.2023).

Coppen L. The 'Lynx' of Lodz: Who is Poland's new cardinal? // *The Pillar*. 11.07.2023. URL: <https://www.pillaratholic.com/p/the-lynx-of-lodz-who-is-polands-new> (дата обращения: 16.11.2023).

Deme D. "You Have Saved Europe!" — Interview with Czech Cardinal Dominik Duka // *Hungary Today*. 05.08.2023. URL: <https://hungarytoday.hu/interview-with-the-archbishop-of-prague-cardinal-dominik-duka/> (дата обращения: 16.11.2023).

Gagliarducci A. Analysis: How to interpret Pope Francis' choice of new cardinals // *Catholic News Agency*. 11.07.2023. URL: <https://www.catholicnewsagency.com/news/254767/analysis-how-to-interpret-pope-francis-choice-of-new-cardinals> (дата обращения: 16.11.2023).

Interview with Cardinal Mario Grech // *Informativna Katolička Agencija*. 03.06.2023. URL: <https://ika.hkm.hr/novosti/interview-with-cardinal-mario-grech/> (дата обращения: 16.11.2023).

List of Cardinals in order of age // *The Holy See*. URL: https://press.vatican.va/content/salastampa/en/documentation/cardinali-statistiche/elenco_per_eta.html (дата обращения: 01.10.2023).

Mindszenty J., Card. *Memoirs*. San Francisco: Ignatius Press, 2023. 477 p.

Pope Francis. Apostolic constitution "Praedicate Evangelium" on the Roman Curia and its service to the Church in the world // *The Holy See*. 19.03.2022. URL: https://www.vatican.va/content/francesco/en/apost_constitutions/documents/20220319-costituzione-ap-praedicate-evangelium.html (дата обращения: 01.10.2023).

Pope renews Council of Cardinals // Vatican News. 07.03.2023. URL: <https://www.vaticannews.va/en/pope/news/2023-03/pope-renews-council-of-cardinals.html> (дата обращения: 23.10.2023).

The College of Cardinals (Historical Notes) // The Holy See. 17.02.2014. URL: https://www.vatican.va/news_services/press/documentazione/documents/cardinali_documentazione/cardinali_documentazione_generale_en.html#The%20College%20of%20Cardinals (дата обращения: 01.10.2023).

Tornielli A., Centofanti S. Pope Francis promulgates Apostolic Constitution on Roman Curia 'Praedicate Evangelium' // Vatican News. 19.03.2022. URL: <https://www.vaticannews.va/en/pope/news/2022-03/pope-francis-promulgates-constitution-praedicate-evangelium.html> (дата обращения: 23.10.2023).

ON THE WAY TO THE CARDINAL'S BIRETTA: CAREER TRAJECTORIES OF THE CATHOLIC ELITE OF EUROPE

V. Dmitrieva

(ms.valeria.spb@mail.ru)

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Citation: Dmitrieva V.D. Na puti k kardinal'skoy shapke: kar'yernnyye trayektorii katolicheskoy elity Yevropy [On the way to the cardinal's biretta: career trajectories of the catholic elite of Europe] // *Vlast' i jelity* [Power and Elites], 2023, 10 (1): 43–68. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.2>

EDN VHLAZN

Abstract. *The article offers an analysis of the career trajectories of the Catholic elite of Europe. The work is intended to close the gap in the scientific literature, which consists in the absence of a comprehensive study of the biographies of all members or some part of the College of cardinals. The choice of Europe is due to the historical interdependence of the Catholic and European contexts, as well as the uniqueness of the current status of their relations. The empirical basis of the study was the SPSS database compiled from the biographies of cardinals collected*

from the official website of the Holy See. The information was updated after the last consistory and is current as of October 1, 2023. Cardinals are marked as elite according to the positional criterion and the functions they perform. The research hypothesis was the predominance among European cardinals of the career type, in which the prelate successively holds diocesan positions. It was found that the proportion of prelates involved in diocesan activities decreases as they move up the church hierarchy. There is a centripetal mobility of cardinals associated with their relocation to Rome/Vatican as the center of decision-making. The most common models of building the career among European cardinals are the transition from the archbishop to the head of the synod or conference of bishops (14 cases), as well as from secretary or member to the head of the institution of the Roman Curia (8). The hypothesis was not confirmed. However, the model correlating with the hypothesis stands out among all career trajectories by the largest number of cardinal electors erected by the current pope. Further research requires an analysis of the transformation of the personnel policy of the Holy See and the influence of historical, social, national and other contexts on the careers of the Catholic elite of Europe. It is also necessary to involve a wide range of unofficial sources containing cardinals' biographies.

Keywords: cardinal, career, career trajectories, Catholic elite, Europe, church hierarchy, bishop, Roman curia.

References

- A *Companion to the Early Modern Cardinal*. Ed. by M. Hollingsworth, M. Pattenden, A. Witte. Leiden, Boston: Brill, 2020. 705 p.
- Bagilhole B. Prospects for Change? Structural, Cultural and Action Dimensions of the Careers of Pioneer Women Priests in the Church of England. *Gender, Work and Organization*, 2003, 10 (3), pp. 361–377. <https://doi.org/10.1111/1468-0432.00200>.
- Barrow J. *The Clergy in the Medieval World: Secular Clerics, Their Families and Careers in North-Western Europe c.800 — c.1200*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 447 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316091364>.
- Bishops' Identities, Careers, and Networks in Medieval Europe*. Ed. by S.E. Thomas. Turnhout, Belgium: Brepols, 2021. 315 p.
- Broderick J.F. The sacred college of cardinals: size and geographical composition (1099–1986). *Archivum Historiae Pontificiae*, 1987, 25, pp. 7–71.
- Burns A., Fincham K., Taylor S. Reconstructing Clerical Careers: The Experience of the Clergy of the Church of England Database. *The Journal of Ecclesiastical History*, 2004, 55(4), pp. 726–737. <https://doi.org/10.1017/S0022046904001514>.
- Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskiy A.V., Tev D.B. Regional'naya politicheskaya elita: basseyn rekrutirovaniya i kar'yera [Regional political elite: careers and pool of recruitment]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2020, 7(1), pp. 76–122. <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.4>. EDN HHPAWU. (In Russian)

Bystrova A.S. Regional'nyye chinovniki i politiki RF: sravnitel'nyy analizkar'yer [Regional officials and politicians of the Russian Federation: a comparative analysis of careers]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2022, 9(2), pp. 122–145. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.5>. EDN YLPHEC. (In Russian)

Chadwick O. The Religious. In: *A History of the Popes, 1830–1914*. Oxford: Oxford University Press, 2002, pp. 484–532.

Conway B. The sociology of Catholicism: A review of research and scholarship. *Sociology Compass*, 2021, 15(4). <https://doi.org/10.1111/soc4.12863>.

Coppa F.J. *Cardinal Giacomo Antonelli and Papal Politics in European Affairs*. New York: State University of New York Press, 1990. 299 p.

De Volder J. *Cardinal Mercier in the First World War: Belgium, Germany and the Catholic Church*. Leuven: Leuven University Press, 2018. 263 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv6cfng4>.

Duka A.V. Variativnost' sociologii jelit [Variability of the sociology of elites]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2015, 18(4), pp. 5–23. EDN VKQMG. (In Russian)

Entering a Clerical Career at the Roman Curia, 1458–1471. Ed. by K. Salonen, J. Hanska. London, New York: Routledge, 2013. 295 p. <https://doi.org/10.4324/9781315579856>.

Fichter S.J., Gaunt T.P., SJ, Hoegeman C., CSJ, Perl P.M. Who Are the Bishops and Where Do They Come From? In: *Catholic Bishops in the United States: Church Leadership in the Third Millennium*. New York: Oxford University Press, 2019, pp. 15–32. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190920289.003.0002>.

Filippov B.A. Kardinal Stefan Vyshin'skij — iniciator i kritik 'vostochnoj politiki' Vatikana (1958–1978) [Cardinal Wyszyński — Initiator and Critic of Vatican's 'Eastern Policy', 1945–1978]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide], 2017, 35(1), pp. 98–122. EDN YLYKFZ. (In Russian)

Green I. Career Prospects and Clerical Conformity in the Early Stuart Church. *Past & Present*, 1981, 90, pp. 71–115.

Hoffmann-Lange U. Methods of Elite Identification. In: *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan, 2018, pp. 79–92. https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_8.

Kratochvíl P. Roman Catholicism and Europe. In: *The Oxford Handbook of Religion and Europe*. Ed. by G. Davie, L.N. Leustean. Oxford: Oxford University Press, 2021, pp. 437–457. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198834267.013.24>.

MacGregor M.J. *Steadfast in the Faith: The Life of Patrick Cardinal O'Boyle*. Washington, D.C.: The Catholic University of America Press, 2006. 426 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctt284xcq>.

Morawski Z. *Vatikan izdali i vblizi* [The Vatican from a distance and from nearby]. Ed. by L. Velikovich. Moscow: Progress, 1981, 320 p. (In Russian)

Nelsen H.M., Everett R.F. Impact of Church Size on Clergy Role and Career. *Review of Religious Research*, 1976, 18(1), pp. 62–73. <https://doi.org/10.2307/3510581>.

Nowakowska N. *Church, State and Dynasty in Renaissance Poland. The Career of Cardinal Fryderyk Jagiellon (1468–1503)*. London, New York: Routledge, 2016. 222 p. <https://doi.org/10.4324/9781315260273>.

Ovchinnikov V.A. Izmenenie chislennosti i sotsial'no-demograficheskikh kharakteristik arkhieiereiskogo korpusa eparkhii Russkoi pravoslavnoi tserkvi na iuge Zapadnoi Sibiri v nachale XXI v. [Change of the Number and Socio-demographic Characteristics of the Episcopal Dioceses of the Russian Orthodox Church in the South of Western Siberia at the Beginning of the XXI Century]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2017, 1, pp. 50–58. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-1-50-58>. EDN YFPSON. (In Russian)

Pruett J.H. Career Patterns among the Clergy of Lincoln Cathedral, 1660–1750. *Church History*, 1975, 44(2), pp. 204–216. <https://doi.org/10.2307/3165193>.

Richardson C.M. *Reclaiming Rome. Cardinals in the Fifteenth Century*. Leiden, Boston: Brill, 2009. 525 p.

Robinson A.P. *The Career of Cardinal Giovanni Morone (1509–1580). Between Council and Inquisition*. Farnham: Ashgate, 2012. 255 p. <https://doi.org/10.4324/9781315614328>.

Spalding T.W. Dissimilitude: The Careers of Cardinals Lawrence J. Shehan and John J. Krol. *U.S. Catholic Historian*, 1999, 17(4), pp. 50–63.

Sturges J. In God's name: Calling, gender and career success in religious ministry. *Gender, Work and Organization*, 2019, 27(6), pp. 971–987. <https://doi.org/10.1111/gwao.12424>.

Tev D.B. Federal'naja administrativnaja jelita Rossii: osobennosti kar'ery posle uhoda s dolzhnosti [Federal administrative elite of Russia: features of a career after leaving office]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 2023, 1, pp. 130–146. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.10>. EDN BBGNON. (In Russian)

The Legacy of Avery Cardinal Dulles, S.J.: His Words and His Witness. Ed. by A.-M. Kirmse, O.P., M.M. Canaris. New York: Fordham University Press, 2011. 133 p.

Usachev A.S. Status v miru i tserkovnaya kar'era v Rossii XVI veka [Status in the World and Church Career in Russia in the 16th Century]. *Vestnik arhivista* [Herald of an Archivist], 2022, 1, pp. 24–35. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2022-1-24-35>. EDN RAUHNI. (In Russian)

КАРЬЕРЫ И РЕКРУТИРОВАНИЕ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЭЛИТ

ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫЕ ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ЧИНОВНИКИ РОССИИ: КАРЬЕРА ПОСЛЕ УХОДА С ДОЛЖНОСТИ¹

Д.Б. Тев

(denis_tev@mail.ru)

Социологический институт ФНИЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Тев Д.Б. Высокопоставленные федеральные чиновники России: карьера после ухода с должности // Власть и элиты. 2023. Т. 10, № 1. С. 69–97.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.3>
EDN VKBXUD

Аннотация. *Анализируется карьера после ухода с должности членов федеральной административной элиты России 2013 г. Эмпирической основой служит биографическая база данных, включающая 575 анкет, обновленных в 2020 г. Подавляющее большинство чиновников к моменту исследования покинули занимаемую должность. Уход с нее связан с разными обстоятельствами (отставка правительства, упразднение ведомств, достижение предельного возраста пребывания на госслужбе, уголовные дела, скандалы и пр.), а уровень обновления кадров варьирует в различных ведомствах. Преобладает циркуляция кадров внутри федеральной администрации, которая является важнейшим местом работы чиновников, покинувших пост. Чаще всего они оставались работать в том же органе власти, на другой должности, но заметна и межведомственная мобильность (включая обмен персоналом между правительством и Администра-*

---

¹ Статья является переработанной и дополненной версией материала, опубликованного в журнале «Полис. Политические исследования» [Тев 2023].

цией Президента), способствующая сплочению административной элиты. Нередко административная должность, прежде всего в экономических ведомствах, служила трамплином к видным постам в бизнесе, который в условиях «кумовского» капитализма особенно заинтересован в привлечении чиновников. Главным образом речь идет об их занятости в крупных фирмах, создающей динамические переплетения административной и экономической элит. Несмотря на законодательные ограничения, видна тенденция к трудоустройству чиновников в подведомственные компании. Хотя есть немало примеров их перехода в частный сектор, чаще всего они оказывались в государственных компаниях. Лишь в единичных случаях чиновники переходили в парламент. Слабость Федерального Собрания подрывает мотивацию к законодательной карьере. Впрочем, подконтрольность парламента президенту и административным структурам может облегчать доступ чиновников к ключевым парламентским постам, усиливая значимость связей в администрации как «вытягивающего» фактора рекрутирования. В целом на момент исследования немногим менее половины членов федеральной административной элиты 2013 г. принадлежали к одной из трех фракций общенациональной властной элиты (административной, политической, экономической).

Ключевые слова: федеральная административная элита, карьера после ухода с должности, администрация, бизнес, парламент, научно-образовательная сфера.

ВВЕДЕНИЕ

Карьера после ухода с элитной административной должности представляет существенный интерес в силу ряда обстоятельств. Во-первых, полностью оценить роль такой должности в карьере (является ли она, например, ее вершиной или трамплином к более высоким позициям) можно только, если знать, какие позиции не только ей предшествовали, но и следовали за ней. Во-вторых, исследование карьеры после ухода с должности дает возможность лучше понять поведение чиновника в то время, когда он ее занимал. Перспективы будущей занятости способны влиять на поведение должностных лиц, которые могут приспособивать свою политику к интересам потенциального работодателя [Tabakovic, Wollmann 2018]. В данном случае может возникнуть ситуация «конфликта интересов», когда личная заинтересованность чиновника в успешной карьере после отставки, например в коммерческой сфере, влияет на исполнение им обязанностей, принятие решений, нанося ущерб интересам государства и общества [Rasmussen, Buhmann-

Holmes, Egerod 2021]. В-третьих, анализ карьерных траекторий чиновников позволяет лучше понять особенности рассматриваемой общественно-политической системы, включая характер взаимоотношений исполнительной и законодательной властей, центра и регионов, государства и коммерческого сектора. В-четвертых, изучение посткарьеры необходимо и для оценки степени межфракционной элитной интеграции, показателем которой могут быть переходы чиновников в иные властные группы, создающие динамические переплетения различных элит. Наконец, знание карьеры после ухода с должности позволяет оценить устойчивость членства в федеральной административной элите и в целом во властной элите. Означает ли такой уход выпадение из административной элиты и если да, то покидают ли такие деятели властную элиту вообще или оказываются в других элитных группах?

Несмотря на важность рассматриваемой темы, исследований карьеры чиновников после ухода с должности до последнего времени было немного. Однако в развитых капиталистических демократиях, особенно, в 2010-е годы, активно изучалась постправительственная карьера [Freitag 1975; Nicholls 1991; Blondel 1991; Bennett 1996; Stolz, Kintz 2014; Claveria, Verge 2015; Dörrenbächer 2016; Costa Pinto, Tavares de Almeida 2017; Gill 2018; Rasmussen, Buhmann-Holmes, Egerod 2021]. В целом показано, что она зависит как от институциональной структуры возможностей, так и от политических ресурсов министров, существенно варьирует по странам и что при всей значимости политической сферы (в Европе в первую очередь парламента), как ее канала, большое значение имеют и другие институты, особенно (и прежде всего в США) бизнес (коммерческие организации). За рубежом анализировалась посткарьера и других высших чиновников, например постоянных секретарей в Великобритании, которые после отставки работают не только в центральном правительстве, но и в бизнесе, культурных и образовательных организациях, а также заседают в парламенте [Harris, Garcia 1966: 41–42]. Практике перехода чиновников в коммерцию, распространенной, например, в США и Дании («вращающиеся двери»), Франции («пантуфляж») и Японии («амакудари») уделялось особое внимание [Eckert 1981; Calder 1989; Kerbo, McKinstry 1995: 89–95; Rouban 1999; Etzion, Davis 2008; Rasmussen, Buhmann-Holmes, Egerod 2021].

Есть и исследования карьеры после ухода с административного поста в постсоветской России. Так, Ю. Хаски изучил карьеру бывших заместителей федеральных министров, сделав вывод, что лишь мень-

шинство из их работали вне федеральной исполнительной власти, в первую очередь в бизнесе [Huskey 2010]. Судьба после отставки членов правительств Е.Т. Гайдара, В.С. Черномырдина и Е.М. Примакова изучалась О. Крыштановской и С. Уайтом [Kryshstanovskaya, White 2005]. Было показано, что эти министры становились депутатами парламента, государственными служащими с понижением статуса, возглавляли компании, фонды и ассоциации, возвращались к прежней профессии. Вопрос о карьере после ухода из правительства РФ затрагивается в статье Е. Семеновой [Semenova 2011: 921–922]. Она отмечает, что более трети бывших министров не занимали политических постов, примерно одна пятая перешла на другие правительственные административные должности в Москве, но большая часть переместилась на позиции в бизнесе. В последние годы проведены исследования карьеры членов Правительства РФ 199–2017 гг. [Тев 2019] и высокопоставленных чиновников Администрации Президента (АП) 1991–2018 гг. [Тев 2020] после ухода с должности. Они показали, что основным каналом посткарьеры являются административные органы, при этом обмен кадрами между правительством РФ и АП довольно активен. Важна роль бизнеса как сферы занятости отставных чиновников, причем многие работали в ведущих фирмах, создавая динамические переплетения административной и экономической элит общенационального уровня. Наконец, выявлено, что роль органов представительной власти и научно-образовательных учреждений в посткарьере чиновников второстепенна.

Несмотря на важность этих исследований, их выводы носят ограниченный характер, поскольку их объектом были только некоторые сегменты федеральной административной элиты. Посткарьера всей совокупности ее членов (включая высшее руководство как федеральных министерств и агентств, так и аппарата правительства и администрации президента) и определяющие ее факторы еще не были предметом анализа. Между тем в сравнении, например, с посткарьерой министров она может демонстрировать известную специфику, в частности потому что большинство этих чиновников имеет более низкий социально-профессиональный статус. В целом сравнительный анализ посткарьеры разных категорий высокопоставленного федерального чиновничества представляет большой интерес.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретической рамкой исследования является модель элитного рекрутирования Б. Харасимиwa [Harasymiw 1981]. Он выделяет две категории факторов рекрутирования на ту или иную должность: «толкающие», действующие со стороны кандидата на нее и «вытягивающие», действующие со стороны производящих отбор персон и инстанций. В первой группе — профессиональная роль, социальный статус, мотивация и пр., во второй — покровительство (связи), структура возможностей, предпочтения селектората и пр. Представляется, что, опираясь на эту модель, можно изучать не только продвижение к определенной элитной (например, административной) должности, но и переходы с нее на другие посты. В частности, ее использование позволяет проанализировать, как социально-профессиональная позиция высокопоставленного чиновника и сопряженные с ней ресурсы и интересы способствуют или препятствуют перемещению занимающей ее персоны на различные посты, как будет показано ниже, в бизнесе, парламенте, научно-образовательной сфере, региональной администрации и пр. Особое значение имеет понятие структуры возможностей как «вытягивающего» фактора рекрутирования, обозначающего характеристики политических и прочих институтов влияющие на шансы достижения тех или иных должностей выходцами из разных групп. Как отмечает Й. Борхерт, институциональная структура возможностей обуславливает наличие (количество) должностей и определяет их доступность и привлекательность [Borchert 2011]. В частности, элементом структуры возможностей можно считать и законодательные нормы, регулирующие государственную службу, в том числе предельный возраст чиновника и его занятость после отставки, и влияющие на карьеру административной элиты, ее доступ к тем или иным позициям.

ДАННЫЕ И МЕТОД

Исходной эмпирической основой исследования является биографическая база данных федеральной административной элиты России 2013 г. (сведения собирались в ноябре-декабре) [Тев 2016]. Эта элита представляет собой совокупность персон, занимающих ключевые позиции в структурах президентской и исполнительной власти РФ, «включая президента РФ и основных должностных лиц его администрации,

членов правительства, заместителей министров, руководителей федеральных служб и агентств и их заместителей, а также руководство аппарата правительства» [Тев 2016: 116]. Состав административной элиты показан в таблице 1.

Таблица 1

Состав федеральной административной элиты РФ 2013 г., чел.

Административные органы	Число элитных персон
Президент	1
Администрация президента	66
Правительство	31
Аппарат правительства	44
Министерства	161
Федеральные службы и агентства	300
Всего, учитывая совмещение позиций в различных органах	575

На всех ее членов заведена и заполнена анкета, содержащая сведения о дате и месте рождения, типе и месте получения образования и карьерном пути, как до вхождения в должность, так и после ухода с нее. Источниками информации являлись сайты органов власти, компаний и иных организаций, материалы СМИ, биографические интернет-порталы и пр. В октябре 2020 г. эти биографические анкеты были обновлены, чтобы проследить, как сложилась профессиональная судьба чиновников к настоящему времени. Как видно из таблицы 2, большинство их уже покинули должность, которую они занимали в 2013 г.

Таблица 2

Количество и доля членов федеральной административной элиты РФ 2013 г., покинувших должность к октябрю 2020 г.

Административные органы	Количество, чел.	Доля, %
Президент	0	0
Администрация президента	42	64
Правительство	25	81

Аппарат правительства	38	86
Министерства	134	83
Федеральные службы и агентства	241	80
Всего, учитывая совмещение позиций в различных органах	458	80

Однако уровень обновления неодинаков в разных органах: он сильнее выражен в исполнительной власти, чем в АП. Причем и внутри выделенных в таблице 2 категорий административных органов ситуация различна. Среди министерств наиболее стабильно руководство в МИДе и силовых ведомствах. Гораздо большее обновление произошло в экономических и особенно социальных министерствах. При этом в Министерстве природных ресурсов и экологии, Министерстве по развитию Дальнего Востока и, разумеется, в ликвидированном Министерстве регионального развития ни один высокопоставленных чиновник не остался в той должности, которую занимал в 2013 г.

Среди чиновников, оставивших должность, трое умерли, находясь на своем посту, т.е. количество персон, которые в принципе могли иметь посткарьеру составляет 455 (N в исследовании). Из них хотя бы минимальная информация о такой занятости (в том числе на общественных началах) есть на 361 человека (N1 в исследовании). Отметим, что среди тех чиновников, о которых нет подобной информации, велика доля (более 40 %) покинувших пост в пожилом возрасте (60 лет и старше), что позволяет предполагать, что они ушли на пенсию (иногда это указывается как причина отставки) и нигде не работали¹. Но уверенно этого утверждать нельзя, поскольку сведения о посткарьере вообще часто фрагментарны, а пожилой возраст не исключает занятость в ряде сфер: научно-образовательной, коммерческой и пр.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА УХОДА ЧИНОВНИКОВ С ДОЛЖНОСТИ

Причины ухода чиновников с должности разнообразны, во многом скрыты от глаз публики, и их развернутый анализ не входит в задачу данного исследования. Можно отметить, что волны их связаны с от-

---

¹ Также среди них есть ряд персон, подвергшихся уголовному преследованию, сужавшему возможности трудоустройства.

ставками правительств РФ в 2018 и 2020 гг. Вообще, за отставкой министра (как и первых лиц других органов власти) иногда более или менее быстро следовал уход некоторых его заместителей, что неудивительно, учитывая значимость «командного» принципа и личных связей в рекрутировании чиновников [Гимпельсон, Магун 2004]. В этом смысле то, что популярные в обществе главы МИД и Минобороны, а также и глава МВД сохранили должности, отчасти объясняет довольно высокую устойчивость руководства этих министерств в целом в сравнении с социальными министерствами (ни один из их глав, иногда весьма непопулярных, не остался в должности). Также большая стабильность руководства АП в сравнении с правительством и в целом органами федеральной исполнительной власти (особенно теми, которые не подчиняются напрямую президенту) понятнее, учитывая то, что глава государства продолжает занимать свой пост с 2012 г., а премьер-министр сменился.

Иногда чиновники оставляли должность в связи с упразднением ведомств. За исследуемый период прекратило существование не только Министерство регионального развития и ряд федеральных агентств (Федеральная миграционная служба, Федеральное агентство специального строительства, Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков, Федеральная служба по тарифам и пр.).

Причины ухода могли быть не коллективными, а индивидуальными. Одна из наиболее распространенных — возраст. Законодательные нормы, устанавливающие предельный возраст пребывания на гражданской службе, представляют собой часть структуры возможностей, влияющей на карьеру чиновников. В изучаемый период предельный возраст составлял сначала 60 лет с возможностью продления до 70 [Федеральный закон... 2012], а с 2016 г. — 65 лет с такой же возможностью [Федеральный закон... 2016]. Четверть чиновников 2013 г., которые покинули пост, сделали это в 60 лет и старше, причем 8 % — в 65 лет и старше, а 2 % — в 70 лет и старше. Причем часто отставка объяснялась возрастом и/или уходом на пенсию.

Иногда (2 % случаев) чиновники были вынуждены покинуть должность и вообще государственную службу из-за возбуждения уголовного дела (и ареста). В целом около 4 % чиновников, ушедших с должности, имели такие проблемы с законом прямо перед отставкой или после нее. Кроме того, в ряде случаев они теряли должность вскоре после скандалов, которые могли быть связаны с подделкой диплома или

плагиатом в диссертации, неосторожными высказываниями или постами в социальных сетях и пр. Так, заместитель министра экономического развития С.Ю. Беляков был уволен после записи в Facebook, в которой он критиковал продление заморозки пенсионных накоплений [Райбман 2014].

Впрочем, часто уход чиновников с должности, по всей вероятности, не был вынужденным, а связан с возможностью и желанием перейти на другую, более привлекательную для них позицию в федеральной администрации или за ее пределами.

ЗАНЯТОСТЬ В АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНАХ ПОСЛЕ УХОДА С ДОЛЖНОСТИ

Административные органы — важнейшее место работы чиновников после ухода с занимаемой в 2013 г. должности. Это в целом неудивительно, учитывая специфику компетенций и связей, которые они приобрели, работая на своем посту, а также вообще в ходе предшествующей карьеры в администрации. Как видно из таблицы 3, около половины имеют опыт работы в администрации, обычно сразу после ухода с должности (при этом, как уже отмечалось, важным ограничителем возможностей дальнейшей административной карьеры служит возраст чиновников).

Таблица 3

Опыт работы в административных органах после ухода с должности, в %

Уровень администрации	Наличие опыта N=455 (N1=361)*	Первая известная работа после ухода с должности N=455 (N1=361)
Федеральная	39 (50)*	36 (46)
Региональная	7 (8)	5 (6)
Местная	~0 (1)	~0 (~0)
Всего	45 (56)	41 (52)

*Здесь и в таблицах 5, 6, 7 сначала указывается доля занятых в данной структуре от всех чиновников, покинувших должность (N=455), а затем, в скобках, только от тех из них, о чьем месте последующей работы есть хотя бы минимальная информация (N=361).

Чаще всего чиновники оставались работать в федеральных органах. Нередко занимаемая должность служила трамплином к более высокому посту в административной иерархии, когда, например, заместитель министра становился его первым заместителем, а заместитель руководителя агентства возглавлял его. Примером восходящей административной карьеры служат чиновники Федеральной налоговой службы: после того как ее руководитель М.В. Мишустин стал премьер-министром, двое его заместителей (Д.Ю. Григоренко и А.Л. Оверчук) стали вице-премьерами, еще одна (С.Н. Андрющенко) — заместителем главы аппарата правительства. Впрочем, в некоторых случаях федеральная административная карьера, достигнув вершины, напротив, шла по нисходящей, когда, например, чиновники переходили с элитных постов на должности советников или помощников. Наконец, происходило и их горизонтальное перемещение на относительно равнозначные должности в других ведомствах.

Насколько выражена межведомственная миграция чиновников, обмен кадрами между административными органами? Примеров такой карьерной мобильности, способствующей сплоченности административной элиты, немало, хотя чаще всего чиновники, работавшие после ухода с должности в федеральной администрации, оставались в том же самом органе. В частности, имеет место активное движение кадров между правительством и АП, что показывали и предыдущие исследования [Воронкова, Сидорова, Крыштановская 2011: 78; Тев 2019: 12; Тев 2020: 159–160]. Пятеро членов правительства перешли на работу в АП и двое деятелей АП вошли в правительство. При этом лишь в редких случаях чиновники переходили из одного министерства в другое (так, заместитель министра обороны А.И. Антонов перешел в МИД и заместитель министра здравоохранения А.З. Фаррахов — в Минфин).

Распространенность переходов чиновников с одной высокой федеральной административной должности на другую, т.е. внутренней циркуляции элитных кадров [Воронкова, Сидорова, Крыштановская 2011: 78], означает, что часто они, покинув свой пост, сохраняют членство в административной элите. Таблица 4 показывает, что на момент исследования более трети высокопоставленных чиновников 2013 г. (в т.ч. более 60 % деятелей АП, почти 40 % членов правительства, примерно треть заместителей министров и руководства федеральных агентств) по-прежнему принадлежали к ней, занимая тот же или иной пост.

Таблица 4

**Доля членов федеральной административной элиты РФ 2013 г.,
сохранивших членство в ней, в % (N=575)**

Дата	Доля принадлежащих к федеральной административной элите
11.2016	67
11.2018	51
10.2020	37

Наконец, как показывает таблица 3, иногда федеральные чиновники оказывались в органах исполнительной власти более низкого, почти исключительно регионального уровня. Прежде всего примечателен их переход на посты губернаторов, которые все чаще рекрутируются из федеральных чиновников [Флягин 2019: 34]. Всего главами регионов стали 11 человек, причем пятеро в прошлом имели отношение к региону, родившись или проработав некоторое время в нем, т.е. не являются чистыми «варягами». Рекрутирование персон, прошедших профессиональную социализацию в федеральной администрации, лично знакомых высшему руководству страны и пользующихся его доверием, служит формой проявления и способом упрочения контроля президента и в целом федерального центра над региональной властью. Для самих федеральных чиновников пост губернатора может быть привлекательным в силу своей относительной влиятельности, престижности и высокой вознаграждаемости. Впрочем, некоторые чиновники уходили и на более низкие региональные должности (заместителей губернаторов и пр.), что уже было явным понижением.

ЧЛЕНСТВО В ФЕДЕРАЛЬНОМ СОБРАНИИ ПОСЛЕ ОТСТАВКИ

К настоящему времени парламент РФ, как видно из таблицы 5, играет малозначимую роль как место работы ключевых федеральных чиновников 2013 г. после ухода с должности (что согласуется с данными предыдущих исследований посткарьеры администраторов [Huskey 2010; Тев 2019: 14; Тев 2020: 167]). Причем членство в верхней палате парламента — СФ распространено шире, чем в нижней — ГД.

Таблица 5

Членство в представительных органах после ухода с должности, в %

Представительный орган	Наличие опыта N=455 (N1=361)	Первая известная работа после ухода с должности N=455 (N1=361)
Федеральное собрание	2 (3)	1 (2)
В т.ч.		
СФ	2 (2)	1 (1)
ГД	1 (1)	~0 (~0)
Законодательные собрания субъектов РФ	~0 (~0)	0 (0)
Местные думы	0 (0)	0 (0)
Всего	2 (3)	1 (2)

Незначительность парламента как места работы чиновников после ухода с должности в целом неувидительна. В нынешней России, для которой характерна сверхконцентрация власти в руках президента, парламент — слабый, зависимый политический институт, подконтрольный главе государства [Fish, Kroenig 2009: 560–565]. Федеральное Собрание (ФС) играет второстепенную роль в качестве источника рекрутирования не только административной элиты в целом, но и даже членов правительства. То, что федеральные чиновники, включая министров, довольно редко имеют парламентский опыт перед вхождением в должность, а совмещение парламентских и правительственных постов не допускается, снижает вероятность того, что, покинув свой пост, они окажутся в парламенте. Примечательно в этой связи, что среди тех деятелей, которые все же работали в составе Федерального Собрания после ухода с должности, предшествующий парламентский опыт гораздо шире распространен, чем во всей совокупности административной элиты (40 % против 5 %) [Тев 2016: 123]. Также слабость, во многом декоративность ФС подрывает привлекательность парламентских позиций и заинтересованность чиновников в законодательной карьере (как ее «толкающий» фактор), поскольку такой переход обычно связан с утратой реальной власти. Кроме того, нетипичность рекрутирования министров из депутатов ГД и сенаторов, то, что парламентские позиции редко служат трамплином для занятия постов в правительстве, снижает

ет целесообразность вхождения в парламент для амбициозных чиновников, стремящихся достичь вершины иерархии исполнительной власти.

Вместе с тем позиции депутатов и сенаторов щедро вознаграждаются (по объему социальных гарантий они приравнены к министрам [Федеральный закон... 1994]), а работа на них часто не требует больших затрат времени и усилий. В этом смысле они могут быть привлекательны и служить синекурами для бывших чиновников, а переход на них — формой почетной отставки (пенсии), призванной, кроме прочего, укрепить лояльность отставников действующей власти. В одном случае высокопоставленный дипломат Г.Б. Карасин был делегирован в СФ уже в пожилом возрасте, когда, по закону, больше не мог состоять на государственной службе. Но ФС может быть и местом временного пребывания чиновника, который может там передохнуть и дожидаться нового назначения на административную должность. Например, первый заместитель министра здравоохранения И.Н. Каграманян перешел в СФ, где работал около трех лет, а затем снова был назначен на тот же пост. В ряде случаев чиновники не просто переходили в ФС, но оказывались в нем на «командных высотах» — должностях спикера, вице-спикера, председателя комитета, которые в плане власти, престижа и дохода привлекательнее рядовых парламентских позиций и больше соответствуют статусу высокопоставленного чиновника. Глава государства и его администрация могут продвигать близких к нему, пользующихся его особым доверием персон на ключевые парламентские посты, и такое рекрутирование можно рассматривать как форму проявления и способ упрочения контроля президента над парламентом. Важнейший пример такого чиновника — спикер ГД В.В. Володин, бывший в 2013 г. заместителем руководителя АП. Еще два администратора стали первыми заместителями председателя СФ. В общем подконтрольность парламента, его формирования и функционирования президенту и вообще административной власти может способствовать переходу туда высокопоставленных чиновников, облегчать для них доступ к парламентским постам, усиливая значимость связей в администрации как «вытягивающего» фактора рекрутирования на эти позиции.

ЗАНЯТОСТЬ В КОММЕРЧЕСКОЙ СФЕРЕ ПОСЛЕ УХОДА С ДОЛЖНОСТИ

Бизнес — важнейший после административных органов институт, в рамках которого проходит карьера федеральных чиновников после ухода с должности (что показывают и другие исследования: [Huskey 2010; Semenova 2011: 921-922; Тев 2019; Тев 2020]). Из таблицы 6 видно, что значительное меньшинство, покинув свой пост, имело опыт работы в коммерческих организациях.

Таблица 6

**Опыт работы в коммерческих организациях после ухода
с должности, в %**

Позиция	Наличие опыта N=455 (N1=361)	Первая известная работа после ухода с должности N=455 (N1=361)
Ключевая*	29 (37)	19 (24)
Любая	35 (40)	22 (27)

*К ключевым были отнесены позиции генерального директора, председателя правления, президента и их заместителей, директора по направлению, члена совета директоров, индивидуального предпринимателя.

Правда, иногда занятость в бизнесе исчерпывалась тем, что тот или иной деятель просто некоторое время сохранял место в совете директоров, которое занял, будучи еще в должности, или входил в него, работая на новом административном посту, как представитель государства. Также, говоря о занятости в бизнесе, стоит добавить, что заметная часть чиновников (примерно каждый десятый), покинув должность, входила в руководство государственных корпораций, таких как «Росатом», «Ростех», «Роскосмос», которые, хотя сами и являются некоммерческими организациями, контролируют коммерческие структуры.

Распространенность занятости в бизнесе варьирует в ведомственном разрезе: наиболее характерна она для руководителей Минприроды и экономических министерств, гораздо реже встречается среди выходцев из силовых и особенно социальных министерств. Бывшие члены правительства работали в бизнесе чаще, чем выходцы из АП и аппарата правительства.

Хотя после ухода с должности чиновники чаще всего были заняты в компаниях госсектора (особенно сразу после отставки), многие устраивались и в частные фирмы, будучи лишь в нескольких случаях их крупными владельцами. Распространена занятость в крупных фирмах: примерно каждый пятый чиновник, ушедший с должности, работал в компаниях, входивших в рейтинг журнала «Эксперт», или во владеющих ими структурах. Среди них не только государственные (Сбербанк, РЖД, «Алроса»), но и частные («Норильский никель», НОВАТЭК, ЧТПЗ, «Ренова»). Словом, переплетения федеральной административной и экономической элит России, спланивающие эти властные группы, имеют место.

Есть тенденция к переходу чиновников в фирмы, которые регулировали их ведомства. Так, заместители министра промышленности и торговли Ю.Б. Слюсарь и А.Л. Рахманов возглавили «Объединенную авиастроительную корпорацию» и «Объединенную судостроительную корпорации». Выходцы из Минприроды и Минэнерго работали в нефтегазовом секторе. Руководитель Роскомнадзора А.А. Жаров возглавил «Газпром-медиа Холдинг», а его заместитель М.Ю. Ксензов стал топ-менеджером «Национальной Медиа Группы». Кроме того, обязанности ряда экс-чиновников в бизнесе сходны с их административными функциями. Так, экс-заместитель главы Росимущества И.В. Аксенов отвечает в «Почте России» за управление имуществом.

Вообще, закон налагает ограничения на переход чиновников в организации, которые они ранее регулировали, предусматривая, в частности, что в течение двух лет после ухода с госслужбы они не вправе замещать должности в них без согласия специальной комиссии [Федеральный закон... 2004; Указ президента... 2010]. Что касается лиц, замещающих государственные должности, включая членов правительства, то они должны получить согласие от президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции [Указ президента ... 2011]. При этом регулирование коснулось не только работы бывших чиновников в штате фирм, но и их членства в советах директоров госкомпаний, выдвижение в которые экс-чиновники должны были согласовать с ведомствами, где прежде работали [Киселева, Скоробогатко 2011]. В какой мере эти требования, определяя структуру карьерных возможностей чиновников, сдерживают их движение в бизнес? По отдельным имеющимся данным [Смертина 2018], комиссии гораздо чаще давали согласие, чем отказывали чиновникам в трудоустройстве. Но прокуратура

все же нередко выявляет соответствующие нарушения, штрафует работодателей. Опасение санкций может отпугивать фирмы от приема чиновников на работу. Впрочем, в нашей совокупности всего один чиновник, перешедший в бизнес (из Росимущества в РЖД), был уволен из-за конфликта интересов.

В то же время ряд факторов благоприятствуют переходам чиновников в бизнес. Во-первых, для самых высокопоставленных деятелей, таких как члены правительства, возможности карьеры в политико-административной сфере после ухода с должности ограничены малочисленностью превосходящих или сопоставимых по значимости постов, что способствует привлекательности для них ухода из госаппарата в бизнес.

Во-вторых, высокие посты в крупных компаниях могут быть привлекательны для чиновников, поскольку обычно щедро вознаграждаются, нередко лучше, чем административные должности [Березанская 2012; Якорева, Жолобова, Мязина 2016], и могут давать большую власть. Впрочем, выгоды перехода в бизнес не стоит преувеличивать, учитывая большую стабильность вознаграждения и различные привилегии госслужащих, а также возможности незаконного извлечения ими доходов.

В-третьих, отсутствие в бизнесе, в отличие от госслужбы и бюджетных учреждений, формальных возрастных ограничений занятости расширяет возможности карьеры для пожилых чиновников. Впрочем, возраст, конечно, может быть фактическим препятствием для полноценной карьеры в бизнесе, позволяя, однако, занимать там синекуры.

В-четвертых, наличие у многих чиновников, особенно из экономических ведомств, опыта работы в бизнесе перед вхождением в должность, а значит соответствующих компетенций и связей, благоприятствует их переходам туда после отставки. Чуть более половины чиновников, занимавших после отставки ключевые исполнительные посты в бизнесе (но менее трети всей административной элиты [Тев 2016: 124–125]), имеют постсоветский опыт работы топ-менеджерами до вхождения в должность.

В-пятых, при осуществлении своих полномочий чиновники, прежде всего экономических министерств и ведомств, довольно тесно взаимодействуют с компаниями (особенно госсектора). В частности, они входят в советы директоров фирм (попытка вывести их оттуда, по существу, закончилась неудачей). Некоторые из них и после отставки сохраняют членство в них как представители государства или независимые директора. Со своей стороны, бизнесмены участвуют в работе

совещательных органов при министерствах и ведомствах. В ходе функционального взаимодействия с бизнесом чиновники приобретают как знания экономической сферы, так и знакомства в компаниях, «вытягивающие» на видные позиции в коммерческом секторе. Кстати, пост в бизнесе может быть вознаграждением чиновнику, проявившему лояльность интересам фирмы.

В-шестых, доступ чиновников к видным позициям в бизнесе облегчают их связи в самих госорганах. Ради упрочения контроля над компаниями госсектора государственные деятели продвигают бывших коллег, пользующихся их доверием, в менеджмент и советы директоров. Также они могут делать это в силу дружеских отношений или ради обеспечения лояльности отставников.

В-седьмых, в такой стране с высоким уровнем коррупции, как Россия, чиновники могут, используя служебное положение, накапливать значительный частный капитал и после отставки занимать должности в созданном таким способом бизнесе.

Наконец, важна заинтересованность самих фирм в привлечении на работу чиновников. Политические связи в форме наличия в штате выходцев из государственных органов могут быть особенно выгодны компаниям в странах со слабой правовой системой и высоким уровнем коррупции, как Россия [Faccio 2010; Grigoriev, Zhirkov 2020]. Распространено мнение, что в России сложился «кумовской капитализм», при котором политические связи первостепенны для успешного накопления капитала [Волкова 2016; Planet Plutocrat 2014]. Экс-чиновники могут обладать рядом полезных для фирм ресурсов. Среди них связи в госаппарате и доступ к своим бывшим коллегам (впрочем, по мере смены кадров в администрации такие связи могут обесцениваться), а также знание административного механизма. В бизнесе могут цениться управленческий опыт и высокая общественная репутация чиновников. Выходцы из экономических ведомств, вероятно, особенно привлекательны для фирм в силу их компетентности в вопросах экономики и ее регулирования. В целом наличие чиновников в руководстве фирм может повышать легитимность их деятельности, улучшать информированность о действиях административных органов, усиливать лоббистский потенциал, способность отстаивать свои интересы в отношениях с государством. Примечательно, что не менее 11 экс-чиновников отвечали в компаниях за взаимодействие с органами власти.

Но востребованность чиновников в бизнесе не стоит переоценивать. Политические связи могут быть не только выгодны, но и вредить фир-

мам, подчиняя их деятельность политическим соображениям [Гладышева, Кишилова 2018]. Вообще, логики функционирования административной сферы и бизнеса и компетенции, необходимые для успешной работы в них, существенно различаются. Бизнес могут отпугивать такие черты чиновников, как косность мышления, неспособность к самостоятельной работе, ориентация на процесс, а не на результат, недостаточная гибкость и мобильность, неумение работать в конкурентной среде [Буравцева 2013]. Впрочем, госкомпании, особенно монополии, во многом сходны с административными органами, и в них чиновникам, вероятно, адаптироваться легче.

РАБОТА В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ ПОСЛЕ УХОДА С ДОЛЖНОСТИ

Некоторые чиновники, как видно из таблицы 7, после ухода с должности работают в научно-образовательной сфере, в том числе на ключевых постах. В частности, это особенно характерно для руководителей Министерства образования и науки: большинство их оказалось занято в подведомственной отрасли.

Таблица 7

Опыт работы в научно-образовательной сфере после ухода с должности, в %*

Позиция	Наличие опыта N=455 (N1=361)	Первая известная работа после ухода с должности N=455 (N1=361)
Ключевая	3 (4)	2 (3)
Неключевая	5 (7)	4 (5)
Всего	8 (10)	6 (8)

*Без учета членства в попечительских и наблюдательных советах, где состояло более десятка чиновников, ушедших с должности.

Привлекательность для чиновников таких позиций, конечно, не стоит преувеличивать: обычно они не могут обеспечить власть и доход, сопоставимые с теми, что дают видные должности в бизнесе и администрации. Впрочем, некоторые посты, например ректоров ведущих вузов, довольно влиятельны и щедро вознаграждаются. Но и должность про-

фессора может быть привлекательна для отставного чиновника, поскольку престижна и при неполной занятости не особо обременительна.

Ряд факторов могут способствовать занятости чиновников в научно-образовательной сфере после ухода с должности. Во-первых, наличие опыта работы в ней до вхождения в должность, что характерно для большинства чиновников, которые, оставив должность, работали в учреждениях образования и науки. Вообще закон разрешает совмещение госслужбы с преподавательской и научной деятельностью, так что некоторые не покидали позиций в этих учреждениях и, уйдя с поста, просто продолжали работать в них. Во-вторых, находясь в должности, чиновники иногда могут приобретать компетенции, ценные и востребованные в образовании и науке. Нередко их специальность в этой сфере после ухода с должности в целом соответствовала профилю работы в федеральной администрации. Так, бывший руководитель Росстата А.Е. Суринов после отставки стал директором по статистическим исследованиям ВШЭ. В-третьих, на видные посты в научно-образовательной сфере чиновников могут вытягивать их связи в административных органах, которые во многом контролируют рекрутирование руководства соответствующих бюджетных учреждений. В-четвертых, знакомства и связи с руководством самих этих учреждений, приобретенные чиновниками в ходе взаимодействия с ним в период пребывания в должности (а надо сказать, что представители этой сферы входят в консультативные советы при госорганах), также могут облегчить доступ к видным постам в этой сфере. Теснее всего они должны быть у сотрудников ведомств, курирующих саму научно-образовательную сферу. Наконец, научно-образовательные учреждения, зависимые от государства в плане рекрутирования руководства и финансирования, могут быть заинтересованы в привлечении чиновников: наличие в штате и попечительских советах персон со связями в госаппарате и доступом к бывшим коллегам по госслужбе повышает лоббистский потенциал организации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что к октябрю 2020 г. подавляющее большинство членов федеральной административной элиты 2013 г. покинули занимаемую ими в тот период должность, но уровень обновления кадров варьирует, будучи, в частности, выше в социальных министерствах, чем в МИДе, силовых министерствах и АП. Уход с должности

связан с разными обстоятельствами, включая отставки правительства, упразднение ведомств, достижение предельного возраста пребывания на госслужбе, уголовные дела, скандалы и пр.

Покинув должность, чиновники чаще всего продолжали работать в административных структурах, прежде всего федерального уровня, в большинстве случаев в том же органе, на более высоком или, иногда, низком посту. Но заметна и межведомственная циркуляция кадров (в частности, между правительством и АП), способствующая сплочению федеральной административной элиты. В целом более трети чиновников сохранили членство в этой элите, занимая ту же или иную должность. При этом некоторые перешли в администрации субъектов РФ, в том числе на посты губернаторов, рекрутирование которых из числа федеральных администраторов служит формой проявления и способом упрочения контроля президента и в целом федерального центра над региональной властью.

Как и во многих странах Запада, нередко административная должность, прежде всего в экономических ведомствах, служит трамплином к видным постам в бизнесе (и госкорпорациях). Главным образом речь идет о занятости в крупных фирмах и в связи с этим динамических переплетениях административной и экономической элит, спланивающих эти властные группы. Несмотря на законодательные ограничения (являющиеся частью структуры возможностей посткарьеры), видна тенденция к трудоустройству чиновников в подведомственные фирмы. Хотя есть немало примеров их перехода в частный сектор, чаще всего они оказывались в государственных компаниях. Прямая подконтрольность последних федеральной администрации усиливает значимость связей в ней как «вытягивающего» фактора рекрутирования на ключевые посты в таких фирмах, способствуя движению кадров. В целом привлечение чиновников может быть, особенно в условиях «кумовского» капитализма, выгодно компаниям, повышая их лоббистский потенциал. Перспектива перехода в бизнес после отставки может влиять на поведение чиновников в должности, мотивируя их приспособлять свою политику к интересам потенциальных работодателей.

Лишь в единичных случаях чиновники оказывались в парламенте. Слабость Федерального Собрания подрывает мотивацию к законодательной карьере (как ее «толкающий» фактор), поскольку такой переход обычно связан с утратой реальной власти. Впрочем, подконтрольность парламента президенту и административным структурам может об-

легчать доступ чиновников к ключевым парламентским постам, также усиливая значимость связей в администрации, как «вытягивающего» фактора рекрутирования.

Некоторые чиновники после ухода с должности были заняты в научно-образовательной сфере, причем нередко их специальность соответствовала профилю работы в администрации. Наиболее характерна такая занятость для администраторов, имевших соответствующий профессиональный опыт и до вхождения в должность.

В целом устойчивость элитного членства оказалась довольно существенной: к моменту исследования как минимум 44 % членов федеральной административной элиты 2013 г. принадлежали к одной из трех фракций (политической, административной, экономической) общенациональной властной элиты России (вдобавок некоторые другие занимали ключевые посты в иных важных институтах — госкорпорациях, Счетной палате, ЦИК и пр.).

Литература

Воронкова О.А., Сидорова А.А., Крыштановская О.В. Российский истеблишмент: пути и методы обновления // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 66–79. EDN NCPECN.

Гимпельсон В.Е., Магун В.С. На службе Государства Российского: перспективы и ограничения карьеры молодых чиновников. Препринт WP3/2004/07. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 32 с.

Гладышева А.А., Кишилова Ю.О. Влияние политических связей и государственной собственности на деятельность фирм в России // Journal of Corporate Finance Research/Корпоративные финансы. 2018. Т. 12, № 1. С. 20–43. <https://doi.org/10.17323/j.jcfr.2073-0438.12.1.2018.20-43>. EDN CQPQKE.

Тев Д.Б. Федеральная административная элита России: карьерные пути и каналы рекрутирования // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 115–130 <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.10>. EDN WEBMZF.

Тев Д.Б. Члены правительства РФ: особенности постправительственной карьеры // Мир России. 2019. Т. 28, № 4. С. 6–29. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-4-6-29>. EDN: CLNQWE

Тев Д.Б. Высокопоставленные чиновники Администрации Президента РФ: каналы рекрутирования и карьера // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 3. С. 153–187. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.7>. EDN: LOLGQW.

Тев Д.Б. Федеральная административная элита России: особенности карьеры после ухода с должности // Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 130–146. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.10>. EDN: BBGNON.

Флягин А.М. Как изменился портрет российского губернатора: анализ биографий глав регионов. 1991–2019 гг. // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14, № 1. С. 29–39. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-29-39>. EDN: XSHLGY.

Bennett A.J. The American President's Cabinet: from Kennedy to Bush. London: Palgrave Macmillan, 1996. 263 p.

Blondel J. The Post-Ministerial Careers // The Profession of Government Minister in Western Europe / ed. by J. Blondel, J.-L. Thiebault. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1991. P. 153–173.

Borchert J. Individual Ambition and Institutional Opportunity: A Conceptual Approach to Political Careers in Multi-level Systems // Regional & Federal Studies. 2011. Vol. 21, no. 2. P. 117–140. <https://doi.org/10.1080/13597566.2011.529757>.

Calder K. Elites in an Equalizing Role: Ex-Bureaucrats as Coordinators and Intermediaries in the Japanese Government-Business Relationship // Comparative Politics. 1989. Vol. 21, no. 4. P. 379–403. <https://doi.org/10.2307/422004>.

Claveria S., Verge T. Post-ministerial Occupation in Advanced Industrial Democracies: Ambition, Individual Resources and Institutional Opportunity Structures // European Journal of Political Research. 2015. Vol. 54, no. 4. P. 819–835. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12107>.

Costa Pinto A., Tavares de Almeida P. The Primacy of Experts? Non-partisan Ministers in Portuguese Democracy // Technocratic Ministers and Political Leadership in European Democracies / ed. by A. Costa Pinto, M. Cotta, P. Tavares de Almeida. London: Palgrave, 2017. P. 111–137. https://doi.org/10.1007/978-3-319-62313-9_5.

Dörrenbächer N. Patterns of Post-cabinet Careers: When One Door Closes Another Door Opens? // Acta Politica. 2016. Vol. 51, no. 4. P. 472–491. <https://doi.org/10.1057/ap.2016.10>.

Eckert R.D. The Life Cycle of Regulatory Commissioners // The Journal of Law & Economics. 1981. Vol. 24, no. 1. P. 113–120. <http://dx.doi.org/10.1086/466976>.

Etzion D., Davis G.F. Revolving Doors? A Network Analysis of Corporate Officers and U.S. Government Officials // Journal of Management Inquiry. 2008. Vol. 17, no. 3. P. 157–161. <https://doi.org/10.1177/1056492608316918>.

Faccio M. Differences between Politically Connected and Nonconnected Firms: A Cross-Country Analysis // Financial Management. 2010. Vol. 39, no. 3. P. 905–928. <https://doi.org/10.1111/j.1755-053X.2010.01099.x>.

Fish M.S., Kroenig M. The Handbook of National Legislatures: A Global Survey. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 810 p.

Freitag P.J. The Cabinet and Big Business: A Study of Interlocks // Social Problems. 1975. Vol. 23, no. 2. P. 137–152. <https://doi.org/10.2307/799652>.

Gill T.M. The Persistence of the Power Elite: Presidential Cabinets and Corporate Interlocks, 1968–2018 // Social Currents. 2018. Vol. 5, no. 6. P. 501–511. <https://doi.org/10.1177/2329496518797857>.

Grigoriev I., Zhirkov K. Do political connections make businesspeople richer? Evidence from Russia, 2003–2010 // *Research and Politics*. 2020. Vol. 7, no. 4. P. 1–6. <https://doi.org/10.1177/2053168020979434>.

Harasymiw B. Mosca and Moscow: Elite Recruitment in the Soviet Union // Does who governs matter? Elite Circulation in Contemporary Societies / ed. by M.M. Czudnowski. Chicago: North Illinois University Press, 1981. P. 265–292.

Harris J.S., Garcia T.V. The Permanent Secretaries: Britain's Top Administrators // *Public Administration Review*. 1966. Vol. 26, no. 1. P. 31–44. <https://doi.org/10.2307/973928>.

Huskey E. Pantouflage à la Russe: The Recruitment of Russian Political and Business Elites // *Russian Politics from Lenin to Putin* / ed. by S. Fortescue. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. P. 185–204.

Kerbo H.R., McKinstry J.A. Who Rules Japan? The Inner Circles of Economic and Political Power. Westport, CT: Praeger, 1995. 220 p.

Kryshatanovskaya O., White S. Losing Power in Russia // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2005. Vol. 21, no. 2. P. 200–222. <https://doi.org/10.1080/13523270500108725>.

Nicholls K. The Dynamics of National Executive Service: Ambition Theory and the Careers of Presidential Cabinet Members // *The Western Political Quarterly*. 1991. Vol. 44, no. 1. P. 149–172. <https://doi.org/10.1177/106591299104400109>.

Rasmussen A., Buhmann-Holmes N., Egerod B. The Executive Revolving Door: New Dataset on the Career Moves of Former Danish Ministers and Permanent Secretaries // *Scandinavian Political Studies*. 2021. Vol. 44, no. 4. P. 487–502. <https://doi.org/10.1111/1467-9477.12214>.

Rouban L. The Senior Civil Service in France // *Bureaucratic Elites in Western European States. A Comparative Analysis of Top Officials* / ed. by Page E.C., Wright V. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 65–89.

Semenova E. Ministerial and Parliamentary Elites in an Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991–2009. *Comparative Sociology*. 2011. Vol. 10, no. 6. P. 908–927. <https://doi.org/10.1163/156913311X607629>.

Stolz K., Kintz M. Post-Cabinet Careers in Britain and the US: Theory, Concepts and Empirical Illustrations. Paper prepared for the ECPR General Conference 2014, Glasgow, September 3–6, 2014. URL: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/8127572d-9f46-4c11-8238-2b6ca8e2e14a.pdf> (дата обращения: 14.02.2021).

Tabakovic H., Wollmann T.G. From revolving doors to regulatory capture? Evidence from patent examiners. NBER Working Paper no. 24638, National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA, May. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w24638/w24638.pdf (дата обращения: 21.07.2023).

Источники

Березанская Е. Кто в России получает самую большую зарплату // *Forbes*. 19.11. 2012. URL: <https://www.forbes.ru/sobytiya/rating/kompanii/211481->

gosudarevy-slugi-kto-v-rossii-poluchaet-samuyu-bolshuyu-zarplatu (дата обращения: 14.02.2021).

Буравцева М. Есть ли жизнь после госслужбы? // Ведомости. 21.06.2013. URL: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2013/06/21/zhizn_posle_gossluzhby (дата обращения: 14.02.2021).

Волкова О. Ученые назвали политические связи главным источником богатства в России // РБК. 11.03.2016. URL: <http://www.rbc.ru/economics/11/03/2016/56e2a1ac9a7947f56bedc71a> (дата обращения: 14.02.2021).

Дятел Т., Козлов Д. Какой премьер для подражания. Вознаграждение руководства госкомпаний могут подравнять по зарплате главы правительства // Коммерсантъ. 2020. № 100. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4372677> (дата обращения: 14.02.2021).

Киселева Е., Скоробогатько Д. Марша несогласованных не допустят // Коммерсантъ. 2011. № 202. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1804030> (дата обращения: 14.02.2021).

Райбман Н. Замминистра экономики: Мне стыдно за решение правительства по пенсиям // Ведомости. 06.08.2014. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/08/06/zamministra-ekonomiki> (дата обращения: 14.02.2021).

Смертина П. Нанимая бывших чиновников, компании нарушают закон // Ведомости. 21.08.2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2018/08/21/778689-kompanii-narushayut-zakon> (дата обращения: 14.02.2021).

Указ Президента РФ от 01.07.2010 № 821 (ред. от 26.06.2023) «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов» (вместе с «Положением о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов»). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102226/ (дата обращения: 02.07.2023).

Указ Президента РФ от 25 февраля 2011 г. № 233 «О некоторых вопросах организации деятельности президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции» (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/12183234/> (дата обращения: 02.07.2023).

Федеральный закон от 23.05.2016 г. № 143 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части увеличения пенсионного возраста отдельным категориям граждан». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40806> (дата обращения: 02.07.2023).

Федеральный закон от 30.12.2012 г. № 327 «О внесении изменения в статью 25.1 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации”» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36583> (дата обращения: 02.07.2023).

Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 02.07.2023).

Федеральный закон от 8 мая 1994 № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» <http://council.gov.ru/services/reference/10056/> (дата обращения: 02.07.2023).

Якорева А., Жолобова М., Мязина Е. Исследование РБК: сколько заработали сотрудники госкомпаний в 2015 году // РБК. 17.02.2016. URL: <https://www.rbc.ru/research/business/17/02/2016/56c38c9d9a794798ed4f8e69> (дата обращения: 14.02.2021).

Planet Plutocrat // The Economist. 15.03.2014. URL: <http://www.economist.com/news/international/21599041-countries-where-politicallyconnected-businessmen-are-most-likely-prosper-planet> (дата обращения: 14.02.2021).

HIGH-RANKING FEDERAL OFFICIALS OF RUSSIA: CAREER AFTER LEAVING OFFICE

D.B. Tev

(denis_tev@mail.ru)

The Sociological Institute,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia

Citation: Tev D.B. Vysokopostavlennye federal'nye chinovniki Rossii: kar'era posle uhoda s dolzhnosti [High-ranking federal officials of Russia: career after leaving office] // *Vlast' i jelity* [Power and Elites], 2023, 10 (1): 69–97. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.3>
EDN VKBXVD

Abstract. *The article analyzes the careers after leaving the office of members of the federal administrative elite of Russia of 2013. The empirical basis is a biographical database, which includes 575 questionnaires, updated in 2020. The vast majority of officials have left their posts by the time of the study. Departure from it is associated with different circumstances (resignation of the government, abolition of departments, reaching the age limit for civil service, criminal cases,*

scandals), and the level of personnel renewal varies in different departments. The circulation of cadres within the federal administration prevails; it is the most important place of work for officials who have left the post. Most often, they remained in the same government body, in a different position, but interdepartmental mobility is also noticeable (including the exchange of personnel between the government and the Presidential Administration), contributing to the cohesion of the administrative elite. Often, an administrative position, primarily in economic departments, served as a springboard to prominent positions in business, which in the conditions of “crony” capitalism is especially interested in attracting officials. Mainly, we are talking about employment in large firms, creating a dynamic interlocking of the administrative and economic elites. Despite the legal restrictions, there is a tendency to employ officials in subordinate companies. While there are examples of their transition to the private sector, most often they ended up in state-owned companies. Only in isolated cases did officials move to parliament. The weakness of the Federal Assembly undermines the motivation for a legislative career. However, the control of parliament by the president and administrative structures can facilitate the access of officials to key parliamentary posts, increasing the importance of ties in the administration as a “pulling out” factor of recruitment. In general, at the time of the study, slightly less than half of the members of the federal administrative elite of 2013 belonged to one of three factions of the nationwide power elite (administrative, political, economic).

Keywords: federal administrative elite, career after leaving office, administration, business, parliament, scientific and educational sphere.

References

- Bennett A.J. *The American President's Cabinet: from Kennedy to Bush*. London: Palgrave Macmillan, 1996. 263 p.
- Blondel J. The Post-Ministerial Careers. In: *The Profession of Government Minister in Western Europe*. Ed. by J. Blondel, J.-L. Thiebault. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1991, pp. 153–173.
- Borchert J. Individual Ambition and Institutional Opportunity: A Conceptual Approach to Political Careers in Multi-level Systems. *Regional & Federal Studies*, 2011, 21(2), pp. 117–140. <https://doi.org/10.1080/13597566.2011.529757>.
- Calder K. Elites in an Equalizing Role: Ex-Bureaucrats as Coordinators and Intermediaries in the Japanese Government-Business Relationship. *Comparative Politics*, 1989, 21(4), pp. 379–403. <https://doi.org/10.2307/422004>.
- Claveria S., Verge T. Post-ministerial Occupation in Advanced Industrial Democracies: Ambition, Individual Resources and Institutional Opportunity Structures. *European Journal of Political Research*, 2015, 54(4), pp. 819–835. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12107>.
- Costa Pinto A., Tavares de Almeida P. The Primacy of Experts? Non-partisan Ministers in Portuguese Democracy. In: *Technocratic Ministers and Political Leadership*

in *European Democracies*. Ed. by A. Costa Pinto, M. Cotta, P. Tavares de Almeida. London: Palgrave, 2017, pp. 111–137. https://doi.org/10.1007/978-3-319-62313-9_5.

Dörrenbächer N. Patterns of Post-cabinet Careers: When One Door Closes Another Door Opens? *Acta Politica*, 2016, 51(4), pp. 472–491. <https://doi.org/10.1057/ap.2016.10>.

Eckert R.D. The Life Cycle of Regulatory Commissioners. *The Journal of Law & Economics*, 1981, 24 (1), pp. 113–120. <http://dx.doi.org/10.1086/466976>.

Etzion D., Davis G.F. Revolving Doors? A Network Analysis of Corporate Officers and U.S. Government Officials. *Journal of Management Inquiry*, 2008, 17 (3), pp. 157–161. <https://doi.org/10.1177/1056492608316918>.

Faccio M. Differences between Politically Connected and Nonconnected Firms: A Cross-Country Analysis. *Financial Management*, 2010, 39(3), pp. 905–928. <https://doi.org/10.1111/j.1755-053X.2010.01099.x>.

Fish M.S., Kroenig M. *The Handbook of National Legislatures: A Global Survey*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 810 p.

Flyagin A.M. Kak izmenilsya portret rossijskogo gubernatora: analiz biografij glav regionov. 1991–2019 gg [How the Portrait of the Russian Governors Has Changed: Analyzing Biographies of the Heads of the Russian Regions. 1991–2019]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologija* [Bulletin of Perm University. Political Science], 2019, 14(1), pp. 29–39. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-29-39>. (In Russian)

Freitag P.J. The Cabinet and Big Business: A Study of Interlocks. *Social Problems*, 1975, 23(2), pp. 137–152. <https://doi.org/10.2307/799652>.

Gill T.M. The Persistence of the Power Elite: Presidential Cabinets and Corporate Interlocks, 1968–2018. *Social Currents*, 2018, 5 (6), pp. 501–511. <https://doi.org/10.1177/2329496518797857>.

Gimpel'son V.E., Magun V.S. *Na sluzhbe Gosudarstva Rossijskogo: perspektivy i ogranichenija kar'ery molodyh chinovnikov* [In the Service of the Russian State: Prospects and Limitations of the Career of Young Officials.]. Preprint WP3/2004/07. Moscow: HSE, 2004. 32 p. (In Russian).

Gladysheva A.A., Kishilova YU.O. The Influence of Political Ties and State Ownership on the Activities of Firms in Russia. *Journal of Corporate Finance Research*, 2018, 12(1), pp. 20–43. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/j.jcfr.2073-0438.12.1.2018.20-43>.

Grigoriev I., Zhirkov K. Do political connections make businesspeople richer? Evidence from Russia, 2003–2010. *Research and Politics*, 2020, 7(4), pp. 1–6. <https://doi.org/10.1177/2053168020979434>.

Harasymiw B. Mosca and Moscow: Elite Recruitment in the Soviet Union. In: *Does who governs matter? Elite Circulation in Contemporary Societies*. Ed. by M.M. Czudnowski. Chicago: North Illinois University Press, 1981, pp. 265–292.

Harris J.S., Garcia T.V. The Permanent Secretaries: Britain's Top Administrators. *Public Administration Review*, 1966, 26(1), pp. 31–44. <https://doi.org/10.2307/973928>.

Huskey E. Pantouflage à la Russe: The Recruitment of Russian Political and Business Elites. In: *Russian Politics from Lenin to Putin*. Ed. by S. Fortescue. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010, pp. 185–204.

Kerbo H.R., McKinstry J.A. *Who Rules Japan? The Inner Circles of Economic and Political Power*. Westport, CT: Praeger, 1995. 220 p.

Kryshtanovskaya O., White S. Losing Power in Russia. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 2005, 21(2), pp. 200–222. <https://doi.org/10.1080/13523270500108725>.

Nicholls K. The Dynamics of National Executive Service: Ambition Theory and the Careers of Presidential Cabinet Members. *The Western Political Quarterly*, 1991, 44(1), pp. 149–172. <https://doi.org/10.1177/106591299104400109>.

Rasmussen A, Buhmann-Holmes N, Egerod B. The Executive Revolving Door: New Dataset on the Career Moves of Former Danish Ministers and Permanent Secretaries. *Scandinavian Political Studies*, 2021, 44 (4), pp. 487-502. <https://doi.org/10.1111/1467-9477.12214>.

Rouban L. The Senior Civil Service in France. In: *Bureaucratic Elites in Western European States. A Comparative Analysis of Top Officials*. Ed. by Page E.C., Wright V. Oxford: Oxford University Press, 1999, pp. 65–89.

Semenova E. Ministerial and Parliamentary Elites in an Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991–2009. *Comparative Sociology*, 2011, 10(6), pp. 908–927. <https://doi.org/10.1163/156913311X607629>.

Stolz K., Kintz M. Post-Cabinet Careers in Britain and the US: Theory, Concepts and Empirical Illustrations. Paper prepared for the ECPR General Conference 2014, Glasgow, September 3–6, 2014. Available at: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/8127572d-9f46-4c11-8238-2b6ca8e2e14a.pdf> (accessed: 14.02.2021).

Tabakovic H., Wollmann T.G. From revolving doors to regulatory capture? Evidence from patent examiners. *NBER Working Paper* no. 24638, National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA, May. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w24638/w24638.pdf (accessed: 21.07.2023).

Tev D.B. Federal'naja administrativnaja jelita Rossii: kar'ernye puti i kanaly rekrutirovaniya [Federal administrative elite of Russia: Career Paths and Channels of Recruitment]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 2016, 4, pp. 115–130. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.10>. (In Russian)

Tev D.B. Chleny pravitel'stva RF: osobennosti postpravitel'stvennoj kar'ery [Members of the Russian Government: Features of Post-government Careers]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2019, 28(4), pp. 6–29. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-4-6-29>. (In Russian)

Tev D.B. Vysokopostavlennye chinovniki Administracii Prezidenta RF: kanaly rekrutirovaniya i kar'era [Senior Officials of the Presidential Administration of Russia: Recruitment Channels and Career]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoj antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 2020, 23(3), pp. 153–187. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.7>. (In Russian)

Tev D.B. Federal'naja administrativnaja jelita Rossii: osobennosti kar'ery posle uhoda s dolzhnosti [Federal administrative elite of Russia: features of a career after leaving office]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 2023, 1, pp. 130–146. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.10>. (In Russian)

Voronkova O.A., Sidorova A.A., Kryshtanovskaja O.V. Rossijskij isteblishment: puti i metody obnovlenija [Russian establishment: ways and methods of renewal]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 2011, 1, pp. 66–79. (In Russian)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В КАРЬЕРНЫХ ТРАЕКТОРИЯХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.С. Быстрова

(abc_46@mail.ru)

Социологический институт ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Быстрова А.С. Региональные различия в карьерных траекториях представителей региональной политической элиты Российской Федерации// Власть и элиты. 2023. Т. 10, № 1. С. 98–138.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.4>
EDN VTBGFP

Аннотация. Территориальная «привязка» карьеры к определенному региону задает значительную часть структуры возможностей, в рамках которой индивид реализует свои планы выстраивания карьеры. Региональные особенности политического процесса, в частности, сложившаяся практика формирования корпуса региональных политиков, дизайн выборов и степень их конкурентности, практики функционирования законодательного органа, условия деятельности депутатов и, конечно, местные законодательные нормы и правила определяют персональный состав региональных политиков и траектории их карьер. Не тождественны модели взаимоотношений внутри корпуса региональной элиты — практики взаимодействия исполнительной и законодательной ветвей власти в границах каждого субъекта РФ. Различен уровень автономности региональных институтов власти и региональных лидеров. По-разному восприняты и имеют разные последствия советские традиции формирования правящего (политического) класса (номенклатуры). В последние три десятилетия лет существовали различные модели взаимодействия субъектов РФ и федерального центра. Речь идет о большей или меньшей централизации/децентрализации структур государственной власти и управления. Процессы рецентрализации, идущие в стране с начала 2000-х годов, сопровождаются сохранением диверсификации многих характеристик, определяющих структуру политических возможностей. Рецентрализация, несущая с собой явные тенденции к унификации ряда параметров политического процесса в каждом отдельном регионе, все-таки оставляет

возможности организации политического процесса по привычным паттернам (дизайн выборов, взаимодействие законодательной и исполнительной ветвей власти, рекрутирование и т.д.). Эмпирической базой исследования служит массив биографий региональных политиков, охватывающий 2005–2020 гг. Всего проанализированы биографические данные 1816 региональных политиков. Сравнение проводилось по ряду показателей, характеризующих траектории карьер и бассейны рекрутирования региональных политиков. Среди них преобладают региональные карьеры. Бассейн рекрутирования составляют хозяйственно-экономическая и политико-административная сферы. Однако картина в целом пестрая, движение показателей, характеризующих бассейн рекрутирования, хаотичны.

Ключевые слова: региональная политическая элита, карьера, бассейн рекрутирования, биографии.

ВВЕДЕНИЕ

Внимательный взгляд на панораму субъектов РФ обнаруживает довольно пеструю портретную галерею политиков. Конечно, так и должно быть, коль скоро наша страна располагает на очень большой территории. Ее население этнически и культурно разнообразно. Государственное устройство сложное. Уже этих немногих важных по своему значению факторов достаточно, чтобы представить, хотя бы в общих чертах, сложность устройства и разнообразие властных групп. В поле нашего внимания региональный уровень институтов власти, точнее политики, своей деятельностью обеспечивающие их функционирование. Российская Федерация, а до нее Советский Союз и Российская империя — сложно устроенные системы. В их развитии многие политические институты и практики осуществления власти, государственного управления в определенной мере и в различных формах наследовались и осознавались политиками как российская специфика, особый путь и т.д. В данной работе нет цели углубляться далеко в прошлое, задача гораздо скромнее — исследовать и описать региональные различия в карьерах политиков, основная деятельность которых протекает в регионах РФ, не забывая о возможном влиянии особенностей конкретных субъектов РФ на выстраивание карьерных траекторий.

Самое общее определение карьеры — постепенное продвижение человека по ступеням служебной лестницы, сопровождающееся применением навыков, умений, квалификационных возможностей [Могилевкин 2007]. В ходе карьерных перемещений изменяется также статус,

социальная роль, может меняться размер вознаграждения. В литературе находим описание множества типологий карьер. Они построены на различных основаниях, учитывая скорость и обстоятельства, направление движения по карьерной лестнице [Буренкова 1995; Слепцов, Куколев, Рыскова 1997; Быстрова 2022; Stolz 2003; Tronconi 2018; Bernard, Čermák 2021].

Карьеры и карьерные траектории исследуются в рамках нескольких научных дисциплин и с использованием различных научных подходов. В них на первый план исследователи выводят, как правило, либо индивида, актора, либо различные стороны социального контекста. Две большие группы исследовательских подходов дополняют друг друга. Различные подходы имеют сильные и слабые стороны. Верчези проделал большую работу, сгруппировав многочисленные подходы к исследованию политических карьер и описав их эвристические возможности, достоинства и недостатки [Vercesi 2018].

Среди факторов, определяющих карьерные различия, а также доступ в элитные группы, есть такие, которые непосредственно относятся к конкретной территории/региону, определяя структуру возможностей будущих региональных политиков. К ним следует отнести место рождения и первичной социализации, место получения высшего образования. Если человек родился и вырос в глубинке, в сельской местности, где в школе не хватало учителей, а из вузов в регионе были только педагогический или сельскохозяйственный, то его возможности выбора карьеры ограничены. Семейные и деловые связи, активно формирующиеся в процессе профессиональной социализации и деятельности, в дальнейшем оказываются «вытягивающими» факторами в продвижении по карьерной лестнице. Это особенно важно в нашей стране, где велика роль неформальных связей, принадлежность к определенному клану и лояльность его патрону [Гаман-Голутвина 2004].

Децентрализация, создание многоуровневых политических систем, рост территориальной автономии (в том числе продолжительность децентрализации, степень консолидации региональных институтов и т.д.) отражаются в целом на разнице структуры возможностей. Чем больше децентрализация в сочетании с более широкой структурой возможностей, тем больше до определенного момента «территориальная самобытность» региональных политиков и разнообразнее модели траекторий их карьер. Подобная зависимость установлена в ряде исследований региональных политиков стран Западной Европы последних

десятилетий, когда в них осуществлялись соответствующие реформы (начиная с 1970-х годов).

Процессы политической децентрализации в Западной Европе, приводящие к появлению новых политических институтов, расширению полномочий региональных и местных правительств (администраций) подробно проанализированы [Harvie 1994; Keating 1998; Caciagli 2003]. Новые политические институты возникали не только в связи с децентрализацией и расширением территориальной автономии, но и Европейского союза. При этом «субнациональные юридические лица» оставались весьма разнообразны. Последствия трансформации затронули и общий процесс государственного управления, и партийные системы, и участников политического процесса, элиты, прежде всего политические.

Позднее появились исследования, посвященные анализу политических карьер в многоуровневых политических системах. В них доказывалось, что регионализация бывших унитарных государств означала укрепление регионального уровня как самостоятельной арены политической карьеры. В какой-то мере это также свидетельствовало о появлении регионального политического класса с набором карьерных интересов, отличающимся от интересов национальных политиков. Оказалось, что вопреки распространенному мнению, что региональные посты являются просто ступенями на пути к федеральным должностям, число политиков, реально перешедших с регионального на федеральный уровень, в целом относительно невелико. В реальности существуют модели карьер, в которых национальные (федеральные) или региональные офисы функционируют как основное направление политической карьеры [Stolz 2003].

Ученые, осуществившие сравнительное исследование влияния децентрализации на политические карьеры региональной элиты Испании (1980–2009), Франции (1986–2009) и Великобритании (1999–2009), обратили внимание на влияние нового политического уровня многоуровневой политической системы на отбор и циркуляцию региональных элит. Они выяснили, что пост премьер-министра регионального правительства (карьеры именно этих персонажей анализировались) стал одной из высших должностей в политической иерархии. Расширение территориальной автономии и рост располагаемых регионом ресурсов способствуют повышению интереса национальных (федеральных) элит к позициям регионального и местного уровня власти. Это может при-

вести и в ряде случаев приводит к формированию более разнообразных моделей карьерных траекторий. Выделены три широких модели (одноуровневая, двухуровневая и трехуровневая), внутри которых помещаются восемь вторичных моделей в соответствии с преобладанием в карьере определенных уровней политической системы [Botella et al. 2010].

В другом исследовании также сделан вывод о большом разнообразии моделей карьеры в многоуровневых государствах. При этом подчеркивалась необходимость еще большего внимания к эмпирическим исследованиям институциональных конфигураций, временной последовательности, в которой институты возникали, а также восприятия и интерпретации институциональных механизмов политиками [Borchert, Stolz 2011]. Появились предложения методического характера. Например, дополнить изучение вертикальных карьерных движений между политическими аренами анализом горизонтальных перемещений внутри политических арен [Dodeigne 2014]. Исследование сделано на материалах Бельгии (419 валлонских политиков), предложены четыре модели карьеры: национальная, региональная, многоуровневая и дискретная. Позднее Додейн провел еще более масштабное исследование 4662 региональных и национальных политических карьер в Бельгии, Канаде, Испании и Великобритании. Он проверял гипотезу влияния слабого и сильного регионализма на характер карьер законодателей в мультиуровневых системах. Его выводы таковы: региональные законодательные элиты проявляют себя более отчетливо в государствах, в которых регионализм сильнее. Это прежде всего Испания и Канада, где региональные институты имеют более долгую историю. Но тенденция, по его мнению, находит подтверждение также в Бельгии и Великобритании. Утверждая, что в многоуровневых системах модели региональной и национальной политической карьеры отражают процессы регионализации и федерализации, влияние регионализма на ориентацию карьер законодателей остается предметом споров из-за несогласий по методическим вопросам [Dodeigne 2018].

Ранее мы говорили об исследованиях политических карьер в старых членах ЕЭС. Однако интерес к проблеме заметен также в европейских странах, ставших членами объединения сравнительно недавно. Так, два чешских исследователя изучили многоуровневые карьеры чешских политиков с 2000 по 2017 г. Они описали типичные карьерные перемещения между политическими уровнями, различая восходящие и нисхо-

дящие пути. Авторы пришли к выводу, что в чешской политической системе преобладает восходящая карьера, она является наиболее распространенным способом прохождения в парламент (анализировались карьеры сенаторов) [Bernard, Šermák 2021].

Предложения по улучшению методики исследования политических карьер в многоуровневых политических системах, в частности изменений карьер под влиянием процессов регионализации, централизации/децентрализации, содержат расширение поля межстрановых сравнений с учетом уровня децентрализации; необходимым считается анализ не только предшествующих траекторий карьер, но и последующих перемещений: откуда приходят и куда уходят политики, а также возможных перемещений между аренами одного уровня и внутри арен. Последнее важно для понимания перемещения элит и возможного разделения элит в разных аренах.

Межрегиональные различия бассейнов рекрутирования и карьерных траекторий региональных политиков обусловлены многими факторами, включая возраст и принадлежность к определенному поколению, место рождения и первичной социализации, социальное происхождение, место получения и тип высшего образования, личные и деловые связи, предшествующий профессиональный опыт.

Территориальная «привязка» карьеры к определенному региону задает значительную часть структуры возможностей, в рамках которой индивид реализует свои планы выстраивания карьеры. Региональные особенности политического процесса, в частности сложившаяся практика формирования корпуса региональных политиков, дизайн выборов и степень их конкурентности, практики функционирования законодательного органа, условия деятельности депутатов и, конечно, местные законодательные нормы и правила, определяют персональный состав региональных политиков (депутатов) и траектории их карьер.

Наша классификация карьерных траекторий в предшествующих исследованиях учитывала опыт изучения политических карьер отечественными и зарубежными специалистами. Она (классификация) опиралась на критерий приверженности элитных персон в своей карьере определенным сферам деятельности. Поэтому обыкновенно выделялись социальные и профессиональные типы карьер. Принимались во внимание характеристики, которые описывали предэлитный этап карьеры (возраст вступления, сфера деятельности), ступени элитных должностей, длительность пребывания на той или иной должности. Такой

подход позволял определить траектории карьер, выяснить бассейны рекрутирования. Данные о месте и типе высшего образования (первом, втором, третьем), профессиональной переподготовке и программах повышения квалификации вкупе с характеристиками отдельных ступеней карьеры позволяли определить уровень профессионализации отдельных элитных персон и корпуса региональных депутатов в целом. Выяснялись так называемые зигзаги карьеры — перемещения по горизонтали без изменения или, наоборот, с изменениями сферы деятельности и региона [Быстрова 2012; 2017; 2021; 2022]. Коллегами сделаны прекрасные работы по исследованию мобильности и эндогенности региональной элиты [Дука 2021], судьбам политиков, депутатов после ухода с должности [Тев 2018; 2023].

Ранее наши собственные исследования не были напрямую нацелены на поиски связи между карьерными траекториями региональных политиков и трансформациями системы властных структур государства в связи с тенденциями централизации/децентрализации. Однако территориальная специфика учитывалась. Поэтому некоторые наши результаты позволяют фиксировать такую связь.

В нашей стране около десяти десятков субъектов РФ. Они весьма разнообразны по социально-экономическим параметрам и особенностям протекания политического процесса. В соответствии с Конституцией РФ является федеративным государством с республиканской формой правления, в государстве существует многоуровневая политическая система. Собственно, в определенной степени РФ наследовала СССР. При этом структуры государственной власти упростились. Нет республиканского уровня. Зато в качестве субъектов федеративных отношений мы имеем области, края и несколько национальных республик, положение которых практически мало отличается от общей картины. Появились округа, объединяющие несколько субъектов РФ, с функцией контроля и повышения эффективности государственного управления на объединенных территориях. Сохранился со многими модификациями местный (локальный) уровень.

Российская Федерация — страна многонациональная, многоконфессиональная, в ее политической жизни наблюдаются различные паттерны политического поведения и типы политической культуры. Не тождественны модели взаимоотношений внутри корпуса региональной элиты — практики взаимодействия исполнительной и законодательной ветвей власти в границах каждого субъекта РФ. Различен уровень автономности региональных институтов власти и региональных лидеров.

По-разному восприняты и имеют разные последствия советские традиции формирования правящего (политического) класса (номенклатуры). В последние три десятка лет существовали различные модели взаимодействия субъектов РФ и федерального центра. Речь идет о большей или меньшей централизации/ децентрализации структур государственной власти и управления. Те или иные изменения вызывались потребностями обеспечения управляемости, как это понималось руководством на уровне федерального центра государственной власти. Усиление роли и влияния региональных лидеров носило кратковременный характер. Оно возросло в 1990-е годы. Но уже в начале 2000-х федеральный центр вернул себе ведущую роль в отношениях с региональными лидерами [Гаман-Голутвина 2014]. Однако специфика регионов, воплотившаяся в существовании различных типов региональных политических режимов, осталась [Панов 2006; Ross, Panov 2019].

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА

Эмпирической базой исследования служит массив биографий региональных политиков, охватывающий 2005–2020 гг. В 2005 г. массив охватывает четыре региона: Санкт-Петербург, Ленинградская, Ростовская и Калининградская области. В 2010 г. добавлены два региона — Костромская область и Хабаровский край. В базах 2014 и 2020 гг. уже десять регионов: Санкт-Петербург, Ленинградская, Ростовская и Калининградская, Костромская области, Хабаровский край, Москва, Новосибирская область, Ставропольский край и Республика Дагестан. Выбор регионов основывался на принципе представительства близких по своим характеристикам групп регионов. Подход к выбору регионов описан в публикации 2008 г. [Быстрова и др. 2008]. Если коротко, то это принцип совмещения случаев наибольшего сходства и наибольшего различия. Количественные параметры базы политиков приведены в таблице 1.

Всего проанализированы биографические данные 1816 региональных политиков: 2005 г. — из четырех, в 2010 г. — шести, в 2014 и 2020 гг. — десяти регионов.

Источниками сведений для составления биографической базы послужили официальные биографии политиков, декларации о доходах и другие материалы, размещенные на сайтах законодательных органов регионов, избирательных комиссий, а также публикации в СМИ (интервью, репортажи и т.д.).

Таблица 1

Количественные параметры биографической базы (N=1816)

Период	Регион	Политики
2005	Санкт-Петербург	23
	Ленинградская область	55
	Ростовская область	67
	Калининградская область	43
	Итого	188
2010	Санкт-Петербург	114
	Ленинградская область	62
	Ростовская область	64
	Калининградская область	46
	Костромская область	42
	Хабаровский край	33
	Итого	361
2014	Санкт-Петербург	63
	Ленинградская область	57
	Ростовская область	67
	Калининградская область	46
	Костромская область	40
	Хабаровский край	35
	Москва	65
	Новосибирская область	83
	Ставропольский край	50
	Республика Дагестан	101
	Итого	607
2020	Санкт-Петербург	65
	Ленинградская область	60
	Ростовская область	76
	Калининградская область	51
	Костромская область	41
	Хабаровский край	47

2020	Москва	73
	Новосибирская область	86
	Ставропольский край	60
	Республика Дагестан	101
	Итого	660
	Всего	1816

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА КАРЬЕР РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИКОВ

В ходе анализа сравнение проводилось по ряду показателей, характеризующих траектории карьер и бассейны рекрутирования региональных политиков.

Предэлитная ступень карьеры

Возраст вступления в предэлитную должность (поколения). Базы 2005 и 2010 гг. не содержат сведений по данному вопросу. Поэтому анализ проведен только по базам данных 2014 и 2020 гг.

База 2014 г. Проанализированы данные 323 политиков из десяти регионов. Большая часть политиков вступили в предэлитную должность в молодом возрасте (до 40 лет). Лидером является Ростовская область. Здесь 100 % политиков, по которым есть сведения, заняли предэлитную должность в молодом возрасте. В четырех регионах величина показателя около 50 %: в Ленинградской области — 51 %, Хабаровском крае и Республике Дагестан — 50 %, в Санкт-Петербурге — 43 %. В остальных пяти регионах показатель существенно выше: в Костромской области — 79 %, Калининградской области — 75 %, Новосибирской области — 67 %, в Москве — 66 % и в Ставропольском крае — 65 %. Лишь немногие и только в трех регионах попали на предэлитную должность в пенсионном возрасте (более 61 года): в Санкт-Петербурге — 8 %, Калининградской области — 4 % и Новосибирской области — 3 %. Средний возраст представлен меньшими по величине показателями. Только в Республике Дагестан и Хабаровском крае он равен 50 %, в Санкт-Петербурге и в Ленинградской области — 49 %. В остальных регионах значительно меньше: в Ставропольском крае — 35 %, в Москве — 34 %, в Новосибирской области — 30 %, Калининградской и Костромской областях — 21 %.

База 2020 г. Проанализированы данные 521 политика из десяти регионов. Как и в 2014 г., более половины политиков вступили в предэлитную должность в молодом возрасте (до 40 лет). Только в Хабаровском крае таких политиков 44 % и в Ленинградской области — 50 %. В остальных регионах более 50 %: в Санкт-Петербурге — 55 %, в Москве — 58 %, Новосибирской области — 61 %, Ставропольском крае — 63 %, в Ростовской и Калининградской областях — 65 %, в Костромской области и Республике Дагестан — 68 %. По сравнению с 2014 г. в восьми регионах из десяти доля политиков, вступивших в предэлитную должность в молодом возрасте, снизилась и только в двух возросла — в Санкт-Петербурге и Республике Дагестан. Представленность политиков, вступивших в предэлитную должность в старшем. возрасте существенно не изменилась. Наконец, возросла наполненность категории политиков, вступивших в предэлитную должность в среднем возрасте (41–60 лет). При этом показатель в Санкт-Петербурге и Республике Дагестан ожидаемо снизился. Теперь он равен 44 и 32 % соответственно. В других регионах он не превысил 50 %, кроме Хабаровского края — 51 %. В Ленинградской области — 50 %, Москве — 38 %, Ставропольском крае — 37 %, Калининградской и Новосибирской областях — 35 %, в Костромской и Ростовской областях — 32 %. Можно сделать следующий вывод: в 2020 г. по сравнению с 2014 г. политики вступали на предэлитную ступень карьеры в более позднем возрасте. Причем более заметно это изменение в Костромской, Калининградской и Ростовской областях.

Предэлитная активность. Пригодные для анализа данные по анализируемой переменной охватывают период 2014–2020 гг.

База 2014 г. Проанализированы данные 612 политиков из десяти регионов. Предэлитная активность рассмотрена по трем укрупненным позициям: политико-административная, хозяйственно-экономическая, силовая активность. Все, что не укладывается в эти три позиции, отправлено в «прочее».

Предэлитная активность исследуется как один из показателей, характеризующий бассейн рекрутирования региональных политиков. Понятно, что элитная карьера политика может начаться не с политической активности, а, например, в экономической сфере — как руководитель бизнес-структуры.

Политико-административная активность — важная сфера деятельности политиков в предэлитный период. Наибольшее значение в этом

смысле она имела в 2014 г. в Санкт-Петербурге — 43 %, Москве — 36 % и Ленинградской области — 31 %. Немного менее важное значение она имела в Калининградской области и Республике Дагестан — 29 %, Новосибирской области — 27 % и Костромской области — 25 %. В остальных трех регионах — Ростовской области, Хабаровском крае и Ставропольском крае — 23 %. Хозяйственно-экономическая активность демонстрирует большую важность. Здесь наблюдаются значения переменной 50 % и более: Республика Дагестан — 50 %, Ставропольский край — 51 %, Костромская область — 53 %, Новосибирская область — 58 %. В остальных регионах значения переменной ниже и значительно ниже 50 %: Ленинградская область — 49 %, Калининградская область — 47 %, Хабаровский край — 40 %, Ростовская область — 30 %. Наконец, Москва и Санкт-Петербург — 26 и 24 % соответственно. Показатель для Санкт-Петербурга — минимальный в этой категории. Силовая активность не имеет существенного значения, если ориентироваться на величину переменной: максимальное значение в Республике Дагестан — 17 %, минимальное в Санкт-Петербурге — 2 %. Только еще в одном регионе — Ставропольском крае — значение больше десяти процентов — 11 % и еще в одном — Ростовской области — равен 10 %. В остальных регионах в пределах 5–7 %: Калининградской и Новосибирской областях — 5 %, в Ленинградской области и Хабаровском крае — 6 %, в Москве — 7 %. Прочие сферы активности дали показатели около 30 % в четырех регионах. В остальных гораздо меньше.

База 2020 г. Проанализированы данные 612 политиков из десяти регионов. Роль политико-административной сферы мало изменилась по сравнению с 2014 г. Рост ее значения отмечается в шести из десяти регионов. Однако он очень небольшой. Максимальное значение отмечается в Санкт-Петербурге — 53 %, Москве — 41 %, Ленинградской области — 36 %. Минимальные значения в Костромской области — 10 %. В остальных регионах от 27 до 19 %: в Республике Дагестан — 27 %, в Ростовской области, Хабаровском крае и Ставропольском крае — 25 %, в Калининградской области — 23 % и в Новосибирской области — 19 %. Хозяйственно-экономическая активность продолжает быть основной сферой предэлитной деятельности, ее значение даже выросло в девяти регионах из 10; уменьшилось только в одном регионе: в Ленинградской области снизилось по сравнению с 2014 г. до 37 %. Максимальные значения переменной в Костромской области — 73 %, в Новосибирской области — 69 % и Хабаровском крае — 60 %. В других регионах оно

менее 60 %: в Ставропольском крае — 59 %, в Ростовской области — 57 %, в Калининградской области — 53 %, в Республике Дагестан — 52 %. С большим отрывом следуют Москва — 37 % и Санкт-Петербург — 27 %. Значения переменной небольшие по сравнению с другими регионами, но они выше, чем в 2014 г. Силовая активность не имеет существенного значения: в Республике Дагестан — 10 %, Калининградской области — 8 %, Ленинградской области — 5 %, в других еще меньше, а в Костромской области вообще не представлена. Опция «прочее» уменьшилась по сравнению с 2014 г. (кроме Ленинградской области). Но все-таки в некоторых регионах достигает почти 20 %.

Продолжительность времени занятия предэлитной позиции.

Наиболее полные данные есть только по 2014 г. По остальным годам данные носят отрывочный характер, и никакие выводы по ним сделать невозможно. Проанализированы сведения о 317 политиках из десяти регионов. Меньше всего времени на предэлитной должности работали политики Санкт-Петербурга: 69 % тех, по которым есть соответствующая информация, провели на этой должности два года и менее. Более всего времени на предэлитной должности (10 лет и более) провели политики Хабаровского края (44 %), Ставропольского края (40 %) и Костромской области (35 %). Укрупнение периодов до трех опций (продолжительность времени занятия предэлитной позиции «до 5 лет», «6–9 лет» и «10 лет и более») делает сдвиг в некоторых регионах показателя продолжительности времени занятия предэлитной позиции в сторону более короткого срока более очевидным: среди десяти регионов выделяются Санкт-Петербург (срок до 5 лет — 91 %), Москва (срок до 5 лет — 64 %) и Калининградская область (срок до 5 лет — 61 %). Более краткое пребывание на предэлитной позиции говорит о быстром продвижении к первой элитной позиции, что, следовательно, делает карьеры политиков немного более быстрыми.

Бассейн рекрутирования и элитные позиции

Предшествующая работа. Переменная «предшествующая работа» также помогает исследовать бассейн рекрутирования политиков в аспекте вида активности: политико-административная, хозяйственно-экономическая, силовая и прочая, в которую попадают все виды деятельности, не вошедшие в три названные категории. Кроме того, дополнительно рассмотрена предшествующая работа по следующим позициям: депутат, администратор, политический активист, хозяйственник-бизнесмен,

юрист, специалист, работник культуры, науки и образования, силовик, медик, рабочий-колхозник, учащийся.

База 2005 г. Проанализированы данные 216 политиков из четырех регионов. Показатель политико-административной активности имел наибольшее значение в Санкт-Петербурге (88 %), Калининградской и Ленинградской областях (79 и 78 % соответственно). В Ростовской области относительно большее значение имела хозяйственно-экономическая сфера (51 %). В Ленинградской и Калининградской областях — значительно меньшее (16 %) и очень небольшое — в Санкт-Петербурге (5 %). Так называемая силовая активность практически не представлена.

Вторая классификация позволяет показать, что депутатство в трех регионах является основной предшествующей работой: в Санкт-Петербурге (77 %), Ленинградской области (69 %) и в Калининградской области (47 %). В Ростовской области на первом месте позиция «хозяйственник-бизнесмен» (51 %). Вариации по другим позициям небольшие. Из знаменательных фактов отметим, что в Калининградской области максимальный удельный вес бывших политических активистов — 16 %.

База 2010 г. Проанализированы данные 281 политика из шести регионов. Основной бассейн рекрутирования по переменной «предшествующая работа» — политико-административная активность. Наибольшее значение эта сфера имеет для рекрутирования региональных политиков в Калининградской области (77 %), Санкт-Петербурге (74 %), Хабаровском крае (67 %). В остальных трех регионах значение этой сферы гораздо меньше: в Ростовской области (49 %), Костромской (39 %) и Ленинградской области (38 %). Хозяйственно-экономическая сфера как бассейн рекрутирования политиков имеет наибольшее значение в Костромской (54 %), Ленинградской (48 %) и Ростовской (38 %) областях. Наименьшее значение — в Санкт-Петербурге (6 %). Сфера силовой активности наибольшее значение имеет в Санкт-Петербурге (10 %) и в Ростовской области (8 %). В этих двух регионах доля силовой сферы увеличилась по сравнению с 2005 г. В остальных четырех регионах доля силовой сферы совсем небольшая: в Костромской области — 5 %, Ленинградской области — 4 %, Хабаровском крае — 3 % и в Калининградской области — ноль.

Вторая классификация позволила выяснить, что депутатство осталось на первом месте среди предшествующих позиций в Санкт-Петербурге (60 %), правда несколько снизилась величина показателя по сравнению с 2005 г. Немного вырос показатель в Калининградской

области — до 50 %. Наибольшая величина зафиксирована в Хабаровском крае — 64 %. Этот регион не анализировался в 2005 г. Хозяйственниками-бизнесменами были в прошлом 54 % костромских депутатов и 48 % депутатов Ленинградской области. В 2010 г. Калининградская область также лидирует по удельному весу депутатов, которые были политическими активистами. Возросла доля бывших силовиков. Например, в Санкт-Петербурге она увеличилась с 1 до 10 %, а в Ростовской области — с 3 до 8 %.

База 2014 г. Проанализированы данные 520 политиков из десяти регионов. Самая важная для рекрутирования региональных политиков — политико-административная сфера. Во всех регионах, кроме одного — Ростовской области (48 %), она существенно превышает 50 %. Лидерами являются Санкт-Петербурге (90 %), Республика Дагестан (88 %), Москва (86 %). Меньше доля этой сферы в Костромской — 72 %, Новосибирской — 69 %, Ленинградской области — 66 %, Ставропольском — 65 % и Хабаровском крае — 63 %, в Калининградской области — 61 %. Роль силовой активности невелика: доля достигает 8 % только в Хабаровском крае, в то же время в Ростовской и Новосибирской областях, а также в Ставропольском крае — всего 2 %. В других регионах не представлена вовсе.

Вторая классификация показывает, что Санкт-Петербург по-прежнему лидирует по роли депутатства как предшествующей работы (позиции) — 75 %. Высоко значение показателя в Республике Дагестан — 73 %. Немного отстают Новосибирская и Костромская области — 63 и 62 % соответственно. В Москве — 57 % и в Ленинградской области — 52 %. На втором месте во всех регионах позиция «хозяйственник-бизнесмен», кроме Ростовской области — 38 %. Хотя разница между опциями «депутат» и «хозяйственник-бизнесмен» в данном регионе совсем небольшая. Бывшие силовики замечены только в трех регионах и их совсем мало — 1–2 %. Бывшие политические активисты в небольшом количестве есть почти во всех регионах, но больше всего в Москве — 15 %.

База 2020 г. Проанализированы данные 603 политиков из десяти регионов. Как и в 2014 г., политико-административная активность в качестве бассейна рекрутирования региональных политиков держалась на высоком уровне, хотя величина показателя несколько снизилась. Но теперь ни в одном из наших десяти регионов доля не была ниже 50 %. На первых двух местах располагаются Ленинградская область и Санкт-

Петербург, образующие, по сути, один большой регион: 79 и 78 % соответственно. Далее Москва (73 %), немного ниже показатели в Хабаровском крае (66 %), в Новосибирской области (65 %) и Ставропольском крае (63 %). Еще ниже показатель в Ростовской и Калининградской областях (57 %), в Костромской области (55 %) и Республике Дагестан (54 %). Уменьшился разброс значений доли сферы хозяйственно-экономической активности по сравнению с данными 2014 г. В лидерах по роли сферы хозяйственно-экономической активности как бассейна рекрутирования региональных политиков по-прежнему Ростовская область (40 %). Далее Костромская и Калининградская области (38 и 37 % соответственно), Новосибирская область (35 %), Ставропольский край (34 %) и Республика Дагестан (32 %). В остальных четырех регионах величина доли еще меньше: в Хабаровском крае — 26 %, в Москве — 22 %, в Ленинградской области — 19 % и Санкт-Петербурге — 11 %. Уменьшилась доля силовой активности.

Анализ предшествующей работы по занимаемым в прошлом позициям показал снижение роли депутатства в Санкт-Петербурге — до 49 %, Калининградской и Костромской областях — до 41 и 45 %, Новосибирской области — до 60 % и в Республике Дагестан — до 31 %. В остальных регионах отмечается небольшое увеличение. Так что лидерами оказались Москва и Новосибирская область (по 60 %) и Ставропольский край (54 %). Зато несколько возросло значение позиции «хозяйственник-бизнесмен». По этой позиции картина тоже пестрая. В Республике Дагестан наблюдается максимальный рост — с 12 до 32 %. Больше всего бывших политических активистов в Санкт-Петербурге — 17 %. По-прежнему невелик удельный вес бывших силовиков.

Предпредшествующая работа. Переменная «предпредшествующая работа», как и переменная «предшествующая работа», помогает исследовать бассейн рекрутирования политиков в аспекте вида активности: политико-административная, хозяйственно-экономическая, силовая и прочая, в которую попадают все виды деятельности, не вошедшие в три ранее названные категории. Также дополнительно рассмотрена предпредшествующая работа по позициям депутат, администратор, политический активист, хозяйственник-бизнесмен, юрист, специалист, работник культуры, науки и образования, силовик, медик, рабочий-колхозник, учащийся. В анализ по позициям не вошел 2020 г., поскольку имеющиеся сведения не позволяют сделать обоснованные выводы.

База 2005 г. Проанализированы данные 229 политиков из четырех регионов. Данные подтверждают, что политико-административная сфера деятельности является и по этой переменной основным бассейном рекрутирования региональных политиков в Санкт-Петербурге и Калининградской области (65 и 64 % соответственно). В Ленинградской и Ростовской областях она уступает хозяйственно-экономической активности: 36 и 35 % против 38 и 56 % соответственно. Ростовская область — лидер по роли хозяйственно-экономической сферы в качестве бассейна рекрутирования региональной политической элиты (56 %). В остальных трех регионах доля хозяйственно-экономической сферы меньше. Так, в Ленинградской области она равна 19 %, в Калининградской области — 29 % и в Санкт-Петербурге — 18 %.

Анализ предпредшествующей работы по позициям показал лидирующие позиции депутатства в двух регионах: в Калининградской области (52 %) и в Санкт-Петербурге (45 %). Позиция «хозяйственник-бизнесмен» фиксируется на первом месте в Ростовской области (56 %) и в Ленинградской области (38 %). Доля бывших силовиков очень невелика — в диапазоне от 3 до 7 %.

База 2010 г. Проанализированы данные 291 представителя региональной политической элиты из шести регионов. В четырех регионах, по которым можно провести сравнение, роль политико-административной активности как бассейна рекрутирования региональных политиков возросла только в Санкт-Петербурге (79 % вместо 65 % в 2005 г.). Два новых региона в базе — Хабаровский край и Костромская область — демонстрируют величину данного показателя на уровне менее 50 %: 46 и 29 % соответственно. Хозяйственно-экономическая активность преобладает в Костромской, Ростовской, а также в Ленинградской области: 59, 50 и 49 % соответственно. Как видим, в этих трех регионах хозяйственно-экономическая сфера более значима, чем политико-административная. Роль предпредшествующей работы в силовой сфере невелика. Доля политиков, чья предпредшествующая работа проходила в силовых ведомствах, составили 12 % в Костромской области, 8 % в Ростовской области, 7 % в Калининградской области, 6 % в Хабаровском крае и 2 % в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

Анализ предпредшествующих позиций показал, что в 2010 г. сохраняется лидерство Санкт-Петербурга и Калининградской области по роли депутатства. Удельный вес предпредшествующего депутатства соответственно 55 и 48 %. К двум лидерам по позиции «хозяйственник-

бизнесмен», Ростовской и Ленинградской областям (по 49 %), добавилась Костромская область — 59 %. Здесь же в Костромской области наибольшее значение позиции «силовик» — 12 %. В остальных регионах: от 2 % в Санкт-Петербурге и Ленинградской области до 8 % в Костромской области.

База 2014 г. Проанализированы данные 479 представителей региональной политической элиты из десяти регионов. Политико-административная сфера является важным местом предпредшествующей работы региональных политиков. Так, в Республике Дагестан 80 % политиков были заняты в политико-административной сфере, в Москве — 76 % и в Санкт-Петербурге — 68 %. Еще в одном регионе — Хабаровском крае — доля политиков, занятых в прошлом на предпредшествующей работе в политико-административной сфере, больше половины — 52 %. В остальных регионах доля таких политиков — меньше 50 %: в Ставропольском крае — 45 %, Калининградской области — 44 %, в Ростовской области — 39 %, в Новосибирской и Костромской областях — 37 %, в Ленинградской области — 36 %. Хозяйственно-экономическая сфера имеет меньшее значение, чем политико-административная сфера. В трех регионах ее доля как предпредшествующая работа превышает 50 %: в Новосибирской области — 53 %, Ленинградской и Калининградской области — 51 %. Немного меньше величина показателя в Костромской области, Ставропольском крае и Ростовской области: 49, 47 и 45 % соответственно. Еще меньше в Хабаровском крае — 35 %, Москве — 18 %, Республике Дагестан — 15 % и Санкт-Петербурге — 13 %. Роль силовой сферы очень невелика. Как предпредшествующая работа — это 6 % в Ставропольском крае, 5 % — в Республике Дагестан, 4 % — в Новосибирской области, 3 % — в Санкт-Петербурге. В Калининградской, Костромской областях и Хабаровском крае ни один политик не имел работу силовика в качестве предпредшествующей.

Сохраняется значение депутатства как предпредшествующей позиции. Среди десяти регионов в трех наблюдается довольно высокий удельный вес политиков с депутатством в качестве предпредшествующей позиции. Это Санкт-Петербург (47 %), Москва (57 %) и Республика Дагестан (65 %). В некоторых регионах довольно высок удельный вес позиции «хозяйственник-бизнесмен»: в Новосибирской области — 52 %, Калининградской и Ленинградской областях (51 %), Костромской области (49 %), Ставропольском крае (47 %) и Ростовской области (45 %). Бывшие политические активисты присутствуют в небольшом количе-

стве во всех регионах, кроме Хабаровского края. Их доля невелика и только в Санкт-Петербурге и в Калининградской области составляет 12 %. Это максимальное значение.

База 2020 г. Проанализированы данные 583 представителей региональной политической элиты из десяти регионов. Данные демонстрируют общее снижение доли политико-административной активности в восьми регионах по сравнению с данными 2014 г. Теперь величина показателя варьирует от 64 % в Москве до 32 % в Ростовской области. В двух регионах отмечен рост: в Новосибирской области (45 % против 37 % в 2014 г.) и в Ленинградской области (51 % против 36 % в 2014 г.). В то же время в четырех регионах возросла доля занимавшихся хозяйственно-экономической активностью. В Ростовской области, Хабаровском крае, Республике Дагестан и Санкт-Петербурге она составила 52, 44, 27 и 21 % против 45, 35, 15 и 13 % в 2014 г. Слегка подросла роль силовой активности. В 2020 г. величина показателя в диапазоне от 3 до 7 % вместо 2–6 % в 2014 г.

Возраст вступления в нынешнюю должность. Анализ данной переменной помогает понять траекторию и скорость продвижения по карьерной лестнице региональных политиков. Проанализированы данные за 2005–2020 гг.

База 2005 г. Исследованы данные 239 политиков из четырех регионов. Во всех регионах наибольшая доля политиков вступили в нынешнюю должность (на момент сбора материала, т.е. в 2005 г.) в среднем возрасте (41–60 лет): в Ленинградской области — 76 %, Калининградской области — 72 %, Ростовской области — 70 %, Санкт-Петербурге 63 %. В старшем возрасте совсем немного — от 9 % в Калининградской области до 13 % в Ленинградской области. В молодом возрасте (до 40 лет) заняли нынешнюю должность 27 % политиков Санкт-Петербурга, 19 % — Калининградской области, 18 % — Ростовской области и 11 % политиков Ленинградской области. В этой категории региональные различия располагаются в большем диапазоне, нежели в двух других категориях (среднем и старшем возрасте).

База 2010 г. Проанализированы данные 309 представителей региональной политической элиты из шести регионов. Обнаружено, что политики всех этих регионов вступали в нынешнюю должность в основном в среднем возрасте (41–60 лет). Лидерами по данному показателю оказались Хабаровский край — 82 %, Калининградская (74 %) и Ленинградская области (71 %). Далее идет с небольшим отрывом

Ростовская (63 %) и Костромская (62 %) области и Санкт-Петербург (58 %). Как видим, разброс значений показателя небольшой. По сравнению с данными 2005 г. (принимая во внимание только те четыре региона, по которым возможно сравнение) произошло снижение показателей в средней возрастной категории в Санкт-Петербурге, Ленинградской и Ростовской областях, в Калининградской области, напротив, небольшое увеличение. Доля политиков, вступивших в нынешнюю должность в молодом возрасте, возросла в Ленинградской области до 18 %. В остальных трех регионах снизилась до 23 % в Санкт-Петербурге, до 17 % в Ростовской и Калининградской областях. В двух новых регионах зафиксирован максимальный и минимальный показатель: 31 % политиков в Костромской области и 3 % в Хабаровском крае вступили в нынешнюю должность в молодом возрасте.

База 2014 г. Проанализированы данные 603 представителей региональной политической элиты из десяти регионов. Как и в 2005 и 2010 гг., основная часть политиков регионов вступили в нынешнюю должность в среднем возрасте. Только в одном из анализируемых регионов таких политиков было меньше половины. Речь идет о Ставропольском крае (45 %). В остальных девяти регионах величина показателя выше 50 %, иногда существенно. Диапазон величин — от 73 % в Республике Дагестан до 55 % в Костромской области. В Ленинградской и Калининградской областях — 71 %, в Хабаровском крае и Новосибирской области — 66 %, в Ростовской области 64 % и в Москве -60 %. Самая большая доля политиков, вступивших в нынешнюю должность в молодом возрасте, обнаружена в Ставропольском крае и в Костромской области: 33 и 32 % соответственно. В Костромской области сохранился высокий уровень данного показателя. В Хабаровском крае категория не представлена. Низкие показатели выявлены в Санкт-Петербурге (11 % — сократился более, чем в два раза по сравнению с 2010 г.). В Республике Дагестан показатель равен 13 %, в Ленинградской и Ростовской областях — 14 и 15 %. В Ленинградской и Ростовской областях эта доля слегка сократилась. В остальных регионах показатель составляет величину около 20 %. Политики, вступившие в нынешнюю должность в старшем возрасте, составляют 34 % в Хабаровском крае. Это максимальное значение. Напомню, что в данном регионе в 2014 г. не было ни одного политика, вступившего в нынешнюю должность в молодом возрасте, а в 2010 таких политиков было 3 %. Несколько меньше показатель в Санкт-Петербурге — 29 %. Колебания показателя в категории старшего воз-

раста значительны: от 34 % в Хабаровском крае до 9 % в Калининградской области. Небольшие значения отмечены в Новосибирской области — 12 %, Костромской области — 13 %, Республике Дагестан — 14 % и Ленинградской области — 15 %. В остальных регионах показатель колеблется около 20 %: вступили в нынешнюю должность в старшем возрасте 20 % московских политиков, 21 % дагестанских и 22 % ставропольских политиков. По сравнению с 2010 г. доля таких политиков возросла в пяти из шести регионов, по которым возможно сравнение, и только в Калининградской области не изменилась, оставшись на довольно низком уровне — 9 %.

База 2020 г. Проанализированы данные 659 представителей региональной политической элиты из десяти регионов. Политики, как и в прошлые годы, занимали нынешние должности преимущественно в среднем возрасте (от 41 до 60 лет). Важно отметить, что в 2020 г. нет большого разброса величин показателя различных регионов: он находится в диапазоне от 68 % в Костромской области до 54 % в Санкт-Петербурге. Но, как и в прошлые годы, по всем регионам он выше 50 %: в Калининградской области 67 %, Хабаровском крае 66 %, Ленинградской области 65 %, Ростовской области и Ставропольском крае по 64 %, Республике Дагестан 63 %, в Москве и Новосибирской области по 62 %. В 2020 г. доли вступивших в нынешнюю должность в молодом возрасте также изменяются в меньшем диапазоне, чем ранее: от 25 % в Костромской области до 11 % в Москве. Напомню, что в 2014 г. отмечались колебания от нуля до 33 %. В Хабаровском крае вместо нуля в 2014 г. зафиксировано 15 %. В Ростовской области и Республике Дагестан показатель равен 20 %, в Санкт-Петербурге 21 %, Ленинградской и Калининградской областях и Ставропольском крае 17 %, Хабаровском крае и Новосибирской области по 15 %, в Москве 11 %. Самая большая доля политиков, вступивших в нынешнюю должность в старшем возрасте, отмечена в Москве — 27 %, Санкт-Петербурге — 25 % и Новосибирской области — 23 %. Самая маленькая доля в Костромской области — 7 %. В этом регионе, кстати, наибольшая доля вступивших в нынешнюю должность в молодом возрасте — 25 %. Категория вступивших в нынешнюю должность в старшем возрасте составляет 19 % в Ставропольском и Хабаровском краях, 18 % в Ленинградской области, 17 % в Республике Дагестан, наконец, по 16 % в Ростовской и Калининградской областях.

Номенклатурный опыт. В исследованиях 1990–2010 гг. в биографиях и карьерах представителей региональных элит номенклатурный опыт встречался довольно часто. По мнению многих исследователей, это объясняется генезисом постсоветских элит. В 2012 г. среди чиновников регионов около трети имели такой опыт. Среди политиков бывших «номенклатурщиков» было в два раза меньше. Практически все они относились к поколениям оттепели, застоя и перестройки [Быстрова 2022: 135–136]. В дальнейшем их число уменьшалось по естественным причинам. В базах 2014 и 2020 гг. число политиков, имеющих номенклатурный опыт советских времен, невелико: в 2014 г. 82 человека и в 2020 г. еще меньше — 77. Напомню, что это количество распределяется по десяти регионам РФ. Поэтому и в каждой изучаемой позиции бывших номенклатурных работников считанные единицы. И в 2014 г., и в 2020 г. основная часть депутатов, имеющих номенклатурный опыт, работали на районном и отраслевом уровне. Номенклатурный опыт на уровне предприятия был у значительно меньшего числа политиков.

Служба в силовых ведомствах. В отдельные периоды истории нашего государства бывшие силовики в региональной политической элите РФ (а ранее в советском депутатском корпусе) были представлены по-разному. Население страны служило в армии (срочная служба, участие в боевых действиях), и в биографиях представителей региональных политиков военная служба присутствовала нередко. Кроме того, к силовым ведомствам в исследовании биографий и карьер относят службу в правоохранительных органах, службе разведки и безопасности, которые в разные периоды назывались по-разному. Сроки службы бывают различной продолжительности по многим причинам как личного характера, так и не зависящим от индивида обстоятельствам. Поэтому в наших базах представлена довольно пестрая картина. Так, в базе 2020 г. обнаруживаем, что сведения о службе в силовых ведомствах есть по 127 персонам из 660 политиков десяти регионов. При этом среди них единицы служили более 20 лет — всего по девяти регионам (кроме Республики Дагестан) 47 человек, в том числе 16 человек — свыше 20 лет. Максимальный срок службы равен 36 годам (один человек в Ленинградской области). Как правило, те, кто попадает в категорию срока службы до пяти лет, — это так называемые «срочники» либо уволившиеся по разным причинам. Большая доля опции «до 5 лет» зафиксирована во всех четырех годах наблюдения (2005–2020 гг.). Однако распространенность краткосрочной службы присуща

не всем регионам и не во все годы наблюдения. В ряде регионов в отдельные годы эта опция не представлена совсем: в 2014 г. в Ленинградской, Новосибирской и Костромской областях, Москве, Хабаровском и Ставропольском краях; в 2020 г. Новосибирской области и Ставропольском крае. В нескольких регионах в отдельные годы опция «служба до 5 лет» представлена небольшим по величине показателем: в 2014 г. Санкт-Петербург — 10 %, в 2020 г. Москва — 14 % и Санкт-Петербург — 17 %. В остальных регионах большой разброс в величине показателя. Например, в 2005 г. в двух рассматриваемых регионах, Ростовской и Калининградской областях показатель значительно превышал 50 % в обоих регионах он был равен 79 %. В Санкт-Петербурге немного превышал 50 % и составлял 55 %, а в Ленинградской области был существенно ниже — 33 % (в абсолютном значении всего лишь два человека). В 2010 г. в единственном регионе из шести рассматриваемых значение показателя было меньше 50 % — в Ленинградской области — 40 %. В пяти остальных он был существенно больше: в Ростовской области — 82 %, Калининградской области — 78 %, в Костромской области — 74 %, Санкт-Петербурге — 70 % и в Хабаровском крае — 60 %. Соответственно в тех регионах, где опция «срок службы 5 лет и меньше» имеет большое значение показателя, на долю остальных приходится гораздо меньше региональных политиков. И наоборот. Так, в Новосибирской области в 2020 г. на долю опции «служба 6–9 лет» приходилось 20 %, «10 лет и более» — 80 % (в абсолютных цифрах это один и четыре человека). Напомню, как сказано выше, в этом году в регионе опция более краткосрочной службы представлена не была. В Москве в том же 2020 г. эти две опции показали по 43 % (в абсолютных цифрах это три и три человека). Знаменательно, что все 68 региональных политика, у которых есть за плечами силовой опыт и о которых есть сведения о наличии воинских/военнослужащих званий, за исключением двух человек, имеют офицерские чины. Из них только восемь человек — это младшие офицеры (от младшего лейтенанта до капитана), семь человек — высшие офицеры (от генерал-майора и выше), остальные старшие офицеры (от майора до полковника). При анализе роли силовой сферы как бассейна рекрутирования региональных политиков и траекторий их карьер имеет определенный смысл учитывать так называемую силовую социализационную дистанцию, т.е. время, потребовавшееся для «гражданской ресоциализации после окончания службы и до занятия элитной позиции» [Дука 2012: 120]. По нашим данным, она занимает от 6 до 37 лет.

Предположительно, это достаточный период для преодоления последствий возможных травмирующих обстоятельств службы в силовой сфере, в том числе известную профессиональную деформацию. Четкой привязки продолжительности процесса ресоциализации после службы в силовых ведомствах к региону обнаружить не удалось. Непосредственно после службы региональными политиками становятся редко. Можно утверждать, учитывая данные о предэлитной, предшествующей и предприслужившей работе, что силовые ведомства не являются значимым бассейном рекрутирования региональных политиков исследуемых регионов.

Некоторое время назад предметом довольно широкой дискуссии было широкое участие бывших силовиков в политической деятельности, их роли в формировании и функционировании различных элитных групп. Основываясь на некоторых представлениях об особенностях деятельности в силовой сфере и ее влиянии на работников-«силовиков», опасности привнесения в сферу управления общественными процессами привычки решать сложные вопросы простыми методами, исследователи делали выводы о возможных негативных последствиях милитократии — власти военных. Дискуссия, начавшаяся с нескольких публикаций известного российского исследователя элит О. Крыштановской [Крыштановская 2002; 2003; 2005], довольно хорошо проанализирована в уже цитировавшейся статье А. Дуки [Дука 2012]. Кроме того, им были проанализированы данные о рекрутировании и составе элитного корпуса нескольких российских регионов. Исследователь сделал вывод о том, что «существенных свидетельств о наличии или складывающейся милитократии в регионах нет» и зафиксировал «достаточное разнообразие во времени пополнения региональной элиты силовиками» [Дука 2012: 120]. Со времени написания цитируемой работы прошло больше десяти лет. Наши данные, как видно из сказанного ранее, подтверждают сделанные тогда выводы нашего коллеги.

Номер данной элитной позиции в биографии (в который раз субъект получает нынешнюю должность). Преобладание новичков или старожилов в составе региональных политиков помогает понять, что мы наблюдаем — обновление или, наоборот, окостенение элитного корпуса. В 2005 и 2010 гг. сведений практически нет.

База 2014 г. Проанализированы данные по 494 депутатам из десяти регионов. Новички в данной должности, т.е. те, кто в первый раз в биографии занимает данную должность, составляют довольно большую

группу в депутатском корпусе. Новичков на должности больше всего в политической элите Ставропольского края — 61 %, Калининградской области — 60 %, в Санкт-Петербурге и Ленинградской области — 52 % и 50 % соответственно. В остальных регионах — менее 50 %. Наименьший удельный вес данной группы зафиксирован в Республике Дагестан — 26 %. В оставшихся пяти регионах величина доли колеблется от 39 до 49 %: в Москве — 39 %, в Новосибирской области — 40 %, в Хабаровском крае и Костромской области — 46 %, в Ростовской области — 49 %.

Во второй раз занимают нынешнюю должность 37 % политиков Ленинградской области, 36 % — Новосибирской области, 35 % — Костромской области, 32 % — Ростовской области, 31 % — Хабаровского края и Республики Дагестан, 30 % — Ставропольского края. Наконец, политиков данной группы 24 % в Калининградской области, 23 % в Санкт-Петербурге и 18 % в Москве. Политики, пребывающие на данной должности в 4-й и более раз весьма немногочисленны. Их удельный вес не превышает 26 % (Республика Дагестан). Близко к Республике Дагестан значение этой группы в Москве — 21 %. Наименьшее значение группы в Ставропольском крае — 4 %, Ленинградской области — 7 % и Ростовской и Калининградской областях — 9 %. В оставшихся трех регионах: Санкт-Петербурге — 16 %, Костромской и Новосибирской областях и Хабаровском крае по 14 %.

База 2020 г. Проанализированы данные по 589 политикам из десяти регионов. Новичков в данной нынешней элитной позиции относительно больше, чем тех, кто занимает данную элитную позицию во второй, третий, четвертый и т.д. раз. В девяти регионах из десяти удельный вес новичков увеличился, иногда заметно. Только в Ставропольском крае доля новичков уменьшилась с 61 до 48 %, но все же осталась довольно существенно, выше, чем других групп. Наибольшую величину показатель имеет в Хабаровском крае — 66 % и здесь же он показывает самый большой рост — в 2014 г. составил 46 %. Большое значение показателя отмечено в Калининградской области — 62 % против 60 % в 2014 г.; в Санкт-Петербурге — 61 % против 52 % в 2014 г.; в Ростовской области 60 % против 49 % в 2014 г.; в Костромской области — 59 % против 46 % в 2014 г. Далее с небольшим отрывом идут Ленинградская область — 52 % против 50 % в 2014 г.; Москва и Республика Дагестан — 44 % (против 39 и 26 % в 2014 г. соответственно) и Новосибирская область — 42 % (40 % в 2014 г.).

Удельные веса группы политиков, которые оказались на данной элитной позиции во второй раз, в двух регионах — Санкт-Петербурге и Ставропольском крае — выросли: с 23 % в 2014 г. до 25 % в 2020 г. в Санкт-Петербурге и с 30 до 35 % соответственно в Ставропольском крае. Рост, однако, незначителен. В остальных восьми регионах удельный вес данной группы уменьшился: с 31 до 23 % — в Хабаровском крае, с 32 до 24 % в Ростовской области, с 36 до 20 % — в Новосибирской области, с 35 до 19 % — в Костромской области, с 37 до 18 % — в Ленинградской области, с 24 до 16 % — в Калининградской области, с 18 до 15 % — Москве и с 31 до 14 % — в Республике Дагестан. Насколько уменьшилась доля — величина изменяется от региона к региону. Наконец, еще две группы политиков — те, кто в третий, четвертый и более раз оказались на данной элитной позиции, невелики и также демонстрируют некоторые изменения в величине показателя — рост или снижение, очень редко (один случай) величина показателя остается неизменной. Максимальная доля старожилов в Москве — 28 % и в Республике Дагестан — 25 %, в Новосибирской области — 21 %, минимальная доля — в Ставропольском крае — 2 %. При этом в Москве и Новосибирской области показатель вырос, а в Республике Дагестан уменьшился по сравнению с 2014 г. В остальных регионах доля старожилов меньше 20 %: Ленинградская и Костромская области — 12 %, Санкт-Петербург — 11 %, в Калининградской и Ростовской областях — 8 и 7 % соответственно, в Хабаровском — всего 4 %. При этом в Санкт-Петербурге, Ростовской, Калининградской области, Костромской областях, в Хабаровском и Ставропольском краях старожилов стало меньше, а в Ленинградской области больше. Максимальная величина доли тех политиков, кто в третий раз оказались на нынешней должности, в Ленинградской области — 18 %, по 17 % — в Новосибирской области и Республике Дагестан. В Ставропольском крае, Калининградской области и Москве показатель равен 15, 14 и 13 % соответственно. По Костромской области он равен 10 %. В остальных трех регионах он составляет меньше 10 %: в Ростовской области — 9 %, в Хабаровском крае — 7 % и в Санкт-Петербурге — 3 %. В пяти регионах показатель несколько уменьшился (Санкт-Петербург, Ростовская область, Хабаровский край, Москва, Республика Дагестан) и в пяти регионах немного вырос (Ленинградская область, Калининградская область, Костромская и Новосибирская области, Ставропольский край). Уменьшение количества новичков и увеличение количества старожилов означает некоторое

замедление процесса обновления корпуса политической элиты. Поскольку у нас были данные только за шестилетний период, невозможно сказать определенно об устойчивости изменений.

Номер элитной должности в биографии (какая по счету). В 2005 и 2010 гг. информации практически нет. Переменная позволяет определить новичков и старожилов в элите, данные за несколько лет подряд или с определенной периодичностью помогут получить представление об обновлении корпуса региональных политиков.

База 2014 г. Проанализированы данные 485 политиков по десяти регионам. Тех, для кого данная элитная должность первая в биографии («новички» в элите) в составе политической элиты регионов, больше всего в Ленинградской области — 70 %, в Москве — 69 %, в Новосибирской области — 65 %, в Санкт-Петербурге — 62 %. Далее с отрывом идут Ставропольский край — 47 % и Хабаровский край — 40 %. В остальных регионах «новичков» в элите значительно меньше: Калининградская область — 28 %, Костромская область — 26 %, в Ростовской области — 21 % и в Республике Дагестан — 15 %. Данная элитная должность является второй в биографии 46 % политиков Ростовской области, 42 % политиков Костромской области и 25 % в Новосибирской области. В остальных регионах доля политиков, для которых нынешняя должность является второй в их биографии, не превышает 20 %: в Калининградской области — 20 %, в Москве и Ставропольском крае — 18 %, в Ленинградской области — 17 %, в Республике Дагестан — 15 %, в Хабаровском крае — 14 %, Санкт-Петербурге — 13 %. «Старожилов» в элите — тех, для кого данная должность четвертая и более по счету в биографии — больше всего в Калининградской области — 39 %, Хабаровском крае — 37 %. Несколько меньше старожилов в Ставропольском крае — 24 % и Ростовской области — 21 % и намного меньше в Республике Дагестан — 15 %, Санкт-Петербурге — 13 %, Костромской области — 11 %, Ленинградской области — 9 %, Москве — 8 % и Новосибирской области — 1 %.

База 2020 г. Проанализированы данные 594 политиков из десяти регионов. Новички в элите в наибольшей степени представлены в Санкт-Петербурге и Москве — 72 %, а также в Ленинградской области 67 %, Хабаровском крае — 66 %. Далее следуют Новосибирская область — 64 %, Костромская область — 61 %, Ростовская область — 57 % и Ставропольский край — 55 %. Только в двух регионах новички составляют менее 50 %: Калининградская область — 45 % и Республика

Дагестан — 41 %. На противоположном полюсе старожилы — те, у кого нынешняя должность четвертая и более в биографии, представлены скромно. Так, в Республике Дагестан таких политиков нет вообще. Максимальная представленность данной группы в Калининградской области — 16 %, Ставропольском крае — 14 %, в Санкт-Петербурге и Ростовской области — 12 %. В остальных регионах меньше 10 %: в Хабаровском крае — 9 %, Москве — 7 %, Ленинградской и Костромской области — 5 % и Новосибирской области — 3 %. Также немного тех политиков, для которых это третья элитная должность в биографии. Наименьшая доля в Санкт-Петербурге — 2 %. Только в одном регионе, Республике Дагестан, величина доли таких политиков достигает 32 %. Далее с большим отрывом идут: Калининградская область — 16 %, Ростовская область — 13 %, Костромская область — 12 %, Ставропольский край — 8 %, Новосибирская область — 7 %, Москва — 5 % и Хабаровский край — 4 %.

Наконец, политики, у которых нынешняя элитная должность вторая в биографии, составляет относительно более многочисленные группы. В наибольшей степени они представлены в Республике Дагестан — 27 %, Новосибирской области — 26 %, Калининградской области и Ставропольском крае — 23 %, Костромской области — 22 % и в Хабаровском крае — 21 %. В остальных регионах доля данной группы политиков менее 20 %: Ленинградской и Ростовской областях — 18 %, в Москве — 16 % и в Санкт-Петербурге — 14 %.

Уровень предшествующей элитной позиции (федеральный, окружной, региональный). Данная переменная позволяет понять, были ли в карьере перемещения с одного уровня на другой, а также выяснить, были ли эти движения вниз или вверх по карьерной лестнице. В 2005 и 2010 гг. данных практически нет.

База 2014 г. Проанализированы данные о 263 политиках из десяти регионов. У подавляющего большинства политиков фиксируется региональный уровень предшествующей элитной позиции: от 100 % в Хабаровском крае до 80 % в Костромской области. Так, в Новосибирской, Ростовской и Калининградской областях показатель равен 96, 92 и 91 % соответственно, в Москве и Санкт-Петербурге он одинаков — 90 %. В других регионах величина показателя располагается в следующем десятке: в Ставропольском крае — 88 %, в Республике Дагестан — 83 % и в Ленинградской области — 81 %. Уровень округа представлен очень слабо: только в Ставропольском крае — 4 %. Федеральный уровень

не представлен в Хабаровском крае. Максимальная доля политиков, у которых предшествующая элитная позиция относилась к федеральному уровню в Ленинградской области — 19 % и в Республике Дагестан — 17 %. По 10 % составляет доля в Москве и Санкт-Петербурге. В остальных регионах совсем невелика: в Ростовской и Костромской областях и Ставропольском крае — 8 %, в Новосибирской области — 4 % и в Калининградской области — 3 %. Местный уровень представлен только в двух регионах: в Костромской области — 12 % и в Калининградской области — 6 %.

База 2020 г. Были проанализированы данные 232 политиков из десяти регионов. Уровень округа представлен слабо, но все-таки уже не в одном регионе, как это было в 2014 г., а в четырех: Калининградской и Новосибирской областях, Ставропольском крае (во всех трех регионах величина показателя — 4 %) и в Ростовской области — 3 %. Это означает некоторое, очень слабое правда, увеличение роли окружных органов власти как «поставщика» кадров региональных политиков. Региональный уровень по-прежнему главный для предшествующей элитной позиции. Хотя величина показателя, его обозначающего, несколько уменьшилась в семи регионах: Санкт-Петербург — 87 %, Ростовская область — 85 %, Калининградская область — 78 %, Хабаровский край — 94 %, Москва — 72 %, Новосибирская область — 89 %, Ставропольский край — 69 %. В Республике Дагестан показатель не изменился. В Ленинградской и Костромской областях показатель немного вырос. Уменьшение произошло за счет одновременного увеличения доли федерального уровня как характеристики предшествующей элитной позиции и появления окружного уровня в трех регионах. Итак, доля федерального уровня выросла во всех регионах, кроме Ленинградской области — здесь показатель снизился с 19 % в 2014 г. до 9 % в 2020 г. В Республике Дагестан остался неизменным на уровне 17 %. Наибольшая доля политиков, у которых предшествующая элитная позиция была на федеральном уровне, в Москве — 28 %, Ставропольском крае — 27 % и Калининградской области — 18 %. Причем показатель вырос существенно: с 10 % в Москве, 8 % в Ставропольском крае и 3 % в Калининградской области. В других регионах рост не столь существенный: Санкт-Петербург — 13 % (в 2014 г. — 10 %), Ростовская область — 12 % (в 2014 г. — 8 %), в Костромской области — 12 % (в 2014 г. — 8 %), Новосибирской области — 7 % (в 2014 г. — 4 %). В Хабаровском крае показатель вырос с нуля до 6 %.

Данные и 2014 г. и изменения, которые зафиксированы в 2020 г., утверждают, что в карьерах региональных политиков чаще, чем ранее появляются ступени карьеры, относящиеся к федеральному и окружному уровням институтов государственной власти. Местный уровень с помощью данного показателя не удалось отчетливо проявить. В этом деле может помочь анализ работы в районных и муниципальных органах в 1990 г. и предэлитной работы.

Продолжительность времени занятия первой элитной позиции. В 2005 и 2010 гг. нет данных.

База 2014 г. Проанализированы данные 335 политиков из десяти регионов. В процессе анализа использовалась следующая группировка политиков: выделены пять групп: 2 года и менее, 3–5 лет, 6–7 лет, 8–9 лет и 10 лет и более. Группа лиц, прошедших на первой элитной позиции два года и менее, довольно большая (по удельному весу) в некоторых регионах: в Республике Дагестан — 50 % (максимальная величина, но слишком мала по физическому наполнению). Фактически на первом месте Ростовская область — 40 %. В Калининградской области и Хабаровском крае — по 31 %. В Костромской области 31 % и в Санкт-Петербурге 25 %. В остальных четырех регионах доля невелика: в Ставропольском крае — 15 %, Ленинградской области — 13 %, в Москве — 9 % и в Новосибирской области — 2 %. От трех до пяти лет занимали первую элитную позицию 58 % политиков Ставропольского края, 55 и 53 % в Ленинградской и Ростовской областях соответственно. Несколько меньше в Москве — 48 %, Новосибирской области — 42 %, в Санкт-Петербурге — 34 % и в Костромской области — 30 %. В оставшихся двух регионах — Хабаровском крае и Калининградской области — меньше 30 %, 28 и 25 % соответственно.

Из анализа двух первых опций видно, что политики, занимавшие первую элитную позицию менее пяти лет, во всех регионах (кроме Республики Дагестан — по этому региону сведений в 2014 г. практически нет) составляет более 50 %. Исключением является Новосибирская область, в которой эти политики составляют 44 %. Итак, в Санкт-Петербурге — 59 %, в Ленинградской — 68 %, в Ростовской области — 93 %, в Калининградской области — 56 %, в Костромской области — 60 %, в Хабаровском крае — 59 %, в Москве — 57 %, в Ставропольском крае — 73 %. Выбивается из общего ряда Ростовская область со своими 93 %. В группе занимавших первую элитную позицию 6–7 лет немного персон. В Новосибирской области и Республике Дагестан нет никого.

Максимальная доля этой группы в Хабаровском крае — 17 %. Затем идут Костромская область и Санкт-Петербург с 14 и 12 % соответственно. В Калининградской области и Москве по 10 %. Наконец, в Ставропольском крае, Ростовской и Ленинградской областях соответственно 8, 7 и 6 %. Похожая картина в категории занимавших первую элитную позицию в течение 8–9 лет. Наибольшую долю политиков в этой категории наблюдаем в Санкт-Петербурге — 17 %. В Ростовской области и Республике Дагестан эта категория не представлена. В остальных регионах колебания в пределах 13–3 %: Ленинградская область — 13 %, Хабаровском крае — 10 %, Москве и Калининградской области — 6 %, в Костромской области и Ставропольском крае — 4 %, в Новосибирской области — 3 %. Для категории «10 лет и более» характерна большая представленность политиков. Максимальный размер доли этих политиков в Новосибирской области — 53 %. Далее с отрывом следуют Калининградская область и Москва — 28 и 27 % соответственно. В Костромской области доля равна 22 %. В Ставропольском крае, Хабаровской области, Ленинградской области и Санкт-Петербурге: 15, 14, 13 и 12 % соответственно. В Ростовской области и Республике Дагестан группа не представлена. Данные о продолжительности времени занятия первой элитной должности «сдвинуты» к полюсам: в большей степени в сторону более короткого пребывания на первой элитной должности, в меньшей степени — к более длительному пребыванию на первой элитной позиции. Наличие довольно многочисленных групп на втором полюсе (10 лет и более) означает, что политики «застрелили» на первой ступени элитной части карьерной траектории. Напротив, концентрация политиков в группе «до пяти лет» свидетельствует о более быстром продвижении в начале элитной карьеры.

База 2020 г. Проанализированы данные 533 политиков из десяти регионов. Здесь бросается в глаза (по сравнению с 2014 г.) более высокий удельный вес группы политиков, которые занимали первую элитную должность в течение 3–5 лет. Только в одном регионе данная категория политиков менее 50 % — в Ростовской области (33 %). Однако это компенсируется тем, что в этом регионе почти половина политиков (49 %) пребывали на первой элитной должности всего два года или менее. Итак, занимали первую элитную должность от трех до пяти лет 88 % политиков Москвы, 86 % политиков Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 83 % политиков Новосибирской области, 82 % Ставропольского края. В Республике Дагестан удельный вес данной категории поли-

тиков равен 71 %, в Хабаровском крае — 70 %, в Калининградской и Костромской областях 69 и 68 % соответственно. Сдвиг в сторону более краткого пребывания на первой элитной должности еще заметнее, если объединить две опции — «2 года и менее» и «от 3 до 5 лет». В уже упоминавшейся Ростовской области — 82 %, в Санкт-Петербурге — 98 % (максимальный показатель), Ленинградской области — 92 %, Калининградской области — 86 %, в Костромской области — 83 %, в Хабаровском крае — 79 %, в Москве — 90 %, в Новосибирской области — 91 %, Ставропольском крае — 90 %, Республике Дагестан — 79 %. В отличие от данных базы 2014 г., категория политиков, «застрявших» на первой элитной должности, очень небольшая. Ее удельный вес колеблется от 15 % в Хабаровском крае до 4 % в Ленинградской области. В Санкт-Петербурге категория совсем не представлена. Удельный вес групп «6–7 лет» и «8–9 лет» еще с меньшим удельным весом: от 8 до 1 %. В ряде регионов не представлены эти две категории. Категории «6–7 лет» нет в Санкт-Петербурге и Ставропольском крае. Категории «8–9 лет» нет в Калининградской области, Хабаровском крае, Москве и Новосибирской области.

Продолжительность времени занятия нынешней позиции. Переменная характеризует скорость продвижения по карьерной лестнице.

База 2005 г. Проанализированы данные о 240 политиках из четырех регионов. Все политики занимали нынешнюю позицию менее пяти лет. В то же время до двух лет должность занимали 95 % политиков Калининградской области, 35 % Санкт-Петербурга, 15 % Ленинградской и 10 % Ростовской области.

База 2010 г. Проанализированы данные о 309 политиках из шести регионов. Все политики Санкт-Петербурга, Ростовской и Костромской областей, 98 % политиков Ленинградской области, 96 % Калининградской области и 94 % Хабаровского края занимали нынешнюю позицию менее пяти лет. В том числе до двух лет проработали все политики Санкт-Петербурга, 98 % Ленинградской и Ростовской областей. Намного меньше таких политиков в Хабаровском крае — 24 %, Костромской и Калининградской областях — 10 и 9 % соответственно.

База 2014 г. Проанализированы данные о 604 политиках из десяти регионов. И здесь наблюдаем ту же картину: практически все политики занимают нынешнюю позицию менее пяти лет. Более детальное рассмотрение показывает, что в некоторых регионах срок пребывания политиков на нынешней должности менее двух лет. Так, в Калинин-

градской области таких политиков 98 %. Намного меньше в Хабаровском крае — около 20 % и совсем нет в Ставропольском крае и Республике Дагестан. Прочие опции (6–7 лет, 8–9 лет, 10 лет и более) набирают незначительное количество политиков.

База 2020 г. Проанализированы данные о 660 политиках из десяти регионов. И здесь, подобно 2010 и 2014 гг., почти все политики занимают нынешнюю позицию менее пяти лет. В то же время в Ростовской области 82 % политиков занимали нынешнюю должность менее двух лет. В Калининградской области, в Ставропольском крае и Республике Дагестан таких политиков нет совсем. В других регионах позиция «до двух лет» находится в диапазоне от 15 до 6 %.

ВЫВОДЫ

Проанализированы биографические данные 1816 политиков, охватывающие период 2005–2020 гг. Поскольку база данных формировалась в течение довольно продолжительного периода и постепенно расширялась сфера охвата (от четырех до десяти регионов), не по всем переменным удалось провести полноценный диахронный анализ.

Процессы рецентрализации, идущие в стране с начала 2000-х годов, сопровождаются сохранением диверсификации многих характеристик, определяющих структуру политических возможностей. Рецентрализация, несущая с собой явные тенденции к унификации ряда параметров политического процесса в каждом отдельном регионе, все-таки оставляет возможности организации политического процесса по привычным сохранившимся паттернам (дизайн выборов, взаимодействие законодательной и исполнительной ветвей власти, рекрутирование и т.д.). Поэтому от региона к региону наблюдаем некоторые особенности состава корпуса политической элиты и карьерных траекторий политиков.

Предэлитная активность как бассейн рекрутирования политиков демонстрирует большую важность хозяйственно-экономической сферы во всех регионах, кроме Ростовской области, Москвы и Санкт-Петербурга. В этих трех регионах на первом плане политико-административная сфера. Такая тенденция прослеживается по показателю предшествующей работы. Динамика во времени такова: несколько уменьшается значение хозяйственно-экономической сферы и увеличивается значение политико-административной сферы. Значения показателя предшествующей работы в политико-административной сфере

выравниваются по регионам, нет большого разброса величин. Однако картина в целом пестрая, движение показателей, характеризующих бассейн рекрутирования, довольно хаотичны, они не показывают одно-значного роста или снижения, в отдельные годы наблюдается то одно, то другое. То же можно сказать о показателе предшествующей работы. В большинстве изучаемых регионов отмечается некоторое снижение роли политико-административной активности. Сфера силовой активности имеет небольшое значение.

В 2014 г. большая часть политиков во всех регионах вступили в предэлитную должность в молодом (до 40 лет) возрасте. В 2020 г. по сравнению с 2014 г. политики вступали в предэлитную должность в более позднем возрасте (41–60 лет). Изменение по-разному затронуло регионы, более заметным оно оказалось в Костромской, Калининградской и Ростовской областях. Вступление в нынешнюю (на момент сбора материала) должность наибольшая доля политиков приходится на средний возраст (41–60 лет). Вступление в молодом возрасте в наибольшей мере характерно для политиков Санкт-Петербурга (27 %). Это максимальная величина показателя в 2005 г. В 2010 г. — лидер Костромская область. Здесь 31 % политиков заступил на нынешнюю должность в молодом возрасте. В 2014 г. — лидеры Ставропольский край и Костромская область (более 30 %). В 2020 г. величина данного показателя несколько снизилась, зато произошло выравнивание величины показателя по регионам. Теперь во всех регионах доля политиков, вступивших в нынешнюю должность в молодом возрасте, колеблется от 25 до 11 %. Та же картина в других возрастных категориях: небольшие изменения и выравнивание по регионам.

Продолжительность времени занятия должностей и скорость прохождения карьерных ступеней:

1. Первой элитной должности. Данные по этой переменной «сдвинуты» к полюсам: в большей степени в сторону короткого пребывания на должности. Наличие довольно больших групп на втором полюсе (10 лет и более) говорит о том, что некоторые политики «застревали» на этой ступени. Напротив, политики из группы «до 5 лет» быстрее продвигались в начале элитной карьеры.

2. Нынешняя элитная позиция. Эта переменная во всех замерах и во всех регионах дает: подавляющее большинство политиков занимает нынешнюю должность менее пяти лет.

3. Предэлитная должность. Здесь наблюдаем сдвиг в сторону более короткого пребывания на должности (до пяти лет), что свидетельствует о быстром продвижении к первой элитной позиции. В совокупности эти три переменные говорят о довольно быстром продвижении по карьерной лестнице значительной группы политиков в изучаемых регионах. Конкретное соотношение в карьерных траекториях обозначенных ступеней различно не столько в разрезе регионов, сколько конкретных политиков.

4. Нынешняя позиция. Все замеры показывают, что почти все политики занимают нынешнюю должность менее пяти лет. В некоторых регионах в отдельные годы этот срок укорачивается до двух лет: Калининградская область в 2005 и 2010 гг., Санкт-Петербург, Ленинградская и Ростовская области в 2010 г. Ростовская область в 2020 г. По этому показателю политики также довольно быстро продвигаются по карьерной лестнице. Периодичность «укорачивания» срока до двух лет, скорее всего, завязана на электоральный цикл конкретного региона.

Показатели «номер данной элитной позиции в биографии» (в который раз субъект получает нынешнюю должность) и «номер элитной должности в биографии» (какая по счету) показывают, каков удельный вес политиков-новичков и политиков-старожилов, таким образом демонстрируя темпы обновления элиты и особенности карьерного продвижения. Уменьшение количества новичков и увеличение количества старожилов (первый из двух обозначенных показателей) означает некоторое замедление процесса обновления корпуса политической элиты. Поскольку у нас были данные только за шестилетний период, невозможно сказать определенно об устойчивости изменений. Второй показатель показывает, каков удельный вес политиков, для которых нынешняя должность первая в биографии или нет. Данные смещены в сторону тех, у кого данная должность первая или вторая в биографии, то есть в сторону новичков в элите. Дополнительная характеристика об уровне предшествующей элитной позиции свидетельствует о том, что основная часть политиков перемещается с одной должности на другую в рамках регионального уровня. То есть среди политиков изучаемых регионов преобладают региональные карьеры.

Литература

Быстрова А.С., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации //

Глобализация в российском обществе: сб. науч. трудов / отв. ред. И.И. Елисева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 99–242. EDN YMNGUO.

Быстрова А.С. Типы карьер представителей региональной административно-политической элиты и факторы, влияющие на карьерные различия // Властные структуры и группы доминирования / под. ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 76–93. EDN UMSTHX.

Быстрова А.С. Влияние социального контекста на построение карьерных траекторий: карьеры представителей различных политических поколений региональных административных элит Российской Федерации // Власть и элиты. 2017. Т. 4. СПб.: Интерсоцис, 2017. С. 170–203. <https://doi.org/10.1177/0268580916687460>. EDN: UYHVXO.

Быстрова А.С. Региональные административные элиты России: карьеры и карьерные траектории // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 1. С. 5–27. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.1>. EDN LCEFUY.

Быстрова А.С. Региональные чиновники и политики РФ: сравнительный анализ карьер // Власть и элиты. 2022. Т. 9. № 2. С. 122–145. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.5>. EDN: YLPHEC.

Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (1) // Полис. Политические исследования. 2004. № 2. С. 6–19. <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.02.02>. EDN HSODIJ.

Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты стран БРИК: опыт сравнительного анализа // Власть и элиты / ул. ред. А.В. Дука. Т. 1. СПб.: Интерсоцис, 2014. С. 56–69. EDN XIEMRF.

Дука А.В. К вопросу о милитократии: силовики в региональных властных элитах // Властные структуры и группы доминирования: материалы X всерос. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 94–120. EDN UMSTJВ.

Дука А.В. Мобильность и эндогенность региональных политико-административных элит // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 1. С. 66–99. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3>. EDN YOPBVI.

Крыштановская О. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. 2002. Т. 4, № 4. С. 158–180. EDN SDEQSF

Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с. EDN QOHFON.

Панкевич Н.В. Государство в политическом пространстве и пространственность альтернативных политических форм // Политическая наука. 2022. № 4. С. 41–66. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.02>. EDN TRQKXB.

Тев Д. Б. Депутаты Государственной Думы РФ: особенности карьеры после прекращения полномочий // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, № 1. С. 106–133. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-106-133>. EDN XZFPТС.

Тев Д. Б. Федеральная административная элита России: особенности карьеры после ухода с должности // Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 130–146. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.10>. EDN BBGNON.

Тев Д.Б. Депутаты фракций Единой России и КПРФ в Государственной Думе: сравнительный анализ карьеры после ухода с должности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 217–238. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2248>. EDN XZFPCT

Bernard J., Čermák D. Vzestupné a sestupné politické dráhy českých poslanců a senátorů // Acta Politologica. 2021. Vol. 13, no. 1. P. 22–42. https://doi.org/10.14712/1803-8220/3_2020.

Borchert J., Stolz K. Institutional Order and Career Patterns: Some Comparative Considerations // Regional & Federal Studies, 2011. Vol. 21, no. 2. P. 271–282. <https://doi.org/10.1080/13597566.2011.530022>.

Botella J., Rodríguez Teruel J., Barberà O., Barrio A. A New Political Elite in Western Europe? The Political Careers of Regional Prime Ministers in Newly Decentralised Countries // French Politics. 2010. Vol. 8, no. 1. P. 42–61. <https://doi.org/10.1057/fp.2009.40>.

Caciagli, M. Regioni d'Europa: devoluzioni, regionalismi, integrazione europea. Firenze, Italy: Il Mulino, 2003. 217 p.

Dodeigne J. (2014). (Re-)Assessing Career Patterns in Multilevel Systems: Insights from Wallonia in Belgium // Regional & Federal Studies. 2014. Vol. 24, no. 2. P. 151–171. <https://doi.org/10.1080/13597566.2013.865605>.

Dodeigne J. Who governs? The disputed effects of regionalism on legislative career orientation in multilevel systems // West European Politics. 2018. Vol. 41, no. 3. P. 728–753. <https://doi.org/10.1080/01402382.2017.1415549>.

Harvie C. The Rise of Regional Europe. London: Routledge, 1994. 112 p.

Keating M. The New Regionalism in Western Europe: Territorial Restructuring and Political Change. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 1998. ix+242 p.

Kryshтанovskaya O., White S. Putins' Militacracy // Post-Soviet Affairs. 2003. Vol. 19, no. 4. P. 289–306. <https://doi.org/10.2747/1060-586X.19.4.289>. EDN LHWURH.

Ross C., Panov P. The range and limitation of sub-national regime variations under electoral authoritarianism: The case of Russia // Regional & Federal Studies. 2019. Vol. 29, no. 3. P. 355–380. <https://doi.org/10.1080/13597566.2018.1530221>.

Stolz K. Moving Up, Moving Down: Political Careers across Territorial Levels // European Journal of Political Research. 2003. Vol. 42, no. 2. P. 223–248. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.00081>.

Vercesi M. Approaches and lessons in political career research: Babel or pieces of patchwork? // Revista Española de Ciencia Política. 2018. No. 48. P. 183–206. <https://doi.org/10.21308/recp.48.07>.

REGIONAL DIFFERENCES IN THE CAREER TRAJECTORIES OF REPRESENTATIVES OF THE REGIONAL POLITICAL ELITE OF THE RUSSION FEDERAITION

A. Bystrova

(abc_46@mail.ru)

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian
Academy of Sciences

Citation: Bystrova A. Regionalnye razlighiya v karernykh traektoriyakh predstavitelej regionalnoy politicheskoy elity Rossijskoj Federatsii [Regional differences in the career trajectories of representatives of the regional political elite of the Russian Federation]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2023, 10 (1): 98–138. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.4>
EDN VTBGFP

Abstract. *The territorial “linking” of a career to a specific region sets a significant part of the structure of opportunities within which an individual implements his plans for building a career. Regional features of the political process, in particular, the established practice of forming a corps of regional politicians, the design of elections and the degree of their competitiveness, the practice of functioning of the legislative body, the conditions of activity of deputies and, of course, local legislative norms and rules determine the personal composition of regional politicians and the trajectories of their careers. The Russian Federation is a multinational, multi-religious country; in its political life there are various patterns of political behavior and types of political culture. The models of relationships within the corps of the regional elite are not identical — the practice of interaction between the executive and legislative branches of government within the borders of each subject of the Russian Federation. The level of autonomy of regional government institutions and regional leaders varies. The Soviet traditions of forming the ruling (political) class (nomenklatura) are perceived differently and have different consequences. Over the past three decades, there have been various models of interaction between the constituent entities of the Russian Federation and the federal center. We are talking about greater or lesser centralization/ decentralization of the structures of state power and management. The changes were caused by the needs to ensure controllability, as understood by the leadership at the level of the federal center of government. The strengthening of the role and influence of regional leaders was short-lived. It increased in the 1990s. But already*

in the early 2000s. the federal center has regained its leading role in relations with regional leaders. However, the specificity of the regions, embodied in the existence of various types of regional political regimes, remained. The processes of recentralization that have been going on in the country since the beginning of the 2000s are accompanied by the continued diversification of many characteristics that determine the structure of political opportunities. Recentralization, which brings with it obvious tendencies towards the unification of a number of parameters of the political process in each individual region, still leaves the possibility of organizing the political process according to familiar patterns (election design, interaction between the legislative and executive branches of government, recruitment, etc.). Therefore, from region to region we observe some peculiarities in the composition of the political elite and the career trajectories of politicians. The empirical basis of the study is an array of biographies of regional politicians, covering 2005-2020. In total, the biographical data of 1816 regional politicians were analyzed. In 2005 there were politicians in 4 regions, in 2010 — 6 regions, in 2014 and 2020 — 10 regions. During the analysis, comparisons were made using a number of indicators characterizing the career trajectories and recruitment pools of regional politicians. Among politicians in the studied regions, regional careers predominate. The pool for recruiting regional politicians consists of the economic and political-administrative spheres. However, the picture as a whole is motley; the movement of indicators characterizing the recruitment pool is chaotic.

Keywords: regional political elite, career, recruitment pool, biographies.

References

Bernard Josef, Čermák D. Vzestupné a sestupné politické dráhy českých poslanců a senátorů. *Acta Politologica*, 2021, 13(1), pp. 22–42. https://doi.org/10.14712/1803-8220/3_2020.

Borchert, J., Stolz K. Institutional Order and Career Patterns: Some Comparative Considerations. *Regional & Federal Studies*, 2011, 21(2), pp. 271–282. <https://doi.org/10.1080/13597566.2011.530022>.

Botella J., Rodríguez Teruel J., Barberà O., Barrio A. A New Political Elite in Western Europe? The Political Careers of Regional Prime Ministers in Newly Decentralised Countries. *French Politics*, 2010, 8(1), pp. 42–61. <https://doi.org/10.1057/fp.2009.40>.

Быстрова А.С. Влияние социального контекста на построение карьерных траекторий: карьеры представителей различных политических поколений региональных административных элит Российской Федерации [The influence of the social context on the construction of career trajectories: careers of representatives of various political generations regional administrative elites of the Russian Federation]. *Vlast' i elity* [Power and elites], 2017, 4, pp. 170–203. <https://doi.org/10.1177/0268580916687460>. EDN UYHVXO. (In Russian)

Bystrova A. Regional'nyye chinovniki i politiki RF: sravnitel'nyy analiz kar'yer [Regional officials and politicians of the Russian Federation: a comparative analysis of careers]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2022, 9, pp. 122–145. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.5>. EDN YLPHEC. (In Russian)

Bystrova A., Duka A., Kolesnik N., Nevskij A., Tev D. Rossijskie regional'nyye elity: innovacionnyj potencial v kontekste globalizatsii [Russian regional elites: innovative potential in the context of globalization]. In: *Globalizacija v rossijskom obshhestve: sb. nauch. trudov* [Globalization in Russian society: a collection of scientific papers]. Ed. by Eliseeva I.I. St. Petersburg: Nestor-Istorija, 2008, pp. 99–242. EDN YMHGUO. (In Russian)

Bystrova A.S. Tipy kar'er predstavitelej regional'noj administrativno-politicheskoj jelity i faktory, vlijajushhie na kar'ernye razlichija [Types of careers of representatives of the regional administrative-political elite and factors affecting career differences]. In: *Vlastnye struktury i gruppy dominirovanija* [Power structures and dominance groups.] Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersocis, 2012, pp. 76–93. EDN UMSTHX. (In Russian)

Bystrova A. Regional'nyye administrativnyye elity Rossii: kar'yery i kar'yernyye trayektorii [Regional administrative elites of Russia: careers and career trajectories]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8(1): 5–27. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.1>. EDN LCEFUY. (In Russian)

Caciagli, M. *Regioni d'Europa: devoluzioni, regionalismi, integrazione europea*. Firenze, Italy: Il Mulino, 2003. 217 p.

Dodeigne J. (Re-)Assessing Career Patterns in Multilevel Systems: Insights from Wallonia in Belgium. *Regional & Federal Studies*, 2014, 24(2), pp. 151–171. <https://doi.org/10.1080/13597566.2013.865605>.

Dodeigne, J. (2018). Who governs? The disputed effects of regionalism on legislative career orientation in multilevel systems. *West European Politics*. Vol. 41, no. 3, pp. 728–753. <https://doi.org/10.1080/01402382.2017.1415549>.

Duka A.V. K voprosu o militokratii: siloviki v regional'nyh vlastnyh jelitah [On the issue of militocracy: siloviki in regional power elites]. In: Duka A.V. (ed.) *Vlastnye struktury i gruppy dominirovanija: Materialy desjatogo Vserossijskogo seminar «Sociologicheskie problemy vlasti v uslovijah rossijskoj transformacii»* [Power structures and domination groups: Materials of the tenth All-Russian seminar “Sociological problems of power institutions under conditions of Russian transformation”]. St. Petersburg: Intersocis, 2012, pp. 94–20. EDN UMSTJB. (In Russian).

Duka A. Mobil'nost' i endogennost' regional'nykh politiko-administrativnykh elit [Mobility and endogeneity of regional political and administrative elites]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8(1): 66–99. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3>. EDN_YOPBVI. (In Russian)

Gaman-Golutvina O.V. Regionalnye elity Rossii: personalnyj sostav i tendentsii evolyucii (1) [Regional elites of Russia: personal composition and trends of

evolution (1)]. *POLIS. Political studies*, 2004, 2, pp. 6–19. <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.02.02>. EDN HSODIJ. (In Russian)

Gaman-Golutvina O. Politicheskie ehlyty stran BRIK: opyt sravnitel'nogo analiza [Comparative analysis of BRIC's political elites]. *Vlast' i ehlyty* [Power and Elites], 2014, 1. pp. 56–69. EDN XIEMRE. (In Russian)

Harvie C. *The Rise of Regional Europe*. London: Routledge, 1994. 112 p.

Keating M. *The New Regionalism in Western Europe: Territorial Restructuring and Political Change*. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 1998. ix+242 p.

Kryshantovskaya O. *Anatomiya rossijskoj ehlyty* [Anatomy of the Russian elite]. Moscow: Zakharov, 2005. 384 p. EDN QOHFON. (In Russian)

Kryshantovskaya O. Rezhim Putina: liberal'naya militokratiya? [Putin's regime: a liberal militocracy?]. *Pro et Contra*, 2002, 4(4), pp. 158–180. EDN SDEQSF. (In Russian)

Kryshantovskaya O. White S. Putins' Militacracy. *Post-Soviet Affairs*, 2003, 19(4), pp. 289–306. <https://doi.org/10.2747/1060-586X.19.4.289>. EDN LHWURH.

Pankevich N.V. The State in the political space and the spatiality of alternative political forms. *Political science (RU)*, 2022, 4, pp. 41–66. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.02>. EDN TRQKXB. (In Russian)

Ross C, Panov P. The range and limitation of sub-national regime variations under electoral authoritarianism: The case of Russia. *Regional & Federal Studies*, 2019, 29(3), pp. 355–380. <https://doi.org/10.1080/13597566.2018.1530221>.

Stolz K. Moving Up, Moving Down: Political Careers across Territorial Levels. *European Journal of Political Research*, 2003, 42(2), pp. 223–248. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.00081>.

Tev D. B. Deputy Gosudarstvennoj Dumy RF: osobennosti kar'ery posle prekrashcheniya polnomochij [Deputies of the State Duma of the Russian Federation: Career Characteristics after the Termination of Office], *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. 2018, 17(1), pp. 106–133. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-106-133>. EDN XZFPTC. (In Russian)

Tev D.B. Deputy frakcij Edinoj Rossii i KPRF v Gosudarstvennoj Dume: sravnitel'nyj analiz kar'ery posle ukhoda s dolzhnosti [Deputies of the United Russia and CPRF Fractions in the State Duma: A Comparative Analysis of Careers after Leaving Office]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2023, 4, pp. 217–238. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2248>. EDN XZFPTC. (In Russian)

Tev D.B. (2023) Federal'naya administrativnaya elita Rossii: osobennosti kar'ery posle uhoda s dolzhnosti [Federal administrative elite of Russia: features of a career after leaving office], *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], 1, pp. 130–146. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.10>. EDN BBGNON. (In Russian)

Vercesi M. Approaches and lessons in political career research: Babel or pieces of patchwork? *Revista Española de Ciencia Política*. 2018, 48, pp. 183–206. <https://doi.org/10.21308/recp.48.07>.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РЕГИОНОВ ПЕРЕХОДНОГО ТИПА: ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ПРАКТИК РЕКРУТИРОВАНИЯ И КАРЬЕРНЫХ ТРАЕКТОРИЙ (2017–2023)

Д.В. Покатов

(dvpokatov@gmail.com)

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия

Цитирование: Покатов Д.В. Политическая элита регионов переходного типа: особенности эволюции практик рекрутирования и карьерных траекторий (2017-2023 гг.) // Власть и элиты. 2023. Т. 10, № 1. С. 139–155.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.5>
EDN WKPFDH

Аннотация. *Рассматривается достаточно сложный и многогранный процесс рекрутирования политической элиты регионов переходного типа. Отмечается, что изучение источников, специфики рекрутирования и карьерных траекторий представителей политической элиты, без сомнения, позволят лучше понять и особенности социально-экономической и политической организации региона и базовых трендов его развития. Автор останавливается на рассмотрении особенностей процесса рекрутирования и эволюции карьерных стратегий политических деятелей трех достаточно близких по своему развитию переходных регионов — Саратовской и Волгоградской областей, а также Республики Дагестан. Отмечается, что процесс рекрутирования политической элиты регионов переходного типа проходит в условиях продолжающегося воздействия ряда как объективно-исторических условий (специфики мобилизационного типа развития российского общества с характерным для него доминирующим влиянием политических институтов и слабостью гражданских структур, особенностями развития регионов переходного типа), так и субъективно-личностных (в том числе особенностей социализации, социального происхождения, образования, и, в целом, профессионально-личностного потенциала). Проведенный анализ позволил автору сделать вывод о том, что все больше в регионах данного типа закреплялся не тип элиты трансформации, а консолидационный тип, с элементами тяготения к корпоративно-персоналистическому (как в Саратовской области), достаточно*

зависимому по своему положению от знаковых региональных фигур, которые добились заметного успеха на федеральном уровне и заняли там одно из ведущих позиций. Проведенное исследование также позволяет говорить, что в рассматриваемых регионах переходного типа происходит закрепление особых моделей карьерных траекторий, во многом связанных со статусными позициями в системе власти, но при этом не выражающихся в более или менее четко закрепившемся продвижении внутри определенных политико-правовых институтов либо общественно-политических организаций и партий, что свойственно более линейно-традиционному типу карьеры представителя элиты. В этой связи более выраженным, особенно в последние годы (2020-2023 гг.) оказывался «лиминальный» (переходный) тип, претворяющийся в значительных, как правило, скачкообразных и перманентных перемещениях, лишенных постепенности, что не приводило к стабильности самой элитной группы и реализуемой ею управленческой модели.

Ключевые слова: элита, политическая элита, регион переходного типа, рекрутирование, модель рекрутирования.

Элитная тематика по-прежнему привлекает внимание исследователей различных школ и направлений социально-гуманитарного знания, что не случайно, учитывая занимаемые ею лидирующие позиции в структуре общества и ведущих сфер общественной жизни. Среди достаточно важных проблем, несмотря на представленность в научной как западной [Миллс 1959; Blackwell 1972; Endruweit 1986; Farmer 1992; Burton, Higley 2001; Merridale 2014 и др.], так и отечественной [Ашин 1998; Гаман-Голутвина 2006; Дука 2021; Крыштановская 2005; Быстрова, Даугавет, Дука, Колесник, Невский, Тев 2021; Сельцер 2017; Чирикова, Ледаев 2017] литературе, остается выявление особенностей процесса рекрутирования, от которого напрямую зависит качественное и эффективное функционирование институтов власти. Изучение источников, специфики рекрутирования и карьерных траекторий представителей политической элиты, без сомнения, позволят лучше понять и особенности социально-экономической и политической организации региона и базовых трендов его развития. В рамках настоящего исследования автор, понимая под регионом определенную социально-территориальную, а также народно-хозяйственную общность, которая имеет особую социальную и производственную инфраструктуру, институты власти и управления, ориентирующиеся в своей деятельности на решение стоящих перед данным образованием задач, останавливается на рассмотрении особенностей процесса рекрутирования и эволюции карьер-

ных стратегий политических деятелей трех достаточно близких по своему развитию переходных регионов — Саратовской и Волгоградской областей, а также Республики Дагестан. Как показывают имеющиеся исследования и источники, Саратовская область является сегодня аграрно-индустриальным регионом, выступающим одним из перспективных в нефтегазоносном отношении и обладающим как отдельными стабильно развивающимися отраслями промышленности (машиностроение, энергетика, химическая промышленность), так и сельским хозяйством [Стратегия социально-экономического развития Саратовской области до 2025 года]. Волгоградскую область, с характерными для нее процессами деиндустриализации, ряд исследователей относит к слабо индустриальному региону [Монина, Мещерякова, Шаркевич 2018: 41], а Республика Дагестан является сегодня, по мнению изучавших данный вопрос ученых, аграрно-индустриальным регионом с аграрно-полисервисным типом экономического развития [Стратегия социально-экономического развития Республики Дагестан... 2021: 18–19].

Рассматривая процесс рекрутирования политической элиты регионов переходного типа, отметим, что он проходит в условиях продолжающегося воздействия ряда как объективно-исторических условий (специфики мобилизационного типа развития российского общества с характерным для него доминирующим влиянием политических институтов и слабостью гражданских структур, особенностями развития регионов переходного типа), так и субъективно-личностных (в том числе особенностей социализации, социального происхождения, образования, и, в целом, профессионально-личностного потенциала). Для рассмотрения базовых особенностей процесса рекрутирования и ведущих тенденций и форм трансформации карьерных траекторий членов региональной элиты проведен анализ биографий 271 представителя элиты (в том числе в Саратовской области — 73, в Волгоградской — 72 и в Республике Дагестан — 126) за период с 2017 по 2023 г., включая руководителей исполнительной и законодательной власти регионов, депутатов законодательных собраний, лидеров политических партий и общественно-политических организаций. При анализе биографий учитывались базовые каналы рекрутирования, в том числе работа в структурах власти и управления, финансовых организациях и бизнес-структурах, партиях и общественных организациях и механизмы рекрутирования, повлиявшие на карьерные траектории: стаж работы, партийная принадлежность и т.д.

Значительное влияние мобилизационного типа развития российского общества приводило к большему доминированию статусных, чем креативно-личностных черт, что, без сомнения, отразилось в практиках элитного рекрутирования. Это во многом предопределял и традиционный тип регионального развития, с характерным для него сохранением традиционного уклада общественной жизни, ярко проявлявшегося, в том числе, в процессах социализации. О влиянии принадлежности того или иного пространства, общности или слоя очень точно говорил один из основателей теории элиты В. Парето, отмечавший, что тот или иной индивид, переходящий из одной группы или общности в другую, приносит с собой, как правило, определенные склонности, чувства, предрасположенности, приобретенные в той группе, из которой он происходит, и с этим обстоятельством следует считаться [Парето 2008: 310–311]. Проведенный анализ биографий показал, что по-прежнему в рассматриваемых регионах очень высок показатель лиц, социализация которых проходила в условиях сельской местности, что, конечно, не могло не отразиться на ценностных, профессиональных и кадровых предпочтениях элитных деятелей, их стремлениях больше действовать по уже сложившимся принципам и нормам чиновничества, больше продвигать выходцев из своей среды. Так, в Саратовской области в элите к 2023 г. было 30,76 % выходцев из села, в Волгоградской — 19,4 %, и самый большой показатель проявлялся в Республике Дагестан (что не случайно, если учитывать аграрно-традиционалистский путь его развития) — 53,9 % [Покатов 2017; Покатов 2021]. Данные показатели увеличились во всех регионах: Саратовской области (29,5 %, 2017) Волгоградской области (14,8 %, 2017), и Республике Дагестан (45,2 %, 2021)¹.

В этой связи можно говорить о том, что все больше в регионах данного типа закреплялась не модель трансформации элиты, а особая консолидационная форма, с элементами тяготения к корпоративно-персоналистической (как в Саратовской области), которая достаточно

---

¹ Здесь и далее подсчет осуществлен автором на основании анализа биографий, приведенных на сайтах: Правительство Саратовской области. URL: <http://saratov.gov.ru> (дата обращения: 15.09.2023); Саратовская областная Дума. URL: <http://www.srd.ru> (дата обращения: 15.09.2023); Волгоградская областная Дума. URL: <https://volgoduma.ru/> (дата обращения: 15.09.2023); Волгоградская область. URL: <https://www.volgograd.ru/> (дата обращения: 15.09.2023); Правительство Республики Дагестан. URL: <http://www.e-dag.ru> (дата обращения: 15.09.2023); Народное Собрание Республики Дагестан. URL: <http://www.nsrdr.ru> (дата обращения: 15.09.2023).

ярко проявляла себя по своему зависимому положению от знаковых региональных фигур, которые добились заметного успеха на федеральном уровне и заняли там одно из ведущих позиций.

Говоря о моделях рекрутирования, следует отметить, что постепенно утвердившиеся их разновидности в целом сильно отличались от западных аналогов. Так, по признанию ряда западных исследователей, для них в большинстве был характерен естественный характер. Процесс рекрутирования элитных деятелей включал все необходимые ступени подъема представителя элиты на верхние ступени политической иерархии, начиная от ранней социализации и закрепления политических ценностей, норм и ролей до так называемого этапа селекции (высшими показателями которого становятся получение квалификации и профессиональные опыт и ориентации). Как правило, распространенная на Западе модель рекрутирования включала такие разновидности, как бюрократическую, начинающуюся с занятия скромного административного поста и в середине карьерного пути изменяющую свой вектор на политический, и общественно-политическую, в рамках которой карьерный путь представителя политической элиты осуществлялся преимущественно в культурной, научной, правовой, педагогической сферах и сочетался с активной деятельностью в различных общественных организациях.

Некоторые западные ученые, в частности М. Хартман, описывали несколько моделей рекрутирования, используя такие критерии, как степень мобильности между секторами элиты и особенности институциональной и социальной форм рекрутирования. Для первой модели, французской, по мнению М. Хартмана, характерно концентрированность рекрутирования на основе получения образования в определенном учебном заведении и высокой степени интенсивности переходов между элитными сегментами. Вторая, британская, отличается достаточно гомогенным социальным и институциональным рекрутированием, но при этом низким уровнем межэлитных переходов. Третья модель, германская, присуща большинству европейских стран, характеризуется достаточно высоким уровнем дифференциации в социальной и институциональной базе рекрутирования при достаточно низкой степени межэлитной мобильности [Шентякова 2015: 49]. Мы исходим из того, что элитное рекрутирование представляет собой сложное и комплексное явление, предполагающее учет того, каким образом кандидаты в элиту вовлекаются в политику, выдвигаются на руководящие посты, а так-

же учитывающее взаимосвязь самой системы отбора кандидатов, ее принципов и механизмов и детерминируемых ими карьерных траекторий политиков. При определении моделей и этапов элитного рекрутирования, на наш взгляд, следует учитывать исторические вехи в развитии региона, в частности смену лидера, детерминирующую изменение стратегии регионального развития, векторов кадровой политики и состава элитных групп, прежде всего административной элиты. В этой связи можно говорить, что в настоящее время элиты трех переходных регионов вступают в стадию, для которой характерна гибридно-патронажная модель (для Саратовской области этот период начинается с 2012 г., с периода вступления в должность губернатора В.В. Радаева). Эта модель противостоит переходному периоду (с конца 1991 по 2005 г.), включающему два подэтапа — «квазисвободной конвергенции» (1991–1996) и мутационный (1996–2005), и периоду управляемой рекрутации (2005–2012).

Первый этап процесса рекрутирования элиты регионов переходного типа, по сути, знаменует собой становление новой элитной генерации. В его рамках наблюдается причудливый симбиоз старых и новых принципов элитообразования, которые на первых порах лишь немного модифицируют облик элитных групп. В базовых принципах элитообразования происходит отказ от наиболее устаревших механизмов, индикаторов. В целом все внешние изменения не привели к глубинным трансформациям в рекрутировании политической элиты провинции. По-прежнему ведущими социальными прослойками в составе элиты оставались представители старой партийной номенклатуры (15,5 %) и хозяйственники (62,5 %), включающие в себя применительно к региону Среднего Поволжья руководство предприятий военно-промышленного и агропромышленного комплексов, менеджеров фирм и ведущих представителей банковско-финансового капитала [Покатов 2017].

Второй период — управляемой рекрутации — привел к трансформации в составе и практиках рекрутирования элиты, что позволяет говорить о постепенном формировании феномена трансформации элиты. Средний возраст элиты на тот период составлял 48 лет. По социальному происхождению в составе элиты доминирующей прослойкой являлись хозяйственники, численность которых сократилась до 49 %, сохранялось, но сократилось представительство в элите прослойки партийно-номенклатурных политиков (9,4 %). По сравнению с первым периодом значительно упала (до 6–7 %) численность интеллигенции

[Покатов 2017: 91–99]. Среди особенностей следует сказать о двух наиболее ярко проявивших себя в данный период. Прежде всего, достигает максимума характерная и для всей страны тенденция роста числа представителей корпоративных кругов. Кроме того, наиболее рельефно проявляет себя видимое омоложение состава элиты, связанное с приходом сравнительно молодых политических деятелей.

Современный этап процесса рекрутирования, связанный с утверждением гибридно-патронажной модели, проявляющейся в закреплении особой консолидационной формы рекрутирования элит с элементами тяготения к корпоративно-персоналистической (как в Саратовской области), отличается рядом особенностей. В плане социально-профессиональном в составе элитных групп по-прежнему доминирующими остаются представители так называемой когорты хозяйственников (руководители предприятий АПК и бывшего ВПК, банковско-финансовой сферы, менеджеры фирм и предприятий различного профиля), а также корпоративных кругов (выходцы из армейской среды, правоохранительных органов и органов безопасности). Проведенный анализ показывает, однако, что происходит некоторое сокращение численности данной группы. Так, в составе политической элиты Саратовской области их насчитывается сегодня 35,38 % (в 2017 — 42,6 %), в Волгоградской области — 38,8 % (в 2017 — 51,8%), в Республике Дагестан — 49,2 % (в 2021 — 45,2 %). Практически незначительно повысилось представительство корпоративных кругов в составе элиты всех трех рассматриваемых регионов. В частности, в элите Саратовской области только 6,15% можно отнести к данной категории (в 2017 — 5,7 %), в Волгоградской области — 13,8 % (в 2017 — 10,18%) в Республике Дагестан — 12,69 % (в 2021 — 10,3 %). Время, когда данная категория лиц обладала имиджевыми преимуществами (большей информированностью, стремлением преподнести обществу свои проекты общественного устройства, с которыми связывало надежды население, особенно регионального уровня) проходит.

По сравнению с прошлыми периодами резко сокращается представительство когорты бывшей партийно-советской номенклатуры. При этом в Саратовской области к данной категории сегодня можно отнести только 1,53 % (2017 — 4 %). В Волгоградской — 1,38 % (2017 — 1%). В Республике Дагестан сегодня насчитывается только 3,79 % бывших работников партийных структур (2021 — 4,1 %). Резкое снижение категории данных деятелей вполне объяснимо, если учитывать действие

поколенческих и возрастных трендов, когда происходит естественное уменьшение данной категории представителей элиты.

На фоне сокращения некоторых вполне привычных когорт элиты особенностью последнего времени стал постепенный процесс возвращения в элиту представителей интеллектуальных кругов. К 2023 г. в составе политической элиты Саратовской области к данной прослойке относится 38,45 % (2017 — 26,2 %). В Республике Дагестан на сегодня к прослойке интеллигенции в элите можно отнести 29,3 % (2021 — 22,6 %) Только в Волгоградской области обнаружилось некоторое сокращение — сегодня к данному слою относится 19,4 % (2017 — 23,8 %). Состав данной категории лиц весьма многопланов. При этом в когорте интеллектуалов, необходимых власти, очень часто оказываются люди, не всегда обладающие разносторонними знаниями, но имеющие возможности преподнести необходимые представителям правящей элиты идеи. Очень точную характеристику дал этому слою известный западный ученый Ф. Хайек. Он справедливо отмечал, что термин «интеллектуалы» не описывает истинную картину класса, о котором идет речь. Это, как правило, не оригинальный мыслитель, ученый, эксперт в определенной дисциплине. Типичному интеллектуалу это не нужно, чтобы выполнять свою роль посредника в распространении идей. Его квалификация сводится к умению легко говорить и писать по широкому кругу тем [Хайек 2012: 231–233]. Поскольку рядовой современник мало что знает о событиях и идеях, то роль посредников-интеллектуалов резко возрастает. Представителям правящей элиты интеллектуалы нужны, как правило, для пропаганды идей, выполнения посреднических функций и представления некоторых рекомендаций, которые могут быть использованы для решения некоторых, как отмечает ученый, мелких вопросов. При этом нести ответственность за решения каких-либо важных практических вопросов представители данных слоев стараются уклоняться [Хайек 2012: 235]. Отсутствие непосредственного знания практики (по верному замечанию Ф. Хайека) и привело, к тому, что в 1990-е годы данная категория достаточно быстро стала сокращаться в элитных кругах.

В целом увеличение и существенное расширение вновь востребованной прослойки интеллектуалов не смогло полностью преодолеть процесс доминирования в элите слоев так называемых аутсайдеров, лиц, не имеющих специализированного образования, чей политический опыт больше сводится к административному. В современной элите по-

прежнему доминируют слои с технократическим образованием и мышлением. В Саратовской элите сегодня 43 % лиц, получивших техническое образование, 18 % — гуманитарное, 15,38 % — экономическое, и 9,23 % — юридическое. В Волгоградской области — соответственно — 54,1, 12,5, 33,3, 13,8 %. В Республике Дагестан — 39,6, 15,07, 28,5 и 32,5 %. В 2017 г. в Саратовской области насчитывалось 49 % политиков, получивших техническое образование, 16,3 % — гуманитарное, 17,2 % — экономическое, 9 % — юридическое. В Волгоградской — соответственно 60, 11, 15,7, 13,8 %. [Покатов 2017: 91–99]. В Республике Дагестан — 40,4, 19,4, 23,8 и 26,9 % [Покатов 2021]. Относительно стажа работы во властных структурах проведенный анализ показывает существенное увеличение прослойки элитных деятелей, чей стаж работы составлял только от одного-двух до пяти лет. При этом в Саратовской области число таких политиков составляло в 2023 г. 18,4 % (2017 — 16,3 %), в Волгоградской области — 16,6 % (2017 — 12,9 %) в Республике Дагестан — 26,9 % (2017 — 24,6 %). Выраженная тенденция преобладания представителей хозяйственных кругов с преимущественно техническим образованием и относительно малым стажем работы в политико-административной сфере позволяет говорить о том, что процессы профессионализации внутри элит данных регионов ещё относительно слабы. В этой связи можно согласиться с замечанием известного отечественного социолога-публициста А.А. Зиновьева, отмечавшего, что тенденция к превращению системы власти в профессиональную была очень сильной, но все же процесс профессионализация власти не был доведен до необходимого уровня, вследствие чего во властные институты попадали и многие случайные люди [Зиновьев 2004: 489].

В целом доминирование прослойки хозяйственников приводило к закреплению не только определенных типов образования, но и карьерных траекторий и практик выдвижения в элиту. Отмеченные выше факторы детерминировали закрепление в регионе переходного типа особого типа карьерных траекторий, во многом связанных со статусными позициями в системе власти, но при этом не выражающихся в более или менее четко закрепившемся продвижении внутри определенных политико-правовых институтов либо общественно-политических организаций и партий, что свойственно линейно-традиционному типу карьеры представителя элиты. Как правило, в данном случае сохранялась преемственность в развитии элиты, поскольку определяющим здесь

было влияние таких показателей, как административно-политический опыт, стаж работы, этапы карьерного пути, что напрямую связано с влиянием политических институтов, в рамках которых концентрировалась прежде всего правящая элита. Данная форма в своем интегрированном виде претворилась в той части политической элиты, которая напрямую связана с исполнительной властью. Но и здесь стали наблюдаться изменения (по сравнению с прежней советской номенклатурной системой). Так, не учитывались все передвижения по всем ступеням так называемой административно-политической лестницы. Проведенный анализ биографий показывает, что для элиты Саратовской области данный тип был характерен для 13,7 % политиков (однако для элиты, представляющей исполнительную власть — 36 %). В Волгоградской области он проявлялся у 8,3 % элиты, в Республике Дагестан — у 3,17 %. Несмотря на относительно малую представленность, здесь можно выделить и весьма типичные карьерные пути, как у депутата Волгоградской областной Думы А.В. Рыгина, прошедшего карьерный путь от члена ВРО партии «Единая Россия», председателя молодежного парламента (2014–2015) до заместителя секретаря Центрального местного отделения ВРО партии «Единая Россия» и депутата Волгоградской городской, а затем и областной думы.

Более выраженным, особенно в последние годы (2020–2023) оказывался так называемый лиминальный (переходный) тип, претворяющийся в значительных, как правило скачкообразных и перманентных, перемещениях, лишенных постепенности, что не приводило к стабильности самой элитной группы и реализуемой ею управленческой модели. При этом достаточно распространенным был переход из руководящих структур предприятий и организаций различного профиля в административную элиту. Это проявилось во всех трех регионах — в Саратовской области (у 40 % элитных деятелей), в Волгоградской (30 %), в Республике Дагестан (21,4 %). Также достаточно распространенным был и карьерный путь из руководства предприятий и организаций различного уровня, затем избрание депутатом местного и областного уровней. В Саратовской области это проявилось у 10 % представителей элиты, в Волгоградской области — у 18,5 %, в Республике Дагестан — у 22,2 %. Так же как и в предыдущем традиционном типе, в лиминальном были и определенные исключения, характеризовавшиеся быстрыми, скачкообразными сменами, в основном вертикальной направленности. Так, председатель Государственной Думы VII и VIII созывов В.В. Володин

прошел целый ряд карьерных ступеней. С 1986 по 1990 г. он находился на преподавательской работе, затем был избран депутатом Саратовского городского совета, затем, в 1992 г. стал заместителем главы администрации г. Саратова, а в 1994 г. — депутатом и заместителем председателя Саратовской областной Думы. Затем вновь вернулся в сферу науки, став проректором в Поволжском кадровом центре (до 1996 г., когда стал вице-губернатором Саратовской области). С 1999 г. политик возвращается на федеральный уровень, где последовательно прошел путь от депутата Государственной Думы РФ до заместителя руководителя Администрации Президента РФ и затем депутата и председателя Государственной Думы VII, а затем и VIII созывов. Достаточно многогранна и карьера председателя Волгоградской областной Думы Александра Ивановича Блошкина. Трудовую деятельность он начал агрономом, затем главным агрономом совхоза «Родина» Киквидзенского района Волгоградской области, впоследствии был секретарем партбюро колхоза «путь Ленина». Работал директором ПО «Агрохимия», был генеральным директором ООО «Нива». С 2005 г. являлся главой Киквидзенского муниципального района Волгоградской области, с 2014 по 2019 г. был министром по делам территориальных образований и информационной политики Волгоградской области, заместителем губернатора Волгоградской области, а с 2019 г избран депутатом и председателем Волгоградской областной Думы.

В целом проведенный анализ позволяет говорить, что постепенно закрепившаяся в регионах модель традиционного типа рекрутирования, связанная с утверждением особой консолидационной формы с элементами корпоративно-персоналистической отражает синтетический путь развития не только российских регионов, но и в целом российского общества, в котором причудливо объединяются тенденции, характерные как для традиционного, так и для индустриального и (некоторых моментах) постиндустриального путей развития. Изменить создавшееся положение может только существенная трансформация многих сфер общественной жизни, формирование и закрепление структур гражданского общества.

Литература

Ашин Г.К. Формы рекрутирования политических элит // *Общественные науки и современность*. 1998. № 3. С. 85–96.

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация региональной административной элиты: бассейн рекрутирования и карьерные траектории // *Власть и элиты*. 2021. Т. 8, № 2. С. 21–54. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.2>. EDN NATXQO.

Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с. EDN QOFXIN/

Дука А.В. Мобильность и эндогенность региональных политико-административных элит // *Власть и элиты*. 2021. Т. 8, № 1. С. 66–99. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3>. EDN YOPBVI.

Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М.: Изд. Дом «Нева», 2004. 608 с.

Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров-М, 2005. 384 с.

Миллс Ч.Р. Властвующая элита. М.: Издательство политической литературы, 1959. 543 с.

Монина Е.С., Мещерякова Я.В., Шаркевич И.В. Эволюционно-структурный анализ межотраслевых пропорций в экономике Астраханской и Волгоградской областей за 1998–2016 гг. // *Вестник АГТУ. Сер.: Экономика*. 2018. № 2. С. 37–44. <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2018-2-37-44>. EDN URBDNE.

Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. с итал. А.А. Зотова. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 511 с.

Покатов Д.В. Политическая региональная элита: социологический ракурс трансформационной динамики. М.: ИПЦ «Маска», 2017. 164 с.

Покатов Д.В. Этнократическая элита в структуре элитных групп современного российского общества // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 138–142. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-138-142>. EDN DQOFTW.

Сельцер Д.Г. Рекрутирование локальной административной элиты России: исходные данные для построения системно-динамической модели // *Pro nunc*. 2017. № 2. С. 27–32. EDN LHKKNJ.

Хайек Ф. Капитализм и истории. Челябинск: Социум, 2012. 398 с.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе. М.: ГУ ВШЭ, 2017. 416 с.

Шентякова А.В. Проницаемость каналов рекрутирования в политическую элиту // *Вестник СПбГУ. Сер. 6*. 2015. Вып. 3. С. 46–56. EDN UXWWYD.

Blackwell R. The Soviet Political Elite. Alternative Recruitment Policies at the Obkom Level: An Empirical Analysis // *Comparative Politics*. 1973. Vol. 6, no. 1. P. 99–121. <https://doi.org/10.2307/421347>.

Burton M.G., Higley J. The Study of Political Elite Transformations // *International Review of Sociology*. 2001. Vol. 11, no. 2. P. 181–199. <https://doi.org/10.1080/713674040>.

Endruweit G. Elite und Entwicklung: Theorie und Empirie zum Einfluß von Eliten auf Entwicklungsprozesse. Frankfurt am Main; New York: P. Lang, 1986. iv+502 S.

Farmer K. The Soviet Administrative Elite. New York: Praeger Publishers, 1992. xii+296 p.

Merridale C. Der Kreml: Eine neue Geschichte Russlands. Frankfurt am Main: Fischer, 2014. 624 S.

Источники

Стратегия социально-экономического развития Саратовской области до 2025 года. URL: <http://www.saratov.regnews.org/doc/iq/7k.htm>. (дата обращения: 22.09.2023).

Стратегия социально-экономического развития Республики Дагестан на период до 2030 года (проект). Махачкала, 2021 306 с. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/af10c959c4761ec248351c99c7fa3b6f/proekt_strategi.pdf (дата обращения: 20.09.2023).

POLITICAL ELITE OF TRANSITIONAL REGIONS: FEATURES OF THE EVOLUTION OF RECRUITMENT PRACTICES AND CAREER TRAJECTORIES (2017–2023)

D.V. Pokatov

(dvpokatov@gmail.com).

The Saratov National Research State University
named after N.G. Chernyshevsky.
Saratov, Russia

Citation: Pokatov D. V. Politicheskaya elita regionov perekhodnogo tipa: osobennosti rosta, praktiki rekrutirovaniya i kar'yernykh trayektoriy (2017-2023 gg.) [Political elite of transitional regions: features of the evolution of recruitment practices and career trajectories (2017-2023)] // *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2023, 10 (1): 139–155. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.5>
EDN WKPFDH

Abstract. *The article is devoted to the consideration of a rather complex and multifaceted process of recruiting the political elite of transition regions. It is noted that studying the sources, specifics of recruitment and career trajectories of representatives of the political elite will, without a doubt, make it possible to better understand the features of the socio-economic and political organization of the region and the basic trends of its development. In the framework of this study, the author, understanding a region as a certain socio-territorial, as well as national economic community, which has a special social and production infrastructure, institutions of power and management, focusing their activities on solving the problems facing this entity, dwells on the consideration of the features the process of recruitment and evolution of career strategies of political figures from 3 transitional regions that are quite close in their development — the Saratov and Volgograd regions, as well as the Republic of Dagestan. To consider the basic features of the recruitment process and the leading trends and forms of transformation of career trajectories of members of the regional elite, an analysis of the biographies of 271 representatives of the elite was carried out (including in the Saratov region — 73, in the Volgograd region — 72 and in the Republic of Dagestan — 126) for the period from 2017 until 2023, including heads of executive and legislative authorities of the regions, deputies of legislative assemblies, leaders of political parties and socio-political organizations. Considering the process of recruiting the political elite of transition-type regions, the author notes that it takes*

place under the continuing influence of a number of objective-historical conditions (specifics of the mobilization type of development of Russian society with its characteristic dominant influence of political institutions and the weakness of civil structures, features of the development of transition-type regions), and subjective and personal (including characteristics of socialization, social origin, education, and, in general, professional and personal potential). The significant influence of the mobilization type led to a greater dominance of status than creative-personal traits, which, without a doubt, was reflected in the practices of elite recruitment. This was largely predetermined by the traditional type of regional development, with its characteristic preservation of the traditional way of social life, which was clearly manifested, among other things, in the processes of socialization. The analysis allowed the author to conclude that increasingly in regions of this type it was not the type of transformation elite that was being consolidated, but the consolidation type, with elements of a tendency towards the corporate-personalistic (as in the Saratov region), quite dependent in its position on iconic regional figures, who achieved notable success at the federal level and took one of the leading positions there. The study also allows us to say that in the transitional regions under consideration, special models of career trajectories are being consolidated, largely related to status positions in the system of power, but not expressed in more or less clearly established promotion within certain political and legal institutions, or social-political organizations and parties, which is characteristic of a more linear-traditional type of career for a representative of the elite. In this regard, the so-called liminal (transitional) type, resulting in significant, usually spasmodic and permanent movements, devoid of gradualism, which did not lead to the stability of the elite group itself and the management model it implements.

Keywords: elite, political elite, region in transition, recruitment, recruitment model.

References

- Ashin G.K. Formy rekrutirovaniya politicheskikh elit [Forms of recruitment of political elites]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1998, 3, pp. 85–96. (In Russian)
- Blackwell R. The Soviet Political Elite. Alternative Recruitment Policies at the Obkom Level: An Empirical Analysis. *Comparative Politics*, 1973, 6(1), pp. 99–121.
- Burton M.G., Higley J. The Study of Political Elite Transformations. *International Review of Sociology*, 2001, 11(2), pp. 181–199.
- Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevsky A.V., Tev D.B. Institucionalizaciya regional'noj administrativnoj elity: bassejn rekrutirovaniya i kar'ernye traektorii [Institutionalization of the regional administrative elite: recruitment pool and career trajectories], *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8(2), pp. 21–54. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.2>. EDN NATXQO. (In Russian)

Chirikova A.E., Ledyaeв V.G. *Vlast' v malom rossijskom gorode* [Power in a small Russian city]. Moscow: State University Higher School of Economics, 2017. 416 p. (In Russian)

Duka A. V. Mobil'nost' i endogennost' regional'nyh politiko-administrativnyh el [Mobility and endogeneity of regional political and administrative elites]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8(1), pp. 66-99. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3>. EDN YOPBVI. (In Russian)

Endruweit G. *Elite und Entwicklung: Theorie und Empirie zum Einfluß von Eliten auf Entwicklungsprozesse*. Frankfurt am Main; New York: P. Lang, 1986. iv+502 S.

Farmer K. *The Soviet Administrative Elite*. New York: Praeger Publishers, 1992. xii+296 p.

Gaman-Golutvina O.V. *Politicheskie elity Rossii. Vekhi istoricheskoy evolyucii* [Political elites of Russia. Milestones of historical evolution]. Moscow: ROSSPEN, 2006. 448 p. EDN QOFXIN. (In Russian)

Hayek F. *Kapitalizm i istoriki* [Capitalism and historians]. Chelyabinsk: Socityum, 2012. 398 p. (In Russian)

Kryshtanovskaya O.V. *Anatomiya rossijskoj elity* [Anatomy of the Russian elite]. Moscow: Zakharov-M, 2005. 384 p. (In Russian).

Merridale C. *Der Kreml: Eine neue Geschichte Russlands*. Frankfurt am Main: Fischer, 2014. 624 S.

Mills C.R. *Vlastvuyushchaya elita* [The ruling elite]. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1959. 543 p. (In Russian)

Monina E.S., Meshcheryakova Y.V., Sharkevich I.V. Evolyucionno-strukturnyj analiz mezhotraslevykh proporcij v ekonomike Astrahanskoj i Volgogradskoj oblastej za 1998-2016 gg. [Evolutionary-structural analysis of intersectoral proportions in the economy of the Astrakhan and Volgograd regions for 1998–2016]. *Vestnik AGTU. Ser. «Ekonomika»* [Bulletin of ASTU. Ser. "Economics"], 2018, 2, pp. 37–44. <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2018-2-37-44>. EDN URBDNE. (In Russian).

Pareto V. *Kompendium po obshchej sociologii* [Compendium on general sociology]. 2nd ed. Moscow: Publishing house. House of the State University Higher School of Economics, 2008. 511 p. (In Russian).

Pokatov D.V. Etnokraticeskaya elita v strukture elitnyh grupp sovremennogo rossijskogo obshchestva [Ethnocratic elite in the structure of elite groups of modern Russian society], *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sociologiya. Politologiya* [Izvestiya of Saratov University. New Ser. Ser. Sociology. Politlogy], 2021, 21(2), pp. 138–142. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-138-142>. EDN DQOFTW. (In Russian)

Pokatov D.V. *Politicheseskaya regional'naya elita: sociologicheskij rakurs transformacionnoj dinamiki* [Political regional elite: sociological perspective of transformation dynamics]. Moscow: IPC "Mask", 2017. 164 p. (In Russian).

Seltser D. G. Rekrutirovanie lokal'noj administrativnoj elity Rossii: iskhodnye dannye dlya postroeniya sistemno-dinamicheskoy modeli [Recruitment of the local

administrative elite of Russia: initial data for building a system-dynamic model]. *Pro nunc*, 2017, 2, pp. 27–32. EDN LHKKNJ. (In Russian)

Shentyakova A.V. Pronicaemost' kanalov rekrutirovaniya v politicheskuyu elitu [Permeability of recruitment channels into the political elite]. *Vestnik SPbGU, Ser. 6*. [Vestnik of St. Petersburg State University, Series 6], 2015, 3, pp. 46–56. EDN UXWWYD. (In Russian)

Zinoviev A.A. *Na puti k sverhobshchestvu* [On the way to supersociety]. Moscow: Neva Publishing House, 2004. 608 p. (In Russian)

ВЛАСТЬ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ

НАЗАД В ОБЩИНУ: ДИНАМИКА ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ АССАМБЛЯЖЕЙ В ГОРОДАХ СИБИРИ (1991–2021)

Ю.А. Пустовойт

(pustovoit1963@gmail.com)

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
Новосибирск, Россия

Цитирование: Пустовойт Ю.А. Назад в общину: динамика политико-административных ассамбляжей в городах Сибири (1991–2021 г.) // Власть и элиты. 2023. Т. 10, № 1. С. 156–189.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.6>
EDN RWQLUP

Аннотация. *Рассматривается проблема влияния городского пространства, образа жизни, особенностей городских сетей и сообществ, организаций и институтов на политические процессы и возникновение властных коалиций на территории города. На основе онтологии и основных положений теории ассамбляжей мексикано-американского исследователя М. Деланды и методов сходства и различия (Ч. Рэгин, Н. Розов) сопоставлена динамика изменения социальных, культурных, организационных и политических компонентов в 13 сибирских городах (центрах регионов) в ходе избирательных кампаний 1991–2021 гг. Предложено и обосновано введение концепта «политико-административный ассамбляж» и показана процедура его выделения и оценки. На основе теоретических положений сформулирована гипотеза о долговременном влиянии на ключевые параметры*

ассамблежа различных типов географических и исторических факторов появления и развития городов (город-хаб или город-центр) с сопутствующим становлением характерных сетевых (сильных-эмоциональных, слабых-рациональных, организационных и классовых) сообществ, расположенных на территории организаций-источников идеологической, экономической и силовой власти, развития пространственной, деловой и символической инфраструктуры, отношений с государственной бюрократией и доминирующими на федеральном уровне партиями. Через сопоставление названных факторов-переменных, операционализируемых через подобранные маркеры, гипотеза проверена на конкретном историческом материале выбранных сибирских городов, что позволило более точно представлять сложный социально и культурно обоснованный комплекс стимулов, способных влиять на решения индивидуальных и групповых политических субъектов и обуславливающих траекторию движения по различным моделям уровня политической конкуренции и чистоты административных процедур. Отдельно выделены и на основе мобилизационных повесток проанализированы электоральные циклы. Показано, как и в какие периоды происходит возникновение, становление, стабилизация и, с различием в скорости, поглощение государством городских ассамблежей и вероятные последствия исчезновения конкурсной политики из городской жизни.

Ключевые слова: город, ассамблеж, властные группы, сети, мобилизационная повестка, городской режим, Сибирь.

ВВЕДЕНИЕ, ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И ГИПОТЕЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Почему на фоне общего сворачивания политической конкуренции в стране есть города, где результаты выборов до 2021 г. не были предопределены в силу регулярного выдвижения серьезных конкурентов действующей власти и наличия барьеров, не допускающих аберраций (фальсификаций) результатов? Для ответа на этот вопрос мы рассмотрели ход, агитационный материал и результаты избирательных кампаний в городах Сибири с 1991 по 2021 г. Фокус нашего исследования сосредоточен на выявлении влияния городского образа жизни на политические процессы, в нем протекающие: образование коалиций власти, их ресурсы и институализацию, способы легитимации, критерии эффективности и результаты управления. Наше исследовательское поле ограничено, с одной стороны, корпусом современных теорий, выстроенных в рамках «нового урбанизма», где город рассматривается

как сложная система потоков и сетей, включающих в себя человеческие и нечеловеческие компоненты [Амин, Трифт 2017], с другой — работами, рассматривающими «городскую политику» только в рамках решения местных проблем через структуры муниципального управления. Здесь наиболее близкой перспективой будут исследования, выполненные в русле выявления, описания и анализа результатов деятельности властных групп в современном городе: Р. Флориды, Г. Ревзина, В. Россмана, В. Вахштайна, М. Манна, Р. Даля, Кл. Стоуна, Молоча, Дж. Логана, В. Ледяева, А. Чириковой, В. Гельмана, Ю. Плюснина.

Традиционно описание городов включало в себя его географию и пространственные характеристики, образ жизни и экономику его жителей, а также структуру власти и порядки занятия управленческих должностей, а также влияние этих трех параметров друг на друга. «Строительство крупных зданий и впечатления от вызывающей благоговение архитектуры тесно связаны с такими элементами человеческой природы, как стремление поддерживать в обществе социальный порядок и определенные отношения между властями и подчиненными. Возможно, здесь мы имеем дело с эволюционным продолжением основных процессов, управляющих поведением животных и их инстинктом агрессии и господства над территорией» [Эллард 2015: 88–89]. Профессиональные группы, служащие источниками и осуществляющие власть в городе, менялись на протяжении истории и имели различные объемы полномочий и возможностей манипулировать городской средой в политических целях: от древних жрецов и священников к военным, торговцам фабрикантам и рабочим мы можем наблюдать утверждение принципов доминирования как «в камне», так и в организации общественных порядков и поддержании групповых границ [Манн 2018: 301; Ревзин 2019: 7; Россман 2013: 12].

Городской образ жизни, утверждаясь в современном виде в Западной Европе с середины XIX в., попадает в область внимания первых исследователей-социологов, встревоженных разрывом привычных связей солидарности. Так, Фердинанд Теннис считал, что горожанин возникает в тот момент, когда индустриальная революция размывает общность. *Gemeinschaft* — естественное объединение людей, держащееся на традиционных связях семьи, родства, близости проживания, где каждый контролирует каждого, зная друг друга в лицо, что превращает их в общество (*Gesellschaft*), слабую ассоциацию людей атомов, преследующих собственные интересы [Теннис 2002]. Закономерно возникает вопрос,

как организуются власть и управление в этих городах, где, перефразируя «критерии городского» Л. Вирта, «в тесноте и обиде живет и работает масса очень разных людей» (цит. по: [Вахштайн¹ 2022: 134]).

Корпус эмпирических исследований власти в городских сообществах XX в. позволил сделать вывод о двух конкурирующих ключевых субъектах городского управления, связанных с капитализмом (бизнес во всех его проявлениях) и национальным государством (политические лидеры), и был разработан набор концепций их взаимодействия, например «теории режимов» и «машин роста», объяснительный потенциал которых невозможно в полной мере использовать в силу институциональных различий и локального разнообразия для анализа городских политических процессов в современной России [Ледяев 2013: 427–428]. Тем не менее в эмпирических исследованиях, построенных в концептуальных рамках режимной теории, и в работах, рассматривающих локальную политику в концептуальном аппарате теории «политических машин» или ориентированных на собственный концептуальный аппарат «провинциального (сословного) общества», были сделаны попытки теоретического обобщения о том, кто, как и зачем стремится к доминированию в российских городах и в чем здесь проявляется специфика современного российского политического процесса. Сделаны выводы о существенных различиях в «четыре России» и связанных с этими перспективами и возможностями развития [Зубаревич 2017], становлении централизованного субнационального партийного авторитаризма [Гельман 2009: 60–61], доминировании в небольших городах и поселениях как «служилых сословий» (госслужащих), так и архаичных, построенных на родстве и соседстве системах низовой самоорганизации [Плюснин 2022], характерном для малых городов узкого круга людей, обладающих властью и ресурсами, связанных неформальными отношениями, двойной идентичностью (чиновников-бизнесменов) и недобровольным сотрудничеством бизнеса [Чирикова, Ледяев 2017: 400].

Таким образом просматривается тенденция взаимосвязи размеров города и численности жителей. При их уменьшении местные структуры власти становятся все менее и менее дифференцированными (неразделенность политики и бизнеса, что нагляднее всего проявляется в двойной идентичности: чиновник и предприниматель здесь часто одно лицо), архаическими (отказ от регламентированных процедур и фор-

---

¹ 22 апреля 2022 г. Минюст России внес В. Вахштайна в список иностранных агентов.

мальных стандартов в пользу моральных критериев), авторитарными и очень лояльными к региональным и федеральным структурам (по крайней мере по формальным показателям). На наш взгляд, картина намного сложнее: достаточно крупные индустриальные города Кузбасса в целом демонстрируют высокую степень отзывчивости на любые президентские инициативы, а поселения Алтайского края на последних выборах Президента РФ (2018), напротив, поддерживали оппозиционного кандидата от КПРФ.

Как и на каких основаниях осуществляется сборка городских политических, социальных и инфраструктурных компонентов в относительно единое целое и почему возникают существенные различия между этими образованиями? Наша гипотеза состоит в том, что конфигурация властной группы и доминирующий корпус действующих в них формальных и неформальных правил зависит от многообразия групп и сфер деятельности, возникших и получающих развитие в городе, и способностей сообществ и институтов строить взаимовыгодные отношения. Это позволит выделить два типа городов: города-хабы, находящиеся на пересечении торговых потоков и капиталов, и города-центры — места сосредоточения и переработки материальных и социальных ресурсов. Для первых характерен гетерогенный состав жителей, разнообразие возможностей и рост экономической и социальной конкуренции, что требует создания универсальных правил, регулирующих доступ к политическим позициям и соблюдения принятых регламентов. Для вторых, где основу власти составляют делегированные федеральным и (или) региональным центром полномочия, характерны самодостаточные властные объединения, где доступ к ресурсам зависит от персональных договоренностей лидеров. Для проверки гипотезы мы рассмотрели политическую историю 13 городов Сибири, с одной стороны, проверяя теоретические положения на конкретном эмпирическом материале, используя логические методы анализа причинных связей [Розов 2001: 90—128], с другой — двигаясь от собранного массива эмпирических данных, основу которого составляют материалы избирательных кампаний и интервью участников политических баталий, собираемые нами с 1997 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И КОНЦЕПТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основным понятием нашего исследования выступает понятие ассамблея (сборки), введенное М. Деландой и означающее конструкции или динамические отношения, существующие в виде автономных целостностей, которые состоят из гетерогенных частей, в свою очередь, также являющиеся ассамблеями. Концепт заимствован у Ж. Делеза и Ф. Гваттари, которые ставили перед собой задачу продемонстрировать самоорганизацию множественных процессов в воспроизводимые объекты или системы. «Что такое сборка? Это множественность, которая состоит из многих разнородных деталей и устанавливает связи, отношения между ними, по возрасту, полу и правит — разными природами. Таким образом, единственное, что объединяет сборку, — это единство взаимодействия: симбиоз, “симпатия”. Важны не родственные отношения, но альянсы, сплавы; это не последовательности, линии происхождения, но инфекции, эпидемии, ветер» [Deleuze, Parnet 2002: 69]. При этом стоит уточнить, что понятие сборки не является семантически единым. Делез использует слово *agencement* («расположение, компоновка»), тогда как *assemblage* появился уже в англоязычных переводах его работ (начиная с перевода «Тысячи плато» Брайаном Массуми) [Красавин 2019: 140]. В работах М. Деланды концепт «ассамблеж» получает вполне предметное социологическое содержание.

«Ассамблежи, будучи целостностями, чьи свойства возникают из взаимодействия частей, можно использовать в целях образования этих промежуточных сущностей: межличностные сети и институциональные организации являются ассамблеями людей; движения социальной справедливости — это ассамблежи сети из нескольких сообществ; центральные правительства — это ассамблежи нескольких организаций; города — это ассамблежи людей, сетей, организаций, равно как и ряда инфраструктурных компонентов: от зданий и улиц до трубопроводов для потоков материи и энергии; государства — это ассамблежи городов, географических регионов, образованных городами, и провинций, сформированных несколькими подобными регионами». Ни один из этих уровней сборки не считается самостоятельным, не имеет онтологического приоритета, компоненты могут свободно перемещаются из ассамблея в ассамблеж и вступать в процессе коэволюции в обязательные отношения друг с другом. Здесь Деланда

в противовес метафоре «общества как организма» приводит пример метафоры из Ж. Делеза «оса и орхидея» [Деланда 2018: 13–20]. Онтология, предложенная исследователем, серьезно отличается от привычных нам способов рассмотрения социального мира и подразумевает пять ключевых аспектов, выделенных исследователем его творчества Гр. Хартманом:

— реализм (центральный концепт ассамбляж, «не единое целое», обозначает сочетания материальных и нематериальных компонентов, каждый ассамбляж рассматривается как индивид и возникает из до-индивидуальных компонентов, свои свойства он получает из взаимодействия элементов, пример «оса — орхидея»);

— антисущность (каждая составная часть ассамбляжа обладает набором свойств, которые формируются в результате способностей к взаимодействию с другими частями);

— абсолютное разделение видов и родов (нет никаких видов, есть только популяции индивидов, каждый со своей неповторимой историей, базовыми объединяющими понятиями выступают род, типы, пространства возможностей, аттракторы, топологические инварианты и универсальные сингулярности);

— катализ вместо механической причинности (вместо причин, каждый раз ведущих к одним и тем же следствиям, предлагается рассматривать причину как катализатор чего-то без отсутствия автоматизма);

— организация мира по двум осям (компоненты ассамбляжа могут играть материальную — тела, здания, средства, пространства — и экспрессивную — язык, символы, компоненты, которые в отсутствие наблюдателя, способного их считать будут частью материального, роли; вторая ось показывает направленность процессов к внутренней гомогенизации (территоризация) и (или) размыванию идентичности (детерриторизация), процессы могут идти одновременно или один может доминировать) [Хартман 2017: 1–34].

«Почему оса вступает в отношение сексуального порядка с орхидеей, если учитывать, что с одной стороны, есть опыление, а с другой стороны, со стороны осы, воспроизводства не будет? Этологи объясняют, что здесь имеется отношение между двумя режимами кодов, возникающее в параллельной эволюции двух видов. Эти два вида не имеют никакого отношения друг к другу, однако в какой-то момент возникает встреча, которая изменяет их становление» [Досс 2021: 29]. Несмотря на некоторую экзотичность и кажущуюся сложность оптики

рассмотрения мира, есть как минимум два вполне традиционных подхода, в той или иной мере сопоставимые предлагаемому концепту Ж. Делеза и Ф. Гваттари — сборке, «встрече» двух компонентов, не имеющих с друг другом ничего общего, но создающих нечто общее. К. Стоун, рассматривая возникновение и эволюцию политики в Атланте в 1940-е годы, обращает внимание на то, что городские власти не могут проводить свои решения без кооперации с негосударственными акторами, обладающими необходимыми ресурсами. Режим (стабильная совокупность формальных и неформальных договоренностей, позволяющих управлять общностью) опирался на электоральные ресурсы афроамериканской общности и материальные и организационные ресурсы «белого» бизнеса. Стратегическая цель (повестка) была достигнута за счет экономического роста и изживания остатков расизма [Ледяев 2012: 74–75]. М. Манн вводит понятие интерстиционального возникновения (*interstitium* — «расстояние, зазор») для описания процесса возникновения новых организаций власти, которые не возникают из прежних идеологических, экономических, силовых и политико-административных властных организаций, а существуют вместе с ними, в них, на границах, в зачаточном и неразвитом виде, но при возникновении подходящих, случайных обстоятельств (несовпадение сетей власти, некогерентность институтов и функций) выходят на первый план [Манн 2018: 54–56]. «Если военная машина быстро приспособливается, рассеивая трение и позволяя случайным событиям активировать процедуры и способности, сборка человека и машины может произвести эмерджентные качества и порядок из хаоса... Если трение накапливается, оно может создать петлю обратной связи, как при неуправляемом взрыве, в котором неопределенность нарастает, парализуя нервную систему и приведя военную машину к короткому замыканию», — так характеризует значение сборки М. Деланда [Деланда 2014: 119].

Таким образом, в этой работе мы используем понятия сборки и ассамблежа скорее как синонимы, но в первом случае делаем акцент на процессе, во втором — на результате. Такой подход к сборке вполне оправдан («нужно понимать ее и как глагол, и как существительное») и вполне укладывается в концептуальные идеи Ж. Делеза, как считает исследователь современных методов анализа Дж. Ло [Ло 2015: 92].

Итак, сборка (ассамблеж) — это процесс и результат взаимодействия двух или более автономных самостоятельных компонентов, при котором возникает новая, необратимая и упорядоченная не единая целостность,

обладающая новым набором качеств и свойств, позволяющая ей устанавливать собственные границы и строить отношения с другими ассамблеями. Считаем, что при рассмотрении политических (властных, не ценовых отношений) продуктивным будет введение понятия политико-административный ассамбляж. Под последним мы будем понимать автономную целостность, состоящую из гетерогенных частей различной природы (людей, сетей, организаций, институтов, материальной инфраструктуры), способную оказывать принудительную координацию других ассамблежей на основе легитимного признания за ним права определять ценностные приоритеты сообщества, правила и объемы распределения ресурсов, обязательные социальные стандарты и осуществление контроля над их соблюдением. Таким образом, предложенный концепт ассамбляжа предполагает увязывание двух политических составляющих: легитимную борьбу за ключевую позицию, позволяющую ее обладателю осуществлять процесс выбора одного из множества альтернатив (экспрессивная роль), и исполнение принятого решения через планирование действий, распределение ресурсов, принятие норм и контроль за их соблюдением (материальная роль).

Политическое измерение ассамбляжа определяется его легитимностью, т.е. степенью конкуренции, принятыми на момент исследования правилами получения и замены лиц, занимающих властные должности. Маркером этого измерения считаем тождественность реальной практики борьбы за получение ключевой позиции в структуре управления его «идеальному типу», отраженному в соответствующих нормативных документах. В нашем случае это соблюдение равенства возможностей в доступе участников к открытой и публичной конкуренции за голоса электората. На одном полюсе ситуации, где участники представляют собой независимые друг от друга группы, объединения, партии и корпорации, выдвигающие своих кандидатов (корпоративизм), на другом — один из участников обладает несопоставимым объемом конкурентных преимуществ, связанных с его личностью (персонализация).

Здесь для нас были определяющими данные городских, региональных избирательных комиссий и Центризбиркома, а также сообщения СМИ об итогах выборов и кандидатах. Мы считали, что конкуренция есть, если разница набранных голосов победителя и его ближайшего оппонента не превышает 20 %. Хотя в каких-то случаях и каких-то городских компаниях конкуренция может быть очень высокой, а когда-то вообще отсутствовать, в целом в тенденциях измерение «корпора-

тивизм — персонализм» в отношении группировок городов скорее не вызывает серьезных возражений. Во многом оценки совпадают с выводами других исследователей, использующих, например, концепт демократичности [Петров¹, Титков 2013].

Административное измерение ассамблея связано с чистотой формальных процедур и их искажением, абберацией, соответствия принятия решений существующим формальным стандартам, ее регламентирующим и закрепления этих решений на материальных носителях. Маркером должного уровня стандартизации в нашем случае выступает отсутствие искажений итогов голосования на выборах.

Определение объемов абберации представляет собой сложную задачу, так как эта область манипуляций с подсчетом голосов находится вне правового поля и представляет собой достаточно чувствительную зону для их участников и контролирующих структур. Тем не менее для того, чтобы отнести город к тому или иному полюсу, мы ориентируемся на два критерия. Первый — статистический. С декабрьских выборов в Государственную Думу 2011 г. были разработаны методологии анализа итогов голосования, которая позволяет с достаточной степенью уверенности говорить о масштабе отклонений на уровне участковых, территориальных и региональных избирательных комиссий [Шпилькин² 2011; Овчинников 2012]. В ходе интервью (второй критерий) в городах (в большей степени это касается Кемеровской области) информанты (политики, члены территориальных избирательных комиссий и администраторы) с той или иной долей эмоциональности рассказывали о абберациях (фальсификациях) как об обыденном явлении.

Полюсами континуума выступают две «идеальные модели» персонафицированной (харизматической) абберации (отсутствуют оба маркера) и корпоративной (коллективной) прозрачности (оба маркера присутствуют).

Взятые за основу онтологические принципы «новой социальной философии» дают возможность рассматривать эмоциональные и когнитивные проявления, поступки людей и материальные объекты в рамках

---

¹ 3 июня 2022 г. Минюст РФ внес Петрова в реестр «СМИ-иностранцев», в соответствии с распоряжением Министерства юстиции Российской Федерации от 8 апреля 2022 г. Московский центр Карнеги, представлявший в России Фонд Карнеги за международный мир (США), прекратил свою работу.

² 10 февраля 2023 г. Минюст России внес С. Шпилькина в список иностранных агентов.

единой теории. Подход позволяет связывать микроуровень и макроуровень, уровень индивидуального человека с уровнем больших социальных существ (национальных государств) и позволяет нечетко определенные общие сущности («рынки», «государство») связывать с конкретными ассамблеями. Например, вслед за Ф. Броделем рынок рассматривается как конкретная организация в малом городе, место торговли, состоящее из людей и товаров одновременно материальных и экспрессивных, состоящий из мельчайших рынков (сельской территории) и встраивающийся в более масштабную систему экономических обменов (региональный рынок крупного урбанистического центра).

В этой оптике политико-административный ассамблеж города включает в себя:

— жителей, их разговоры, поступки и последствия взаимодействий в которые входят различные сети со слабыми и сильными связями (семьи, сообщества, профессиональные объединения), группы политических активистов, ориентированных на участие и неучастие в различных массовых мероприятиях (протестных акциях и провластных митингах), классовые сообщества, позиции в которых зависят в первую очередь от объема экономического капитала;

— организации и правительства, т.е. идеологические организации, связанные с университетами и средствами массовой информации, экономические структуры, расположенные на городской территории (промышленность и бизнес), силовые ведомства и криминальные структуры (армия, полиция, спецслужбы и силовые предприниматели различной степени легализации от рэкетиров до охранных агентств), муниципальную систему управления, ее сотрудников и территориальные активы (бюджет и земельные ресурсы);

— государственные структуры, организованные на местах партийные структуры и местные учреждения, действующие под управлением государственной бюрократии.

Вместе с тем элементами городского ассамблея выступают инфраструктурные материальные объекты (здания, дороги, сети и коммуникации). Это позволяет описывать и объяснять динамику политической жизни и зависимость формирования властных групп не только от протяженности и состояния коммунальной инфраструктуры («подлинная вертикаль власти — труба центрального отопления»), но и влияния протяженности городского пространства, масштаба и дизайна сооружений на умонастроения горожан, их чувство места и комфорт. По-

нятно, что городская политика произрастает из прошлого и величественная архитектура, возможности относительно быстрого перемещения в пространстве, чистота улиц и широкий спектр возможностей самореализации в одних городах, однотипные здания и сооружения, торчащие на слабосвязанных между собою пустырях с многочисленными пивными точками, компаниями подростков и незатейливым времяпровождением в других стимулируют возникновение и развитие различных траекторий политических процессов даже в условно близком институциональном дизайне.

Первый комплекс факторов связан с сетями, организациями и влиянием государственных компонентов на местную политику и имеет относительно долгую историю становления. Необходимо рассмотреть возникновение сообществ, историю становления расплoжeнных на территории города организаций и их значение в городской жизни, развитие городской инфраструктуры, взаимоотношения с региональными и федеральными властями, значимыми федеральными партиями и администрациями. Сборка здесь включает компоненты и отношения между ними, учитывая не только опыт решения проблем и традиции урегулирования споров и конфликтов, но и закрепленные неформальные и формализованные стандарты

Второй комплекс факторов, действующий непродолжительное время, появился относительно недавно, связан с избирательными кампаниями и мобилизацией электората для получения (закрепления) значимых позиций в системе местного управления. Здесь процесс ассамблежа происходит в очень короткие сроки, за который гипотетически может измениться не только состав политико-административных структур, но и приоритеты финансирования, области определения ключевых проблем, социальные нормы и степень контроля за их выполнением. На городском уровне эти изменения могут быть достаточно существенными по своим последствиям и приход на значимые позиции людей, не имеющих опыта управления, или напротив длительная несменяемость авторитетных мэров может приводить как к конструктивным, так и к негативным последствиям.

Таким образом, мы полагаем, что политико-административный ассамблеж в наиболее отчетливой форме проявляется в кризисных ситуациях оспаривания значимых позиций в управлении как в ходе конвенциональных действий (выборов), так и не конвенциональных проявлений активностей (элитных переворотов, протестов или рево-

люций). Город выступает как естественная лаборатория возникновения, стабилизации и изменений политико-административных ассамблежей, где комбинации различных гетерогенных объектов в процессе коэволюции способствуют появлению различных типов отношений, представляющих идеальные типы сочетаний акторов и правил взаимодействия, расположенных на противоположных полюсах континуума: от персонифицируемой фабричной (централизация власти одним физическим лицом, способным менять любые социальные стандарты) до корпоративной прозрачности (разделение власти внутри группы при соблюдении выработанных норм).

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ФАКТОРЫ: СЕТИ, ОРГАНИЗАЦИИ, ИНФРАСТРУКТУРА, ГОСУДАРСТВО

При выделении и оценке политико-административных ассамблежей в городах Сибири мы опираемся прежде всего на результаты эмпирических исследований конца 1990-х — начала 2000-х годов, работы по изучению городской политики в середине нулевых и серию полевых работ с 2012 г. до настоящего времени. В этих проектах использовался различный концептуальный аппарат (теория элит, макроисторический подход, теория городских режимов), но все они были сосредоточены вокруг городской политики и предполагали обращение к эмпирическим методам сбора и анализа данных. Обычно исследовательский проект включал в себя серию интервью (от 10 до 60 встреч и бесед, ориентированных в основном на реконструкцию жизненного опыта респондента, его автобиографию и оценки происходящего), включенное наблюдение, анализ результатов избирательного процесса всех уровней, анализ агитационного материала, используемого в ходе избирательных кампаний (по материалам архивов), анализ политических публикаций местных, региональных и федеральных СМИ, сбор из открытых источников биографических данных по конкретным персонам. По городам Новосибирск и Новокузнецк, представляющих собой противоположные критические случаи, собран и обработан основной массив всех видов данных, в меньшем объеме исследовались политические процессы в Томске, Барнауле, Абакане, Кемерово, где тем не менее были собраны интервью и обработаны медиа-сообщения последнего протестного периода. События в Омске, Горно-Алтайске, Кызыле, Чите, Улан-Удэ, Иркутске анализировались через публикации, открытые источники, результаты электоральных кампаний и официальную статистику.

Опираясь на эти показатели, политико-административный ассамбляж исследуемых городов будет представлен четырьмя идеальными типами от корпоративной прозрачности на одном полюсе до персонифицированной аберрации на другом. Мы предлагаем оценивать соответствие ассамбляжа идеальному типу по четырехбалльной шкале, где корпоративная прозрачность получит оценку «4» (1;1 — в двоичной системе), персонифицированная прозрачность — «3» (0;1), корпоративная аберрация — «2» (1;0), персонифицированная аберрация — «1» (0;0). Сибирские города в этом случае будут выглядеть следующим образом: «4» — борьба местных элит при честном подсчете голосов (Томск, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Барнаул); «3» — персонификация, наличие явного лидера, при отсутствии аберраций (Омск, Чита, Абакан); «2» — непрозрачный подсчет, но открытая конкуренция политических субъектов (Горно-Алтайск, Улан-Уде); «1» (0;0) — персонифицированная аберрация (города Кузбасса, Кызыл).

Опираясь на положение М. Деланды, согласно которому каждая социальная сущность возникает из сущностей меньшего масштаба, сохраняя при этом определенную автономию, введем две переменные, определяющие становление ассамблежей различных типов: многообразие и связанность.

Многообразие — это наличие нескольких компонентов, качества которых не могут быть сведены друг к другу. Это означает, что компонентов больше трех и между ними больше различий, чем сходств. В сетях, мы определяем различия по целям и ценностям людей, поддерживающих в них взаимодействия, рассматривая организации и институты, мы ориентируемся на их отношения к источникам власти, число и влияние на определенной территории, на уровне взаимоотношений с государством, мы показываем различия в пространственной инфраструктуре, архитектуре и комплексами политических связей и символических продуктов, появляющихся на территории города. На этом этапе исследования предлагаем оценивать многообразие по двухбалльной системе (есть или нет, выше или ниже порогового уровня (три компонента)).

Связанность рассматривается нами как мера силы между различными компонентами ассамбляжа, способ и степень выполнения ими совместных функциональных задач, она показывает, насколько элементы соответствуют главной цели. На уровне сетей маркером связанности выступает привлекательность для творческой молодежи (критерии Флориды [Флорида 2014: 208]), на уровне организаций — способность

обеспечить рост (критерий «машин роста» [Логан, Молоч, 2009]), на уровне пространства — инфраструктурная, политическая и символическая связанность. Здесь так же двухбалльная система оценок: есть (сильная связанность выше порогового уровня) или нет (слабая связанность ниже порогового уровня).

На основе подхода М. Деланды на этом уровне мы можем предположить четыре наиболее значимых типа сетевых взаимодействий и возникающих на их основе сообществ, оказывающих влияние на становление политико-административных ассамбляжей в городах. «Сети страстей» построены на сильных связях и регулярных взаимодействиях, здесь основа солидарности — ритуал, способные повышать личную самооценку на основе членства в общности, обладающей, по мнению ее членов, более высоким статусом и положительной репутацией. Маркером развития этого типа сетей в городе считаем содержание городского футбольного или хоккейного клуба. «Сети целей», объединения, состоящие из людей, ориентированных на деловые связи, члены этих сообществ стремятся получать лично значимую информацию, способной расширить их индивидуальные и социальные возможности. Маркером выступает развитие медиасреды¹. «Сети справедливости» — регулярные взаимодействия индивидов и групп, направленные на расширение коллективных возможностей, включают в себя как акторов, добивающихся политических целей, так и их оппонентов и властей [Деланда 2018: 74–78]. Маркером служит участие в публичных городских общественных и политических мероприятиях. На этом этапе исследования мы сравнивали количество людей, принявших участия в акции «Бессмертный полк»². Критерием разделения было правило «масштаба выступления — 3,5 %», используемое исследователем Эрикой Ченновет [Stephan, Chenoweth 2008: 7–11]. «Сети классов» — контакты и взаимодействия на регулярной и нерегулярной основе, обеспечивающее привилегированный доступ к разнообразным ресурсам и культурному, социальному и экономическому капиталам. Мар-

---

¹ Отчет «Индекс развития медиасферы — 2018. Динамика институционального развития средств массовой информации в субъектах РФ верхнего уровня в 2015–2018 гг.» URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/75c/otchet-msindex-2018_final-na-sajt.pdf (дата обращения: 22.11.2023).

² Мы использовали данные по городам, расположенные на сайте «Акция «Бессмертный полк». История и организаторы». URL: <https://tass.ru/info/6412958> (дата обращения: 22.11.2023).

кером были исследования по «географии богатства» и средней заработной плате в городах России¹.

Не все маркеры оказались перспективными в ходе сравнения городов методом сходства и различия, что может быть следствием как ошибки в их выборе, неудачной операционализации, так и отсутствия значимых связей. Тем не менее уверенно можно отметить контрасты по трем сетевым позициям. В городах корпоративной прозрачности участие в акции «Бессмертный полк» выше, чем в городах персонифицированной аберрации. Здесь выше индекс развития медиасреды и соответственно больше возможности установления слабых связей, как правило, выше численность обеспеченных людей и выше уровень средней заработной платы. В городах корпоративной прозрачности есть и многообразие, и связанность. В них большее число студентов², сильные КВН-команды (критерий объемов творческой молодежи) и, судя по всему, выше толерантность (в настоящий момент по этому показателю нет надежных данных).

Рассматривая ассамблежи организаций, мы опирались на типологию, предложенную М. Манном, где структура и история обществ показана через взаимодействие четырех источников социальной власти: идеологической, экономической, военной и политической. Согласно его положениям, источники власти независимы друг от друга и представляют собой накладывающиеся сети взаимодействия и организации достижения человеческих целей. Центральная проблема здесь заключается в способности контролировать людей, материалы и территории. Маркерами влияния идеологических, экономических и силовых организаций мы считали высокое место в рейтингах университетов, развитии местных средств массовой информации (идеологический источник), корпораций, находящихся на территории города и объема городского валового продукта (ГВП), наличие высшего учебного за-

---

¹ География богатства. Оценка численности миллионеров в России // Skolkovo.ru. URL: <https://www.skolkovo.ru/researches/geografiya-bogatstva-ocenka-chislennosti-millionerov-v-rossii/> (дата обращения: 22.11.2023); Федеральная служба государственной статистики. Неравенство и бедность. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 22.11.2023).

² Число студентов (выше или ниже общесреднего по стране 3,3 % от населения в регионе) Минобрнауки России МИРЭА // Российский технологический университет. Главный информационно-вычислительный центр (19 апреля 2019). URL: <https://miccedu.ru/> (дата обращения: 22.11.2023).

ведения для подготовки сотрудников силовых структур. Здесь наиболее резкие различия показал рейтинг престижных университетов и СМИ, в городах корпоративно-прозрачного ассамбляжа (Томск, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Барнаул) высокие показатели, персонифицированных aberrаций (Кемерово, Новокузнецк, Кызыл) — низкие¹.

Остальные маркеры так же в тенденциях имеют контрастные различия, но есть аномалии, которые требуют детальной интерпретации в каждом случае. Отметим, что в городах кооперативной прозрачности число влиятельных организаций и диверсификация видов деятельности выше. Обращаясь к исследованиям городов, критерии и результаты которых могут быть показатели продуктивного взаимодействия социальных, экономических и политических организаций, то есть связанности (богатство и самостоятельность², комфортабельность и доступность благ³, создание благоприятных условий для малого и среднего бизнеса и число этих организаций⁴), мы видим, что в городах, где политика строится по модели корпоративной прозрачности, есть богатство, самостоятельность, доступность благ. В городах-моделях ассамбляжей персонифицированной aberrации: есть богатство, но нет самостоятельности, комфорта и при благоприятных условиях не увеличивается число организаций малого и среднего бизнеса.

На следующем уровне — «город и государство» — ведущую роль начинают играть пространственные характеристики и здесь основным выступает критерий связанности. Критерий многообразия в городах корпоративной прозрачности представлен в наиболее наглядной форме числом различных архитектурных стилей, зданий и сооружений на центральных городских проспектах и улицах, здесь шире представлен

---

¹ Мы использовали для рейтинга университетов: Топ-100 вузов России // Агентство RAEX. 2022. URL: https://raex-rr.com/education/universities/rating_of_universities_of_russia (дата обращения: 22.11.2023). Для рейтинга СМИ см.: URL: <https://www.liveinternet.ru/rating/ru/media/> (дата обращения: 22.11.2023).

² Богатство и самостоятельность: что делает бюджет города устойчивым 2017 // Strelka kb. URL: <http://citybudget.strelka-kb.com/> (дата обращения: 22.11.2023).

³ Куда податься: лучшие города для первой работы. Привлекательность городов для выпускников вузов // Strelka kb. URL: https://img-cdn.tinkoffjournal.ru/-/strelka_kb_alumni_rating_2018_full.pdf (дата обращения: 22.11.2023).

⁴ Рейтинг 1115 городов России условия и уровень развития малого и среднего предпринимательства // Strelka kb. URL: <https://msp.strelka-kb.com/> (дата обращения: 22.11.2023).

спектр политических движений и партий, часть из которых не только организует и проводит в исследуемый период массовые публичные мероприятия, но и участвует в выборах, как правило, здесь есть свое символическое производство по разным тематическим направлениям и жанрам, вполне конкурентноспособное в сравнении со столичными образцами: театры, галереи, литературные журналы (со своими режиссерами, художниками и писателями) и т.д.

Тем не менее наиболее значимой для этого уровня города будет выступать пространственная, политическая и символическая связанность. Первая определяется нами как включение городского пространства в общественно-деловую жизнь страны и региона (внешняя связанность) и в повседневные перемещения его жителей (внутренняя связанность), материальные характеристики города, обжитость пространства его благополучие. В качестве маркера мы будем опираться на показатели «Индекса качества городской среды»¹. Политическая связанность показывает отношения местной политики к политическим процессам на федеральном уровне: легитимность лидера национального государства, измеряемую через сопоставление голосов, отданных горожанами на выборах Президента РФ в соотношении со средними показателями по стране; высокая или низкая оценка города с точки зрения государственной бюрократии²; высокая или низкая степень партийного влияния на политические процессы, проходящие в городе.

Символическая связанность — историко-культурный комплекс публичной саморепрезентации города, включающий в себя символическую (экспрессивную) компоненту, маркером которой выступает герб, и материальную составляющую, маркером которой будет городской музей.

Здесь наибольшее расхождение между «идеальными моделями», полюсами ассамбляжей дали маркеры политической связанности по результатам поддержки доминирующей партии в местных законодательных органах. В ассамбляжах корпоративной прозрачности она отрицательная, а в персонифицированной аберрации, наоборот, члены «Единой России» составляют большинство. В первом случае символи-

---

¹ Индекс качества городской среды. Методика // Дом. РФ. URL: <https://xn--dtbccddt-syapbxk.xn--p1ai/#/methodology> (дата обращения: 22.11.2023).

² Национальный рейтинг мэров (октябрь-ноябрь 2022) // Russia-rating.ru. URL: <https://russia-rating.ru/info/21053.html> (дата обращения: 22.11.2023).

ческая связанность так же выше, чем во втором, во всех них есть городские музеи. В целом в тенденциях (есть и ряд различий) общие показатели пространственной связанности (качества городской среды и деловой инфраструктуры) городах «конкуренции и прозрачности» выше, чем в городах «персонифицируемой аберрации».

Таким образом, сборки по моделям корпоративной прозрачности возникают в городах, где есть многообразие всех видов сетей, есть ведущие университеты и свои влиятельные средства массовой информации, есть развитая деловая инфраструктура и опыт сохранения, описания и рефлексии местных истерических традиций. Здесь меньше влияние федеральных административных и партийных структур, больше творческих самостоятельных объединений, способных к созданию вполне состоятельных и конкурентоспособных символических продуктов.

КРАТКОСРОЧНЫЕ ФАКТОРЫ: МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ПОВЕСТКА

Вместе с сетевыми, организационными, пространственными, символическими компонентами, которые мы рассматривали как оказывающие наиболее существенное и длительное влияние и предопределяющие основные и наиболее вероятные направления политико-административной сборки по идеально типическим моделям «корпорации-персонификации» и «прозрачности-аберрации», рассмотрим изменения политического дизайна, как результат прихода к власти более эффективных в электоральный период групп и объединений. Как показывает опыт 1990-х годов, организованное объединение может выиграть выборы, провести к должности своего кандидата и с тем или иным успехом обеспечить свое политическое и, часто, экономическое будущее себя, своих друзей и близких родственников. Насколько при этом в выигрыше остается население — другой вопрос, но здесь наша цель не столько давать моральные оценки, сколько проследить, как и почему менялись приоритеты и цели городского развития в рассмотренный период с 1991 по 2023 г. Для этого мы введем понятие мобилизационной повестки, предложим ее типологию, кратко покажем основные изменения и периоды здесь происходившие. В качестве эмпирической базы здесь мы опираемся на ход и результаты избирательных кампаний городского уровня, агитационный материал, сообщения средств массовой информации и фрагменты

биографических интервью. Понятно, что мы в этой публикации не можем воспроизвести все многообразие методов и каналов электорального влияния по всем кандидатам и городам и сосредоточим свое внимание на общих тенденциях, лишь отметив, что наши выводы опираются на более ранние опубликованные работы (см., например: [Пустовойт 2019; Пустовойт 2022]).

Предлагаемый подход основан на способах техники отбора, тиражирования и концентрации внимания электората на значимой области проблем, способных побудить избирателя отдать свой голос за того или иного индивидуального или группового субъекта. Теоретической основой для нас выступают работы Ч. Тилли, рассмотревшего процесс мобилизации и получения группового контроля как один из основных компонентов коллективного действия [Тилли 2019: 101–102], Р. Коллинза, предложившего, схему фокусировки внимания в процессе группообразования [Collins 2004], Дж. Голдстоуна [Голдстоун 2006], подчеркнувшего важность реконструкции групповых эмоций и интересов для прогнозов стабильности государственных институтов и организаций, исследователей Максвелла Маккомбса и Дональда Шоу, эмпирически доказавшими важность числа сообщений о проблемах [McCombs, Shaw 1974: 176–187].

Мобилизационная повестка — комплекс публичных печатных и аудиовизуальных высказываний, содержащий аргументированный перечень актуальных проблем и способов их разрешения, имеющий целью установление контроля политического сообщества над значимыми ресурсами (бюджетом, назначениями, доступом к СМИ). Считаем, что помимо содержания (иерархии проблем и способов их преодоления) здесь имеет значение и выбранный способ сборки мобилизационных компонентов в единое целое. Если рассматривать процесс мобилизации, как публично высказанное, волевое («будем делать так») предложение для решения сложных проблем в условиях неопределенности, то процесс мобилизации сопоставимым с теми решениями, которые в условиях войны применялись для того, чтобы справляться с угрожающими жизни группами факторов. Подробно этой проблеме «рассеивания трения», преодоления сообществами и организациями страхов, ошибок, надежд и тревог посвящена первая книга М. Деланды «Война в эпоху разумных машин». Способ состыковки различных элементов определяется доминирующей технологией, где пролеживается эволюция «логики современной войны» как «часы-мотор-компьютерная сеть» [Де-

ланда 2018: 202], что позволяет нам выделить в области электоральной политики, помимо содержания, три доминирующих способа мобилизации, которые мы обозначили как «инерционный» (часы), «мотивационный» (мотор), «рейтинговый» (компьютерная сеть).

1. Инерционная повестка. Моделью этой повестки выступает создание солидарности и «командного духа» синхронизации ритмов всей популяции. Это наиболее древний способ консолидации (служившие в армии хорошо помнят строевую подготовку и многочасовую муштру), но и огромные митинги с не меньшим успехом генерируют общие эмоции. Соответственно инерционная мобилизационная повестка подразумевает: повторяемость, небольшой диапазон сильных эмоций и упрощение подаваемых тем. Здесь не затрагиваются сложные проблемы, социальная жизнь упрощается до лозунгов и стереотипов, чаще всего ее тиражирование сводится к регулярно повторяемым сообщениям, сконструированным по законам пропаганды и сведенным к набору удачных лозунгов.

2. Мотивационная мобилизационная повестка. Моделью повестки выступает двигатель. Если часовой механизм подразумевает движение по определенной и заданной траектории, то «двигатель», «мотивированный многоцелевой солдат», социальное изобретение Наполеона, предложившего делать ставку на личную инициативу и выбор. Приобретенная гибкость увеличила поток необходимой информации и привела к созданию отдельных центров управления и планирования, требующих точных сведений для принятия адекватных решений. В области политики это означает подчеркивание различий с оппонентами и, при неизменности расхождения ключевых ценностей возможность проводить быстрые тактические перестановки позиций по отдельным вопросам в зависимости от рейтингов значимости проблем. Акцент в этом случае делается на долгосрочном сотрудничестве с электоратом, его воспитание и поддержка.

3. Рейтинговая мобилизационная повестка. Ее основу в военной технологии составляет переход от двигателя к сети, что нашло отражение в понятии и технологии «Блицкрига». Здесь главная роль отведена средствам коммуникации, так как только радиосвязь позволяла сводить в единое целое людей и машины и добиваться выполнения стратегических планов при постоянно изменяющейся оперативной обстановке и необходимости проявления инициативы на местах. В этой технологии основную роль играют настроения, навыки и постоянная циркуляция

доверия сверху вниз и снизу вверх. Соответственно рейтинговая мобилизационная повестка подразумевает индивидуальные обращения к конкретным запросам избирателя и нахождения таких латентных проблем, которые способны разорвать уже сложившиеся властные отношения через уменьшение доверия к элитам и лидерам.

Процесс становления городских политико-административных ассамблежей укладывается в четыре этапа, критерием разделения которых являются кризисы, где триггером выступают изменения курса рубля: возникновение местных политико-административных ассамблежей (1991–1998), становление (1998–2008) и стабилизация (2008–2014), поглощение государством (2014–2021).

Первый этап. Хронологические рамки август 1991 — август 1998 г. В ходе реформ происходят изменения в конфигурациях сетей, а именно становится востребован принципиально иной комплекс личных качеств, связанный с рыночными реформами. В этот период во всех городах проходит первый этап приватизации, первые выборы по новому законодательству (Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ). В ходе приватизации распадаются старые и возникают новые субъекты политики, происходит резкий рост социального неравенства и низовой политической активности. В этот период в исследуемых городах выбираются первые 13 мэров. Кандидаты на эту должность и посты в законодательных собраниях представляют собой весь возможный спектр политических взглядов, хозяйственных инициатив и социальных групп и движений.

Победителями особенно на посты в исполнительной власти становятся номенклатурные чиновники КПСС и исполкомов, умеющие договариваться с различными группами, те, кого Г. Дерлугян обозначил как «харизматическая бюрократия» [Дерлугян 2013: 128]. С одной стороны, они одновременно предъявляли горожанам конфликт с действующей властью или влиятельными экономическими группами (грабителями-приватизаторами в массовом сознании), иногда подчеркивая свою жертвенность в этом противостоянии, с другой, были максимально прагматичными, умея с «новыми русскими» договариваться и заключать союзы. Главная проблема при таком типе легитимности — она связывает должностную позицию с личными качествами носителя, который вынужден демонстрировать свой характер в каждой поворотной ситуации (что неизбежно увеличивает количество конфликтов и ошибок). В целом все типы повесток были задействованы, но основным инструментом мобилизации была мотивационная повестка, где

основную роль, судя по агитационному материалу играла личность политика, исповедь как наиболее популярный жанр агитационных материалов, прагматизм, как избегание любой идеологической позиции, которую заменяют хозяйственные приоритеты, и конфликт «свой — чужой», где чаще всего на роль второго избираются «региональные власти» и «Москва». Здесь уже начинают проявляться различия в отборе компонентов и построении отношений в ассамбляжах. В одних главы городов стремятся максимально контролировать все сферы жизни города через назначения на ключевые посты своих креатур, в других, делая акцент на принятии нормативных актов, выборе программ и стратегий развития.

Второй этап. Его хронологические рамки заключены между двумя кризисами: август 1998 — 2014 г.

Финансовый кризис и смена кабинета в 1989 г. положили начало концу интереса к местному самоуправлению на федеральном уровне, все последующие законодательные акты носили характер фактического отказа от местной автономии. 131-ФЗ передал государственные социальные обязательства муниципальным властям без подкрепления этого соответствующими финансовыми ресурсами, что, по сути, означает, что муниципальная власть выступает не как орган, представляющий интересы различных групп населения, а как участник распределения федеральных и региональных бюджетов [Кордонский 2011]. В ходе реформ местной власти, проходящих в российских городах с 1991 по 2006 г., местная автономия, понимаемая как возможность осуществлять свою деятельность вне зависимости от вышестоящих органов управления, была фактически ликвидирована в пользу централизованного административного контроля, зависимости от трансфертов в рамках «веерной» схемы финансирования и снижения (а в ряде случаев отказа) роли механизмов прямого демократического волеизъявления избирателей [Гельман и др. 2008: 354]. В ассамбляжах персонифицируемой аберрации политическая администрация в регионе и городе действует по принципу «контролера на входе», определяя, кто может, а кто не может вести бизнес [Олейник 2011: 231–272].

С 2000-х годов списки зарегистрированных кандидатов (и победителей) в городские советы содержат слова «главный», «генеральный», «председатель» и т.д. Спектр участников сужается, на выборы идут производственными и политическими командами, поддержка региональных структур становится определяющей. Меняется содержание

тиражируемой мобилизационной повестки, вопросы городского пространства, его застройки, хозяйственной и производственной жизни начинают преобладать. В целом в этот период лидерство как проявление личных качеств исчезает из мобилизационной повестки, солидарность коалиций власти регулируется формальными и неформальными нормами, задаваемыми региональными и федеральными структурами. На этот период приходится большинство скандальных отставок и уголовных дел, заведенных на мэров.

Мобилизационная повестка содержательно представляет собой оптимистические планы на будущее, и из жанра исповеди переходит в жанр проповеди. В фокусе внимания – приоритеты экономического и социального развития коллективного субъекта власти, включающего в себя мэра, губернатора, политиков федерального уровня, крупных экономических субъектов. Прогосударственные группы в основном предлагают инерционную повестку, работающую как «часы», где в качестве стимула избирателю выдается регламентированный набор благ в будущем и защита его от прошлого. Оппозиция, в первую очередь, несистемная, предлагает «мотивационную» и «рейтинговую» повестку «двигатель» и «лайк», где за основу берется мотивация избирателя и наличие контрастов. Если властные группы контрасты смягчают и размывают, убирая проблемы из публичного поля, то оппозиция их усиливает и выводит в фокус обсуждения, предлагая несколько вариантов решения проблемы и оставляя вариант этого решения за «коллективным разумом». На этом этапе мэр города уже становится проводником политики доминирующей в регионе группы, идеология построена на значимости интересов «города» и социальных обязательствах, в качестве «чужого» рассматриваются группы, теряющие свое влияние на федеральном уровне или носители «либеральной» идеологии. В городах, где сложился ассамблеж персонифицированной аберрации партии, ориентированные на «западные ценности», практически исчезают из публичного поля.

Третий этап. Хронологические рамки 2014–2021 гг., а именно 21 декабря, публикация Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Реализация закона на практике, вероятнее всего, приведет (приводит) к переходу от выборов мэров городов к их конкурсному назначению, что, с одной стороны, лишит горожан возможности каким-то образом влиять на результаты избрания, с другой, усиливает позиции губернатора.

Во всех городах на выборах глав городов побеждают кандидаты от «Единой России». Исключение — Новосибирск, где в 2014 г. победил консолидированный кандидат от оппозиции А. Локоть (КПРФ). Выборы в представительные органы муниципальных образований более конкурентны и в городах, где с моделями «корпоративной прозрачности» системная, а иногда и несистемная оппозиция добивается определенного числа мандатов. Избирательная кампания в 2020 г. в Новосибирске и Томске показала, что борьба на официальной арене при конструировании сильной «мотивационной» и (или) «рейтинговой» мобилизационной повестки даже в условиях доминирования федеральных структур могут привести к победе. Но поскольку ключевые позиции в административном управлении остались за доминирующими группами и объединениями, то возможности победителей закрепить свои достижения и реализовать заявленные инициативы оказались невозможными. К 2021 г., в силу активизации федеральных структур (борьба COVID-19 и принятие поправок к Конституции 2020 г.) во всех городах политико-административные ассамблеи перестали играть какую-то значимую роль. Местные властные группы исчезли как субъекты, задающие политическую повестку, даже на городском уровне. Программы кандидатов в депутаты сосредоточены на решении хозяйственных вопросов и не выходят за пределы инфраструктурных изменений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ постсоветской истории сибирских городов показывает, что общим для всех городов корпоративной прозрачности являются глубинные исторические традиции (это старые города), расположение вдоль Транссиба. Железнодорожное сообщение превратило сухопутные столицы регионов в города-порты, контролирующие потоки товаров и служащие торговыми хабами, для которых, как и для всех портов, требуется принципиально иной набор качеств для горожан и организаций. Необходимость регулярного взаимодействия с социально непохожими формирует комплекс качеств горожанина, основанных на нахождении универсальных стандартов для решения сложных проблем, рационализме, эмпатии и толерантности.

Режим персонифицированной аберрации характерен для административных столиц, прежде всего, национальных республик, находящихся вне основных линий железнодорожного сообщения. Соответ-

ственно основу власти здесь составляют формальные полномочия и неэкономический обмен. Производства, расположенные в этих городах, относятся к добывающей промышленности и металлургии, что скорее усиливает внутренние границы и стабилизирует социальные и политические отношения. Здесь нет потребности в индивидуальных и социальных изменениях и нет необходимости меняться под воздействием условий внешней среды, как и нет потребности в росте культурного капитала. Для технологических цепочек, существующих на этих производствах, дисциплина и стандартизация важнее, чем инициатива и гибкость. В нашем случае это столицы национальных республик и города Кемеровской области, где политико-административные ассамблежи городов находились под прямым влиянием региональных политических компонентов, сумевших в течении относительно короткого времени лишить политической субъектности сети и организации всех видов.

С 1991 г. ведущими акторами городской политики выступали выходцы из номенклатурной системы, обладающие комплексом организаторских качеств, позволяющих им выстраивать отношения на всех трех уровнях (сетей, организаций и государства), то есть с населением, местными, национальными и транснациональными бизнес-структурами, с политиками регионов и федерального центра. В отсутствие формальных стандартов на этом этапе основную роль играли личные качества, а исчезновение собственных средств в городе в достаточном объеме делало ключевой проблему выживания. Возникли два способа решения проблем: создание подконтрольных и ориентированных на политического лидера лояльных экономических структур или формирование широкой социальной базы лидерства и оптимальных условий для привлечения бизнеса к процессам решения городских вопросов.

С 1998 г. ситуация начинает меняться, так как столицы регионов становятся более привлекательными для крупного бизнеса. В городах-хабах, где возникают ассамблежи корпоративной прозрачности с уже развитыми средствами массовой информации, университетами, местными бизнес-структурами, гетерогенным составом населения, включенным в множество сетей и обладающим разнообразными навыками взаимодействия, федеральные экономические структуры вынуждены конкурировать на общих основаниях и конструировать сложные схемы лоббирования своих интересов через политиков, депутатский корпус, муниципальные структуры и местные партии и объединения, что усиливает электоральную конкуренцию и требует соблюдения правил политической борьбы.

В городах — административных центрах, где возникают ассамбляжи персонифицированной фальсификации, такой необходимости нет, но есть потребность строить персонифицированные отношения и учитывать интересы крупных экономических акторов и как можно долго удерживать управленческие позиции, так как их потеря грозит серьезными социальными и персональными рисками. Конкурентное оспаривание властных позиций сворачивается, на уровне сетей и организаций поэтапно закрываются площадки для обсуждений, уменьшается число мест и мероприятий, где горожане могут получать спонтанный эмоциональный политический опыт, нет развития местных СМИ и самостоятельности вузов. Вместе с тем активно поддерживаются мероприятия национального масштаба и усиливается влияние федеральной бюрократии и партийных структур.

С 2008 г. усиливается влияние государственных структур на политические процессы в городах, местные властные структуры встраиваются с разной скоростью в единую вертикаль власти. Быстрее всего этот переход от отказа от самостоятельности происходит в городах ассамбляжей персонифицированной аберрации, несколько медленнее в городах ассамбляжах корпоративной прозрачности. Разница в динамике вызвана различием в объемах и опыте сетевого взаимодействия в сетях всех видов (сетей страсти, сетей целей, сети справедливости и классовых сетей), они получили развитие именно в городах-хабах, где раньше появились и цифровые технические возможности для тиражирования альтернативных мобилизационных повесток и организации протестных мероприятий широкого идеологического сектора.

Общую тенденцию можно охарактеризовать как искусственный и обратный переход от общности к общине, «от Gesellschaft к Gemeinschaft», от городской солидарности (в крупных городах) к трайбализации (атомизации?). Тем не менее представляется маловероятным остановка процесса урбанизации с сопутствующим ему ростом экономического, социального и культурного разнообразия и капиталов на всех уровнях сборки: людей, сетей, социальных движений, классов, идеологических, экономических, силовых организаций, национальных партий и государственной бюрократии.

Приведенные и используемые нами в ходе исследования онтологические принципы М. Деланды и основные положения его теории не только дают продуктивные возможности для описания и объяснения городской политической динамики, но и показывают диапазон возможных

способов решения конкретных проблем локальных территорий. Во-первых, поскольку в основе ассамблежного подхода лежат единичные случаи сингулярности, то, возможно, следует отказаться от идеи о существовании универсальных закономерностей, что обычно в политической жизни означает отказ от автоматического переноса хорошо зарекомендовавших себя практик управления в одних городах на другие. Каждый случай представляет собой уникальное сочетание людей, ресурсов и территории. Это не означает отказ от стандартизации административных процедур. Напротив, здесь единые критерии, нормы и прозрачные стандарты процедур обязательны (особенно в нашем случае — вопросах подсчета голосов в ходе выборов). Это означает, что при решении проблем факторы, значимые в одном городе, могут играть незначительную роль в другом. Во-вторых, экстериориорные (самодостаточные и свободно перемещаемые) отношения компонентов в ассамблежах позволяют при точном определении проблемы находить адекватные способы ее решения. В каких-то случаях речь может идти об изменениях в материальной инфраструктуре (строительство мостов, парков, зданий, спортивных сооружений и т.д.), в каких-то — о расширении медиасреды, в каких-то — о смене управленческих команд в областях образования, здравоохранения или культуры. В-третьих, именно этот подход наглядно показывает, что легитимность и эффективность политики опирается на сетевой потенциал и возможности людей опосредованно или напрямую участвовать в принятии решений, которые касаются их будущего. Отказ от прямых выборов в городах корпоративной прозрачности лишает их этого права. Соответственно, несложно прогнозировать увеличение комплекса проблем как в политической сфере, так и в административном управлении, культуре и образовании и материальных зданиях и коммуникациях, так как низовые повседневные проблемы и интересы не будут просто входить в актуальную повестку. С учетом суровых климатических условий, изношенной инфраструктуры, падения уровня квалификации руководства и персонала это, скорее всего, будет приводить к увеличению социальных конфликтов и аварий в системах жизнеобеспечения.

Литература

- Амин Эш, Трифт Н. Города: переосмысляя городское. М.: Красная ласточка, 2017. 218 с.
- Вахитайн В.С.** Воображая город: введение в теорию концептуализации. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 576 с.
- Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. СПб.: Норма, 2008. 368 с. EDN QOICEF.
- Гельман В. Я. Динамика субнационального авторитаризма (Россия в сравнительной перспективе) / В. Я. Гельман // *Общественные науки и современность*. 2009. № 3. С. 50–63. EDN KDRHOX.
- Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // *Логос*. 2006. № 5. С. 58–103.
- Деланда М. Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность / пер. с англ. К. Майоровой. Пермь: Гиле пресс, 2018. 164 с.
- Деланда М. Война в эпоху разумных машин. Екатеринбург: Кабинетный ученый; Институт общегуманитарных исследований. 2018. 202 с.
- Дерлугьян Г. Как устроен этот мир // *Наброски на макросоциологические темы*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 381 с. EDN SUHEMХ.
- Досс Ф. Жиль Делёз и Феликс Гваттари. Перекрестная биография / пер. с фр. И. Кушнарёвой, под науч. ред. М. Маяцкого. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 672 с. EDN RTXUPT.
- Зубаревич Н. В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // *Мир новой экономики*. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-rossiyskogo-prostranstva-bariery-i-vozmozhnosti-regionalnoy-politiki> (дата обращения: 22.11.2023). EDN YSPLCJ.
- Кордонский С. Местное самоуправление или Муниципальная власть, прокрустово ложе муниципальных законов. 2011. URL: <http://kordonsky.ru/?p=293> (дата обращения: 22.11.2023).
- Красавин И. В. Устройство сборки, или симуляция онтологии у Мануэля Деланда // *Социология власти*. 2019. Т. 31, №. 2. С. 136–154. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-2-136-154>. EDN AERJEB.
- Ледяев В. Г. Социология власти: теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2012. 472 с.
- Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 344 с. EDN TNACHX.
- Логан Д., Молоч Х. Город как машина развития (The City as a Growth Machine) // *Urban Sociology*. URL: <http://les-urbanistes.blogspot.com/2009/04/x-city-as-growth-machine.html> (дата обращения: 22.11.2023).
- Манн М. Источники социальной власти. Т. 4: Глобализации 1945–2011 годы. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 672 с.
- Овчинников Б. Сто восемьдесят честных городов России // *Троицкий вариант — Наука*. 2012. № 98. URL: <http://trv-science.ru/2012/02/28/sto-vosemdesyat-chestnykh-gorodov> (дата обращения: 22.11.2023).

Олейник А. Н. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «Нулевых годов»: пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2011. 437 с.

Петров Н.В., Титков А.С. Рейтинг демократичности регионов Московского центра Карнеги: 10 лет в строю. Московский центр Карнеги, 2013. URL: http://carnegieendowment.org/files/CP_Petrov_Rus_2013.pdf (дата обращения: 22.11.2023).

Пустовойт Ю.А. Как создается режим: властные коалиции в сибирских городах // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 104–118. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.08>. EDN LASRAA.

Пустовойт Ю.А. Люди и проекты: лидерство как основа формирования властных групп в современном городе (опыт анализа постсоветской истории в региональных центрах Сибири) // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 1. С. 139–163. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.5>. EDN AACIWC.

Ревзин Г.И. Как устроен город: 36 эссе по философии урбанистики. М.: Strelka Press, 2019. 267 с.

Розов Н.С., Вертгейм Ю.Б., Сизенцев Г.С. и др. Разработка и апробация метода теоретической истории. Новосибирск: Наука, 2001. 502 с. EDN YUOYDJ.

Россман В. И. Столицы. Их многообразие, закономерности развития и перемещения. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. 333 с. EDN KJOHRE.

Теннис Ф. Общность и общество. Теоретическая социология: Антология. Под ред. С.П. Баньковской. Т. 1. М.: Книжный дом «Университет», 2002. 451 с.

Тилли Ч. От мобилизации к революции. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2019. 432 с.

Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства: пер. с англ. М.: Strelka Press, 2014. 366 с.

Харман Гр. Сети и ассамблежи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. 2017. Т. 27, № 3(118). С. 1–34. EDN YMICDZ.

Чирикова А. Е. Ледеяев В. Г. Власть в малом российском городе. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 412 с.

Шпилькин С. Математика выборов // Троицкий вариант — Наука. 2011. № 94. URL: <http://trv-science.ru/2011/12/20/matematika-vyborov-2011> (дата обращения: 22.11.2023).

Эллард К. Среда обитания: как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. М.: Альпина Паблишер, 2015. 287 с.

Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. 439 p.

McCombs M. E., Shaw D. L. The agenda-setting function of mass media // Public opinion quarterly. 1972. Т. 36, no. 2. P. 176–187.

Stephan M. J., Chenoweth E. Why civil resistance works: The strategic logic of nonviolent conflict // International security. 2008. Т. 33, no. 1. P. 7–44.

BACK TO THE COMMUNITY: DYNAMICS OF POLITICAL-ADMINISTRATIVE ASSEMBLY IN SIBERIA CITIES (1991–2021)

Yu. Pustovoyt

(pustovoit1963@gmail.com)

Siberian Institute of Management — branch of RANEPA
National Research Tomsk State University
Novosibirsk National Research State University
Novosibirsk, Russia

Citation: Pustovoyt Yu. Nazad v obshchinu: dinamika politiki- preobrazovaniya assamblyazhey v gorodakh Sibiri (1991-2021 g.) [Back to the community: dynamics of political-administrative assembly in Siberia cities (1991-2021)], *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2023, 10 (1): 156–189. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.6>

EDN RWQLUP

Abstract. *The problem of the influence of urban space, lifestyle, characteristics of urban networks and communities, organizations and institutions on political processes and the emergence of power coalitions in the city is considered. Based on the ontology and basic principles of the theory of assemblages by the Mexican-American researcher M. Delanda and the methods of similarity and difference (C. Ragin, N. Rozov), the dynamics of changes in social, cultural, organizational and political components in 13 Siberian cities (regional centers) during election campaigns from 1991 to 2021. The introduction of the concept of “political-administrative assemblage” is proposed and justified and the procedure for its identification and evaluation is shown. Based on theoretical principles, a hypothesis is formulated about the long-term influence on the key parameters of the assemblage of various types of geographical and historical factors of the emergence and development of cities (hub city or center city) with the concomitant formation of characteristic networks (strong-emotional, weak-rational, organizational and class) communities located on the territory of organizations that are sources of ideological, economic and security power, the development of spatial, business and symbolic infrastructure, relations with the state bureaucracy and parties dominant at the federal level. Through a comparison of the named factor-variables, operationalized through selected markers, the hypothesis was tested on specific historical material of selected Siberian cities, which made it possible to more accurately represent a complex socially and culturally based set of incentives that can influence the decisions of individual and group political subjects and determine*

the trajectory of movement along various models of the level of political competition and the purity of administrative procedures. Electoral cycles are separately identified and analyzed on the basis of mobilization agendas and it is shown how and in what periods the emergence, formation, stabilization and, with differences in speed, absorption by the state of urban assemblages and the likely consequences of the disappearance of competitive politics from urban life occur.

Keywords: city, assemblage, power groups, networks, mobilization agenda, urban regime, Siberia.

References

- Amin Esh, Trift N. *Goroda: pereomyslyaya gorodskoe* [Cities: Rethinking the Urban]. Moscow: Red Swallow, 2017. 218 p. (In Russian)
- Collins R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. 439 p.
- Chirikova A. E. Ledyayev V. G. *Vlast' v malom rossiiskom gorode* [Power in a small Russian city]. Moscow: HSE, 2017. 412 p. (In Russian)
- Delanda M. *Novaya filosofiya obshchestva: teoriya assambleyazhei i sotsial'naya slozhnost'* [New philosophy of society: the theory of assemblages and social complexity]. Perm': Gile press, 2018. 164 p. (In Russian)
- Delanda M. *Voina v epokhu razumnykh mashin* [War in the Age of Intelligent Machines]. Yekaterinburg: Armchair Scientist; Institute of General Humanitarian Research, 2018. 202 p. (In Russian)
- Derlug'yan G. *Kak ustroen etot mir // Nabroski na makrosotsiologicheskie temy* [How this world works // Sketches on macrosociological topics]. Moscow: Publishing house of the Gaidar Institute, 2013. 381 p. EDN SUHEMX. (In Russian)
- Doss F. *Zhil' Delez i Feliks Gvattari. Perekrestnaya biografiya* [Gilles Deleuze and Felix Guattari. Cross biography]. Moscow: «Delo» RANEPА, 2021. 672 p. EDN RTXUPT. (In Russian)
- Ellard K. *Sreda obitaniya: kak arkhitektura vliyaet na nashe povedenie i samochuvstvie* [Habitat: how architecture affects our behavior and well-being]. Moscow: Alpina Publisher, 2015. 287 p. (In Russian)
- Florida R. *Kto tvoi gorod? Kreativnaya ekonomika i vybor mesta zhitel'stva* [Who is your city? Creative economy and choice of place of residence]. Moscow: Strelka Press, 2014. 366 p. (In Russian)
- Gel'man V., Ryzhenkov S., Belokurova E., Borisova N. *Reforma mestnoy vlasti v gorodakh Rossii, 1991–2006* [Local government reform in Russian cities, 1991–2006]. St. Petersburg: Norma, 2008. 368 p. EDN QOICEF. (In Russian)
- Gel'man V. Ya. *Dinamika subnatsional'nogo avtoritarizma (Rossiya v sravnitel'noi perspektive)* [Dynamics of subnational authoritarianism (Russia in a comparative perspective)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. [Social sciences and modernity], 2009, 3, pp. 50–63 EDN KDRHOX. (In Russian)

Goldstoun D. K teorii revolyutsii chetvertogo pokoleniya [Towards the theory of the fourth-generation revolution]. *Logos* [Logos], 2006, 5, pp. 58–103 (In Russian)

Kharman Gr. Seti i assablyazhi: vozrozhdenie veshchei u Latura i Delanda [Networks and assemblages: the revival of things in Latour and Deland]. *Logos* [Logos], 2017, 27(118), pp. 1–34. EDN YMICDZ. (In Russian)

Kordonskii S. *Mestnoe samoupravlenie ili Munitsipal'naya vlast', prokrustovo lozhe munitsipal'nykh zakonov* [Local self-government or municipal power, the Procrustean bed of municipal laws], 2011. URL: <http://kordonsky.ru/?p=293> (accessed: 22.11.2023). (In Russian)

Krasavin I. V. Ustroistvo sborki, ili simulyatsiya ontologii u Manuelya Delanda [Assembly device, or simulation of ontology by Manuel Deland]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of power], 2019, 31(2), pp. 136–154. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-2-136-154>. EDN AERJEB. (In Russian)

Lo D. *Posle metoda: besporyadok i sotsial'naya nauka* [After Method: Disorder and Social Science]. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute, 2015. 344 p. EDN TNACHX. (In Russian)

Logan D. X. Moloch. Gorod kak mashina razvitiya [The City as a Growth Machine]. *Urban Sociology* [Urban Sociology]. Available at: <http://les-urbanistes.blogspot.com/2009/04/x-city-as-growth-machine.html> (accessed: 22.11.2023). (In Russian)

Ledyaev V. *Sotsiologiya vlasti: teoriya i opyt empiricheskogo issledovaniya vlasti v gorodskikh soobshchestvakh* [Sociology of power: theory and experience of empirical research of power in urban communities]. Moscow: HSE, 2012. 472 p. (In Russian)

Mann M. *Istochniki sotsial'noy vlasti. Tom 4: Globalizatsii 1945–2011 gody* [Sources of social power. Vol. 4: Globalizations 1945–2011]. Moscow: “Delo” Publishing House RANEP, 2018. 672 p. (In Russian)

McCombs M.E., Shaw D.L. The agenda-setting function of mass media. *Public opinion quarterly*, 1972, 36(2), pp. 176–187.

Ovchinnikov B. Sto vosemidesyat chestnykh gorodov Rossii [One hundred and eighty honest cities of Russia]. *Troitskii variant — Nauka* [Trinity option — Science], 2012, 98. Available at: <http://trv-science.ru/2012/02/28/sto-vosemidesyat-chestnykh-gorodov> (accessed: 22.11.2023). (In Russian)

Oleinik A. N. *Vlast' i rynek: sistema sotsial'no-ekonomicheskogo gospodstva v Rossii* [Power and the market: the system of socio-economic domination in Russia of the “Zero years”]. Moscow: ROSSPEN, 2011. 437 p. (In Russian)

Petrov N.V., Titkov A.S. *Reiting demokratichnosti regionov Moskovskogo tsentra Karnegi: 10 let v stroyu* [Rating of regional democracy by the Carnegie Moscow Center: 10 years in service]. Moskovskii tsentr Karnegi [Carnegie Moscow Centre] 2013. Available at: http://carnegieendowment.org/files/CP_Petrov_Rus_2013.pdf (accessed: 22.11.2023).

Pustovoyt Yu.A. Kak sozdaetsya rezhim: vlastnye koalitsii v sibirskikh gorodakh [How a Regime is Created: Power Coalitions in Siberian Cities]. *Polis. Politicheskie*

issledovaniya [Polis. Political studies], 2019, 4, 104–118. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.08>. EDN LASRAA. (In Russian)

Pustovoyt, Yu. A. Lyudi i proekty: liderstvo kak osnova formirovaniya vlastnykh grupp v sovremennom gorode (opyt analiza postsovetsoi istorii v regional'nykh tsentrakh Sibiri) [People and projects: leadership as the basis for the formation of power groups in a modern city (experience of analyzing post-Soviet history in the regional centers of Siberia)]. *Vlast' i elity* [Power and elites]. 2022, 9(1), pp. 139–163. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.5>. EDN AACIWC. (In Russian)

Revzin G I. *Kak ustroen gorod: 36 esse po filosofii urbanistiki* [How the city is structured: 36 essays on the philosophy of urbanism]. Moscow: Strelka Press, 2019. 267 p. (In Russian)

Rozov N.S., Vertgeim Yu.B, Sizentsev G.S et al. *Razrabotka i aprobatsiya metoda teoreticheskoi istorii* [Development and testing of the theoretical history method] Novosibirsk: Nauka, 2001. 502 p. EDN YUOYDJ. (In Russian)

Rossmann V. I. *Stolitsy. Ikh mnogoobrazie, zakonomernosti razvitiya i peremeshcheniya* [Capitals. Their diversity, patterns of development and movement]. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute, 2013. 333 p. EDN KJOHRE. (In Russian)

Shpil'kin S. Matematika vyborov [Mathematics of elections]. *Troitskii variant — Nauka* [Trinity option — Science], 2011, 94. Available at: <http://trv-science.ru/2011/12/20/matematika-vyborov-2011> (accessed: 22.11.2023). (In Russian)

Stephan M. J., Chenoweth E. Why civil resistance works: The strategic logic of nonviolent conflict. *International security*, 2008, 33(1), pp. 7–44.

Tennis F. *Obshchnost' i obshchestvo* [Community and Society]. *Teoreticheskaya sotsiologiya: antologiya* [Community and society. Theoretical Sociology: An Anthology]. Ed. by S.P. Ban'kovskoi. Moscow: Universitet, 2002. 451 p. (In Russian)

Tilli Ch. *Ot mobilizatsii k revoljucii* [From mobilization to revolution]. Moscow: HSE, 2019. 432 p. (In Russian)

Vakhshayn V.S. *Voobrazhaya gorod: vvedenie v teoriyu kontseptualizatsii* [Imagining the City: Introduction to Conceptualization Theory]. Moscow: New Literary Review, 2022. 576 p. (In Russian)

Zubarevich N. V. Razvitie rossiiskogo prostranstva: bar'ery i vozmozhnosti regional'noi politiki [Development of Russian space: barriers and opportunities of regional policy]. *Mir novoi ekonomiki* [World of New Economics]. 2017. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-rossiyskogo-prostranstva-bariery-i-vozmozhnosti-regionalnoy-politiki> (accessed: 22.11.2023). EDN YSPLCJ. (In Russian)

КОРПОРАЦИЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ: КАК ДОСТИГАЕТСЯ ПАРТНЕРСКАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

А.Е. Чирикова

(chirikova_a@mail.ru)

Институт социологии ФНИСЦ Российской академии наук
Москва, Россия

Цитирование: Чирикова А.Е. Корпорация и муниципальная власть: как достигается партнерская модель взаимодействия // Власть и элиты. 2023. Т. 10, №. 1. С. 190–230.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.7>
EDN RZTDTW

Аннотация. На примере моногорода G в Уральском регионе рассматривается сбалансированная модель отношений между местной властью и крупной компанией, серьезно превосходящей муниципальную власть своей финансовой и социальной мощью. Данную модель мы назвали партнерской, описав условия, при которых она может сформироваться. Основное из них — наличие адекватных руководителей во власти и стратегических игроков в градообразующей компании M. Проведенное в 2020 г. исследование дополнено нами материалами, полученными в 2023 г., что позволило судить о складывающейся ситуации во временной перспективе. Исследование включало 26 интервью с ключевыми фигурами власти и бизнеса, проведенных в 2020 г., а также несколько интервью с экспертами, проведенных в 2023 г. Основной исследовательский вывод — сложившаяся партнерская модель взаимодействия позволяет ключевым игрокам более эффективно решать свои проблемы и добиваться социальных целей. Обе стороны взаимодействия видят в партнерской модели эффективный инструмент поддержания социальной и политической стабильности. Не исключено, что в условиях санкционного режима такая модель позволит городу справиться со всеми трудностями более успешно, чем если бы взаимодействие между двумя сторонами носило довлеющий или безразличный характер. Но произойдет ли это на самом деле — покажет время.

Ключевые слова: компания, корпорация, муниципальная власть, партнерская модель взаимодействия, образ будущего, социально-экономическое положение и санкции.

ВВЕДЕНИЕ

Моногорода входят в число местных сообществ, привлекающих особое внимание исследователей [Green 2010; Company Towns... 2011; Martinez-Fernandez et al. 2012].

Со второй половины XX в. практически все промышленно развитые страны столкнулись с трудностями в развитии моногородов. Хотя проблемы с моногородами возникают повсеместно, серьезность ситуации и возможности их решения существенно различаются.

В этом отношении многие российские моногорода являются одними из наиболее проблемных не только из-за их менее индустриализированной экономики и низкого уровня жизни по сравнению с европейскими и американскими городами, но и вследствие исторических и социально-политических факторов, вызванных инерцией командной экономики (моногорода были созданы для удовлетворения потребностей плановой экономики, а не конкурентного рынка).

Проблемы российских моногородов стали наиболее очевидными с 1990-х годов, когда большинство градообразующих предприятий оказались в тяжелом экономическом положении или обанкротились. Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. положил начало очередной волне обострения проблем узкоспециализированных городов, который продолжается до настоящего времени в связи с наступлением стагнации в экономике, ковидными ограничениями и нарастающей неопределенностью, связанной с санкциями со стороны западных стран.

Многие российские моногорода до сих пор являются «бомбой замедленного действия». Прежде всего потому что количество моногородов и доля проживающего в них населения остается очень высокой¹.

Поиски решения проблем моногородов в России привели к росту исследований моногородов и разработке программ по оптимизации ситуации [Bozhko, Turgel 2018; Фомин и др. 2020]. И исследования, и программы были сосредоточены в первую очередь на социально-экономических факторах. Однако ситуация в моногородах во многом определяется политическими факторами, конфигурациями наиболее

---

¹ Россию называют «страной моногородов». Сегодня насчитывается 321 моногород, в которых проживает 13,5 млн человек (около 9,2 % населения России). Моногорода есть в 61 из 85 регионов России, но в основном они сосредоточены в Поволжье, Урале и Сибири [Недосека, Карбаинов 2020; Обзор российских моногородов 2017].

влиятельных местных и региональных акторов, ролью градообразующих предприятий в городских сообществах, их взаимодействием с муниципальной властью и населением, качеством управления («актеры имеют значение»). Хотя власть и политика в моногородах стали предметом исследований, прежде всего западных аналитиков [Companu Towns... 2011; Philimore, Bell 2005; Crowley 2021 и др.], к настоящему времени они менее изучены, чем факторы социально-экономические.

Нам известны лишь два развернутых эмпирических исследования власти в моногородах, проведенных в прошлом столетии американскими учеными [Crenson 1971; Gaventa 1980], которые по праву считаются классическими. Именно они убедительно показали, что проблема влияния политических факторов на социально-экономическое развитие моногородов весьма существенна. Это признали и более поздние исследователи, отнеся анализ политических факторов развития моногородов к наиболее передовым направлениям исследований в политической науке и социологии [Harding 2009; Stone 1989; Stone 2006; Stone 2017].

Изучение власти и лидерства в российских локальных сообществах началось только в конце XX — начале XXI в., но стало одним из передовых направлений исследований в политической науке и социологии [Shomina 1992; Чирикова 2005; Бычкова, Гельман 2010; Витковская; Рябова 2011; Чирикова, Ледяев 2016; Чирикова, Ледяев 2017; Чирикова, Ледяев 2022; Чирикова, Ледяев, Рябова 2020]. Хотя некоторые аспекты политико-административной сферы моногородов изучались еще в советский период, эмпирические исследования политических факторов и их влияния на ситуацию в моногородах были проведены в России значительно позднее [Чирикова 2005; Бычкова, Гельман 2010; Рябова, Витковская 2011; Laguelle 2020]. Результаты исследования показали, что во всех местных общинах градообразующие предприятия играли важную роль в местной политике. Четко обозначившиеся в 2000-е годы интересы собственников и менеджеров в местной политической сфере были относительно благоприятны для предприятий. Город и градообразующее предприятие стали восприниматься как некая общая экономическая, социальная и политическая система, появилось понимание необходимости активного участия в городском политическом процессе. Эти выводы подтверждены примерами таких моногородов, как Коряжма, Лысьва, Череповец, Норильск, исследования в которых проводились в разные годы.

Названные работы фактически исчерпывают эмпирические исследования политических процессов в российских моногородах. Между тем тема остается актуальной. Исследовательский интерес к изучению власти и лидерства в моногородах обусловлен в первую очередь специфической конфигурацией наиболее влиятельных акторов местного сообщества.

Градообразующие предприятия в России нередко становятся наиболее влиятельными акторами местного политического пространства, конкурируя с главами муниципальных образований. Поэтому важно проследить, происходит ли переход «от правительства к управлению» [Cruz, Rode, McQuarrie 2019]. Актуальность темы подкрепляется институциональными реформами в местном самоуправлении и противоречивыми последствиями централизации («укрепление вертикали власти»). Это требует оценки современных тенденций развития властных отношений в местных сообществах и объяснения их особенностей.

Отличительной особенностью предлагаемого исследования является тот факт, что в его центре находится моногород, в котором конфигурация акторов строится на основе партнерской модели. В известном смысле это город, в котором нет выраженных конфликтов между местной властью, регионом и градообразующим предприятием. Выделенный кейс позволяет описать механизмы, с помощью которого удастся реализовать партнерскую модель взаимодействия, описать условия, способствующие ее становлению, выделить ключевых фигур строительства подобной модели. В известном смысле — это уникальный кейс, так как партнерская модель взаимодействия между акторами в городе встречается в моногородах нечасто.

Исследование проводилось с использованием метода интервью. Всего было проведено 26 интервью с ключевыми фигурами власти и градообразующего предприятия, министром территориально развития края. Исследование проводилось в октябре 2020 г., когда пандемия уже пришла в российские города.

ГОРОД G: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Город G является в известном смысле уникальным кейсом для моногорода. В городе расположены два предприятия, одно из которых, по оценкам элит, является градообразующим и ведет себя как заинте-

ресованный политический игрок в городском пространстве¹. Заинтересованное участие крупной корпорации в решении городских проблем совместно с муниципальной властью привело к тому, что опрошенные представители элитного корпуса убеждены: у города есть будущее, причем каждый из них верит, что в ближайшие годы ситуация будет только улучшаться. В условиях санкций, что было показано позднее, эта уверенность уменьшилась, но не пропала совсем.

Это достаточно неожиданный тренд, если учитывать тот факт, что во многих малых российских городах будущее по оценкам элит выглядит весьма пессимистично в связи с ухудшающейся социально-экономической ситуацией.

Почему в городе G ситуация столь отлична от других малых городов, в том числе в моногородах?

Ответ, который напрашивается сам собой, — градообразующее предприятие имеет мощный экономический потенциал, который помогает держать под контролем ситуацию в городе, обеспечивать население необходимой инфраструктурой и рабочими местами. Это ответ, имеющий право на существование. Ситуация выглядит именно таким образом, если не анализировать других причин. По нашей оценке, не только экономическая мощь определяет участие в городской политике компании М с пользой для его жителей.

Не менее важной составляющей городского благополучия является тот факт, что крупную корпорацию возглавляют стратегические лидеры, которые через участие в развитии города обеспечивают компанию необходимыми квалифицированными кадрами, которые, по мнению председателя Совета директоров «должны жить в достойной среде». Политический компонент этого взаимодействия, умение договариваться и достигать компромиссов — не менее важная причина позитивного настроения в городе.

Руководители предприятия умело используют для этого свое участие в депутатском корпусе законодательного собрания края, ведя при этом партнерскую политику в отношении местной власти, не допуская конфликтов и доминирования. Хотя многие из представителей элитного корпуса признают: «Компания — старший брат местной власти, и они умеют договариваться между собой».

---

¹ Другое предприятие, меньшее по размерам и в экономическом смысле не столь процветающее, помогает городу в решении социальных проблем по возможности.

При описании данного кейса мы намерены проанализировать стратегии политического участия ключевых фигур в городе, выстроить иерархию их влияния, оценить модели взаимодействия компании и местной власти.

Основная цель анализа — рассмотреть эффективность местной власти на примере G, помня о том факте, что в борьбе за развитие города действуют разные игроки, которым удается согласованно принимать решения и их реализовывать.

Анализ строится на материалах интервью, проведенных в августе 2020 г. с ключевыми руководителями городского округа и компании M. В 2023 г. для уточнения ситуации в условиях санкционного режима мы провели дистанционно несколько интервью с экспертами и проанализировали интернет-источники.

ГОРОД G ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

Если вернуться на несколько лет назад, то можно увидеть, что в то время отношения между городом и компанией складывались далеко не позитивно, а были определенно конфликтными:

Всего 10 лет назад отношения между M и властью складывались не очень хорошо.... Шла подпольная война, которая негативно сказывалась на всем, — вспоминает главный редактор местной газеты.

К этой точке зрения присоединяется и местный предприниматель:

У нас тут такое было... в 2000-е годы. Каждый тянул одеяло на себя. Работать было невозможно. Сейчас все можно добиться, и землю, и помещение. Только работай.

Еще один предприниматель описывает ситуацию тех лет еще более яркими эпитетами:

Что здесь творилось еще 25 лет назад? Это был ужас. Могу сказать — есть прорыв за последние 5 лет. Город просто подняли с колен.

Противостояние властей и градообразующей компании сопровождалось конфронтацией внутри команды администрации города, что только усугубляло положение:

До прихода на должность главы нынешнего министра, который начал создавать округ, здесь была конфронтация. В администрации пытались отключить интернет, чтобы навредить тем, кто сидел в других комнатах. Глава не понимал, что хочет предприятие и все остальные. А предприятие не хотело помогать столь слабому и неза-

интересованному главе, — вспоминает нынешний глава городского округа.

В 2012 г. ситуация начала резко меняться. Местную власть возглавил человек из компании М, занимавший там должность кадровика. Он отличался инициативностью, одним из первых в крае приступил к созданию городского округа. В процессе реализации данной инновации он тесно сотрудничал с компанией М, что позволило ему переломить сложившиеся ранее отношения неприятия между местной властью и градообразующим предприятием. Основой для построения новых отношений было не только доверие новому главе со стороны локальных элит, но и тот факт, что двум главным субъектам городской политики удалось выработать согласованную картину того, как город должен развиваться.

Вновь пришедший глава городского округа пригласил в свою команду сити-менеджера, который после его ухода сначала в ЗС края в 2015 г., а затем в 2018 на руководящую должность в край, занял его место. Сегодня нынешний глава убежден: датировать изменения надо именно с момента прихода во власть главы, ставшего впоследствии министром.

Первое, с чего начал преобразования глава, ставший министром, — создал команду. В предпринятых начинаниях его поддержала компания М. Ориентация на достижение результата у нового главы оказалась вполне оправданной, так как через несколько лет привела к нужным результатам:

Пришедшего в 2012 году главу поддерживали, и многое в городе стало происходить позитивного. Он прекратил войну между властью и компанией М. Он захотел сделать власть результативной. Он потряхнул администрацию. Его девиз: «Вы работаете, если не можете — учитесь, если учиться не можете — уходите», — делится своими воспоминаниями одна из наших респонденток.

Согласен с тем, что именно назначение нового главы и предпринятые им изменения в команде, привели к результату, и известный в городе предприниматель:

Прежние работники много лет сидели в администрации, и ничего позитивного не делали... Уже и работать не хотели... И мыслили по-старому.

Объясняя причину, почему компания стала взаимодействовать с местной властью вместо того, чтобы с ней конфликтовать, Председатель

Городской думы обращает первостепенное внимание на заинтересованность компании в хорошем кадровом ресурсе:

Кадровый ресурс и условия, в которых он работает — это штука самая дорогая. Персонал надо обеспечивать. Это длительная работа, которая была проведена председателем Совета директоров и генеральным директором компании М, это люди, которые родили эту систему.

Данный кейс убедительно доказывает: какими бы сложными и конфликтными ни были внешние условия, человек, взявший на себя лидерство, вполне способен их переломить. При том условии, если у него сформирована команда последователей, с одной стороны, с другой — если ему удастся сформировать доверие со стороны более сильного в экономическом плане игрока на поле городской политики и научиться работать с ним сообща.

ГОРОДСКОЙ ОКРУГ G СЕГОДНЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И КЛЮЧЕВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИГРОКИ

Социально-экономическую ситуацию в городском округе G нельзя назвать критической. Более того, в последние годы в связи со стройкой нового завода ситуация в экономическом плане не только не ухудшилась, но даже улучшилось. Благодаря усилиям компании М и местной власти в городе строится новое жилье, город активно благоустраивается, развивается социальная инфраструктура.

Все опрошенные представители элитного корпуса фиксируют значительное улучшение социально-экономической ситуации в городе, уверенные в том, что в ближайшие два-три года в связи со строительством нового завода компанией М она будет только улучшаться: «У М большие планы на развитие в будущем И с этим я связываю большие планы на будущее города», — комментирует ситуацию глава городского округа.

Одновременно нельзя сказать, что все городские проблемы сегодня решены. Основные из них — здравоохранение, низкие заработные платы у работников, не занятых в компании М, поднятие налогов, высокий уровень миграции молодежи и др.

Размышляя о состоянии медицины в городе, наши информанты тем не менее признают, что местная власть и компания М делают много,

для того чтобы нормализовать ситуацию в городе, но недовольных все равно достаточно много. И не всегда их позиция имеет под собой рациональные основания:

Сложный вопрос для нашей территории — это медицина. Людям не нравится, что приезжают узкие специалисты из края. Надо своих. Все двумя руками за своих, но где их взять? И зачем? Так что в бездеятельности власть и компанию М трудно обвинить, — убеждена главный редактор местной газеты.

Глава городского округа также признает, что проблемы со здравоохранением есть, но они решаются:

Со здравоохранением есть проблемы. Нехватка врачей. Но сама база неплохая. За последние три года мы построили три ФАПа. Сейчас проводится реконструкция четырехэтажного здания поликлиники. На следующий год есть проект реконструкции городской больницы. Она будет капитально ремонтироваться.

Другая составляющая социальной сферы — образование, по мнению главы развита хорошо и не вызывает нарекания со стороны населения.

Достаточно оптимистично глава смотрит и на проблемы с миграцией молодежи, которая со временем вероятнее всего, значительно сократится:

Была большая миграция, сейчас она немного приостановилась. Сейчас мы ждем прирост населения. Скоро будет организовано около 300 новых рабочих мест. Компания М открывает новое производство. С народом посоветовались. Они услышали и поняли. Надеемся, что это улучшит ситуацию с миграцией.

Характерная для малых городов в России городская проблема — безработица, которая стала проявляться все более отчетливо в период кризиса, а позднее в связи с ковидом. Есть основание полагать, что в некоторых группах населения эта проблема присутствует и здесь. Однако опрошенные представители элитных групп города не считают, что на их территории безработица выражена существенно. В компанию М всегда требуются работники, как для строительства завода, так и для осуществления повседневной деятельности. Поэтому безработица, по их мнению, это проблема не города и его руководителей, а самих людей, которые не хотят думать о своем будущем. Именно так размышляет известный в городе предприниматель-строитель:

Если люди потеряли работу, даже в 35–40 лет, они идут, проходят обучение, в несколько месяцев, и идут работать в компанию М. Надо

просто не пить, а работать и не исчезать с рабочих мест, как это бывает.

Как ни парадоксально, с этой точкой зрения солидарен и секретарь местных коммунистов: «Да, нет, безработицы у нас нет. Есть ленивые».

Основной проблемой города, по мнению элитных групп, остаются низкие доходы населения. В городе проживает много малоимущих, как отмечает лидер местных коммунистов, но связывает он это в основном с пожилым населением: «У нас много малоимущих. Но и они не очень идут жаловаться к нам. У них в основном пожилой возраст».

Местный предприниматель — владелец такси признает, что заработки не столь высоки, однако он не сомневается в том, что низкие зарплаты — результат нежелания самих людей работать больше: «Хотят ли у нас в городе люди работать? По-разному. Вот возьму таксистов, которых знаю. В выходные не найдешь водителя. Ему 15–20 тысяч хватает. Не надо ему больше».

Убежден в том, что заработки людей в большой степени зависят от их умения работать, и другой известный предприниматель: «Что мешает поучиться и пойти работать на М? Значит, такие зарплаты некоторых людей устраивают. Вот ответ на вопрос».

Не исключено, что население просто не хочет работать за маленькие деньги, переоценивая свой квалификационный уровень или не желая сводить свою жизнь только к работе, тем не менее уровень зарплаток в городе у определенной части населения действительно низкий, если сравнивать его с общероссийским. Однако принципиальное отличие ситуации в городе G от всех остальных городов в том, что здесь действительно работу найти можно, если приложить для этого определенные усилия. Да и протестов в городе нет, что означает: население не рассматривает как безысходную сложившуюся ситуацию и ждет перемен к лучшему, оставаясь настроенными патерналистски и ожидая помощи извне.

Относительно благоприятная социально-экономическая ситуация в городе G — следствие активной работы компании М и компании К. Если учесть, что компания М организовала работу химико-технологического колледжа, где заинтересованные люди могут пройти обучение и попасть на работу в компанию, то напряженность, связанная с безработицей, действительно уменьшается.

Большую роль в городе играет не только реальная возможность попасть на работу в компании, но и правильно выстроенная политика

компании М, которая уже на протяжении нескольких лет расширяется, привлекая к себе людей разных специальностей от строителей до химиков, формируя у горожан представление об улучшающейся ситуации. Похоже, что это не случайная, а вполне осознанная стратегия ключевых руководителей компании.

Важно отметить, что длительное время две ключевые фигуры — генеральный директор и председатель Совета директоров, являются или являлись депутатами ЗС края, осуществляя руководство социальными и политическими процессами в городе. Нахождение в депутатском корпусе края и связи с губернатором позволили двум стратегическим руководителям привлечь дополнительные деньги в город на улучшение условий жизни для своих работников, а значит, для населения города в целом. Именно поэтому наши респонденты говорят:

Фигура председателя Совета директоров в городе является ключевой. Генеральный директор градообразующего предприятия и председатель Совета директоров, — это очень заметные и влиятельные фигуры в городе.

Во многом политическое влияние в городе осуществлялось этими людьми через партию «Единая Россия» (ЕР), возглавляет которую, весьма успешно, один из заместителей директоров компании, он же одновременно является заместителем председателя городской думы.

Характеризуя генерального директора компании, наши респонденты не жалеют позитивных эпитетов, и похоже, что это не просто слова:

Генеральный директор, его уважают, и не только в Г. Он сам по себе человек положительный, трудоголик. Он работает с заботой о людях. Ему уже за 70 лет. Заменить его полноценно просто некем. Нет людей с таким масштабом мышления в городе.

Оценки действий председателя Совета директоров также отличаются большим уважением и пониманием его неопределимого вклада в развитие города:

Председатель Совета директоров точно лидер. Все работает благодаря ему. Если что-то с ним случится, будут проблемы, это точно. Цепочка работает, но все тонкие связи завязаны на нем. Он выше всех обстоятельств, которые могли бы его остановить. Может быть, со временем что-то изменится, но в данный момент это так.

В одном из интервью председатель Совета директоров М не отрицал того факта, что участие в городской политике — это не просто жест доброй воли. Это прежде всего стратегия наращивания мощи компании.

Забываясь о городе, он фактически создает приемлемые условия жизни для своих работников, которые будут приносить прибыли компании.

Начав помогать городу, он и генеральный директор вскоре убедились, что только ресурсов компании недостаточно, чтобы реализовать нужные проекты.

Когда я еще депутатом не был, мы с генеральным директором многими вопросами стали заниматься. Ездили, смотрели, создавали программы по городу, по району. Стали понимать, что нужно больше полномочий, чтобы делать более серьезные дела.

Поэтому они сделали следующий шаг — избрались депутатами ЗС края, чтобы привлекать в город дополнительные ресурсы. Это им удалось:

Мы понимали, что создать солнечное царство в городе под названием «Компания М» — это утопия. У нас работают высококлассные специалисты, и они должны жить в достойной среде. Если создавать ее в масштабах города средствами предприятия, на этой уйдет вся прибыль. Это можно создать, имея некоторые рычаги влияния. Пришлось идти в ЗС края, — считает председатель Совета директоров компании М¹.

Таким образом, сегодня можно вполне определенно говорить о том, что развитие городского пространства осуществляется при поддержке двух стратегических лидеров, которые мобилизовали для этого дополнительные ресурсы, воспользовавшись своим политическим влиянием. Именно они с помощью выдвижения своего работника на руководящую должность в партию ЕР, обеспечили неоспариваемое преимущество партии власти как политического игрока в городе.

Представители элитного корпуса, характеризуя лидера партии ЕР, признают: это не просто должность для него, а работа, которую он де-

---

¹ Сегодня эти два лидера приняли решение выйти за границы городского округа и не только помогать ему, но и возродить поселки и города так называемого Куба (К-ского угольного бассейна), которые непосредственно прилегают к городскому округу и находятся, по мнению элит, в плохом экономическом и социальном положении: «Сейчас Председатель совета директоров пользуется авторитетом именно потому, что он ставит перед собой и другими амбициозные задачи. Он решил поднять и возродить города Куба. Там власть местная поменялась. Там депрессивная территория. У него в этих городах есть свои помощники. Почему он это делает? Это человек, для которого важно не только экономическое развитие, но и благополучие людей, которые живут на территории», — убеждена начальник управления внутренней политики администрации городского округа.

лает очень ответственно, завоевав заслуженное уважение у локальных элит.

Секретарь местного отделения партии ЕР полностью ее здесь создавал. Он полностью ее ведет. В этом смысле его никто не менял никогда... Он знает все. Это его детище. У него абсолютная поддержка людей, которые там находятся. У него очень серьезные рейтинги, — считает председатель городской думы.

Отличительной особенностью руководимой им партии является то, что «политическая партия, основная на территории, занимается чем-то реальным, а не политикой».

Важной политической фигурой в городе остается бывший глава городского округа, который сейчас занимает должность министра территориального развития, но и сегодня проявляет серьезный интерес к тому, что происходит в городе. Он знаком со всеми городскими проблемами, следит за работой депутатского корпуса, консультирует команду главы по вопросам продвижения проектов на региональном и федеральном уровнях, поддерживает взаимодействие с генеральным директором компании М, а также с председателем Совета директоров. Тройка стратегических лидеров, помимо местной власти, действительно расширяют возможности для развития города.

Глава местной власти и его команда, безусловно, в этом окружении не выглядят аутсайдером. При их участии реализуется много городских проектов, которые нужны городу как воздух. Тем более что их реализация требует согласования со стороны различных игроков:

Мы занимаемся реконструкцией теплоснабжения и водоснабжения, строим ледовые дворцы и др. Мы выиграли общероссийский конкурс на оптимизацию сетей. Нам диплом вручал министр ЖКХ РФ. Это 70 млн. Кроме этих денег мы уже вложили 70 млн. Сделали парк совместными силами. У нас там были краевые и бюджетные деньги. Компания М сделала аллею химиков. Компания К сделала ограждения по всему периметру для парка. Детский городок. Это совместная работа, — считает глава городского округа.

Благодаря усилиям главы и его команды в городе реализуется много программ внебюджетного характера. Это те проекты, на которые удастся доставать дополнительное финансирование за счет победы в различных проектных конкурсах на федеральном и региональном уровнях:

Бюджет городского округа составляет около 270 миллионов, а консолидированный бюджет уходит за 1 млрд 100 тысяч. На свои 270

миллионов мы привлекаем денег больше в три раза. Эти деньги идут к нам из региона и федерации. У нас бюджет выстроен на программной основе. Каждый рубль отнесен к решению какой-то программы. У нас 24 программы. В рамках этих программ мы выделяем деньги на проекты. Это мы обсуждаем вместе с председателем Совета директоров и генеральным директором, — уточняет глава городского округа.

Глава, по оценкам элит, воспринимается как успешный руководитель территории еще и потому, что много работает со всеми группами населения, руководствуясь принципом «открытых дверей»:

Я к главе могу обратиться... Он абсолютно открыт. И не только он. И все его заместители. Тут нет игры. Город маленький. Все друг друга знают... вопросы решаются. Если мы правы. Если нет, то мы к нему даже не пойдем. Но неформальных дружеских отношений у нас с ним нет. Он на это и не пойдет. Так что отношения у нас рабочие, — замечает известный в городе предприниматель.

Открытость власти обеспечивает стабильный политический фон в городе и управляемость ситуацией, хотя виртуальная оппозиция в городе все же присутствует. Некоторые из наших респондентов называют их «диванными экспертами»: «Открытых протестов у нас нет. Есть кучка диванных экспертов, которые не всегда хорошо разбираются в происходящем», — уверен местный предприниматель.

Даже лидер местных коммунистов убежден в том, что поводов для политической дестабилизации в городе нет:

У нас нет смысла устраивать протесты. Люди видят, что город разрастается, строятся дома. Сейчас у нас даже дворы стали благоустраиваться. На наши жалобы власть реагирует.

Председатель городской думы придерживается близкой точки зрения:

У нас нет протестов. В том числе политических. А какой может быть политический протест, если политическая партия, основная на территории, занимается чем-то реальным, а не политикой. Если бы все занимались одной политикой, тогда можно было бы о чем-то поругаться. Оппозиция ничего не может нам сказать.

В целом можно говорить о том, что городом в экономическом и политическом смыслах управляют представители двух команд, которые рассматривают себя единой командой с общими целями и приоритетами, что создает стабильный политический фон в городе.

КОМПАНИЯ М И ЕЕ РОЛЬ В ГОРОДСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Роль компании М в городской политике, как следует из уже приведенных материалов интервью с представителями элитного корпуса, весьма высока. Прежде всего потому что стабильность социально-экономической ситуации связывают именно с ней. Вторая компания, несколько десятков лет назад была локомотивом развития в городе, сегодня потеряла свой ключевой статус, хотя, по мнению респондентов, и она помогает в реализации социальных проектов, особенно культуре:

Общегородские проблемы решаются... с помощью компании М. И вторая наша компания К культуре точно помогает... Парк, который мы сейчас реконструируем, несколько площадок были полностью построены на их деньги... Они помогают нам в силу своих возможностей». Пусть это не огромные, но очень нужные культуре деньги, — отмечает начальник управления культуры городской администрации.

Оба предприятия реализуют развернутые социальные программы для своих работников, что также можно считать вкладом в городскую политику.

В отличие от компании К, компания М стремится реализовывать крупномасштабные проекты, к которым элиты относят проект «Школа — ссуз — колледж — предприятие».

Как уже сообщалось, именно с помощью компании М и при содействии местной власти в городе сохраняется экономическая и политическая стабильность, хотя нельзя сказать, что существующая ситуация с ковидом и военной спецоперацией не создает напряжения, особенно у малого бизнеса.

Не следует думать, что, принимая активное участие в городских программах, компания М действует исключительно как благотворитель. Видимо, прав глава городского округа, который усматривает в этом и прагматический интерес:

Важная сторона — это стремление компании привлечь население на предприятие. Они отводят большое место привлечению молодежи на свое предприятие. Они стремятся к тому, чтобы ребята были образованные. Они сейчас вкладывают немалые деньги в тот же химико-технологический колледж. Они готовят будущее свое пополнение. Для того, чтобы в колледж пришли хорошие ребята они долгое время вкладывали деньги в развитие образования. Они вкладывали деньги в библиотеки, в актовые залы... Так бывает не всегда. Они действительно нацелены на будущее.

Компания М обеспечивает развитие города не только за счет масштабных социальных проектов, она дает работу и малому бизнесу, привлекая его к строительным и другим работам. Представители малого бизнеса убеждены, что в трудных условиях они выживают за счет компании М:

Не будь сегодня М, в условиях коронавируса нам бы было намного хуже. У нас есть своя столовая. Она не работала все эти месяцы... Лес не работает. С такси проблема. Не будь сегодня компании с теми работами, которые они дают, нам выживать было бы очень тяжело. За счет М и муниципальных заказов мы и выживаем сегодня. Не то, что выживаем. Живем неплохо. Это 100 % так, — убежден известный в городе предприниматель.

Другой предприниматель также отдает ведущую роль компании в выживании малого бизнеса, особо подчеркивая уважительное отношение к компании со стороны всех горожан:

Способ выживания — это компания М. Мы занимаемся строительством, и они нам часто предоставляют объекты. Сейчас мы сдавали два девятиэтажных дома. В прошлом году мы сдавали девятиэтажный дом. К заводу уважение есть, ведь они не обязаны делать то, что они делают для города. И генерального директора, и председателя Совета директоров уважают, это не вопрос. Если сегодня будут выборы, народ за них проголосует. Это точно.

Столь высокий экономический потенциал компании М и ее активное участие в социальных программах дает основание некоторым нашим респондентам считать, что именно компания М и является основным драйвером городской политики:

Без разговоров, всем рулит М. На 70%. 20% я бы отдал К. Остальные 10% это власть и все остальные. В том числе полиция. Что скажут директора М, то глава и будет делать. Власти у главы не так много, и он сохраняется в ней благодаря тому, что он хорошо исполняет предписания М. Ему сказали — он взял под козырек. Если он будет им противостоять — он на второй день здесь работать не будет, — считает городской предприниматель.

С этой позицией не согласна пресс-секретарь главы, которая хорошо знакома с ситуацией изнутри:

Компания М не может постоянно вмешиваться в текущие задачи. У директоров много стратегических задач. Отношения с губернатором зависят от председателя Совета директоров, но с членами команды губернатора взаимодействует глава.

Сам глава рассматривает влияние компаний на городскую политику как вполне естественное явление, которое не вызывает конфликтов между ними и вопросов типа «Кто здесь главный?»:

У нас конфликтов с двумя компаниями не случается. С теми и с другими мы должны договариваться. Взаимодействие у нас действительно сложилось. Мы вместе ищем возможности для создания комфортной ситуации в городе. Для удовлетворения населения.

Итак, результаты исследования позволяют заключить, что роль компании М в городской политике действительно высока. Именно компания М реализует стратегические экономические и социальные проекты, значительно улучшающие ситуацию в городском округе. Важно, что при этом стратегические лидеры компании не доминируют в отношениях с местной властью, отдавая ей возможность действовать в своем режиме.

Безусловно, это не только заслуга компании и ее лидеров, но и адекватное поведение местной власти и ее главы. Он осознанно не конфликтует ни с одной из компаний, а пытается извлечь выгоду для горожан от каждой из них, хорошо понимая, что только усилий администрации недостаточно, для того чтобы городской округ развивался. Помощь компании М в продвижении городских проектов на региональный и федеральный уровень действительно неопределима, но ведь каждый из игроков реализует свои интересы, и важно, что они совпадают, а не расходятся.

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ И КОМПАНИЯ М: ПАРТНЕРСКАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Вывод о том, что глава городского округа и компания М в городе G способны договариваться, может быть подтвержден высказываниями представителей локальной элиты, уверенных в том, что иначе как партнерские существующие отношения между компаниями и властью обозначить нельзя.

Время позитивных договоренностей между компанией М и городской властью сложилось не так давно. Старт совместных договоренностей наши респонденты связывают с приходом нового главы в 2012 г.: «У нас отношения с М сложились не так давно. То, что это получилось заслуга бывшего главы. Но до сих пор партнерская модель сохраняется и это очень важно для города».

Секретарь местных коммунистов не сомневается в том, что, хотя компания М финансово сильнее, главе города удается с ней договариваться вполне успешно и работать на равных:

Мне кажется, что на город больше компания М влияет. Все мероприятия организывает завод. Денег у них больше... У города финансов не хватает... Он просит компанию договариваться о совместных действиях вполне получается.

По мнению председателя городской думы, делить им между собой нечего, каждый из них занимается своим делом, добровольно, а не по принуждению, ради достижения своих целей:

Есть часть дел в городе, за которые отвечает глава, есть часть дел, за которые отвечают стратеги в лице председателя Совета директоров и генерального директора. Один стратег идет в цеха и смотрит, как там все происходит, второй садится в машину и едет смотреть, как там студенты учатся. <...> Действительно, в городе все строится на взаимодействии.

Описывая роль каждого из акторов, председатель городской думы подчеркивает, что у каждого из них есть свои задачи, а потому их совместные усилия необходимы для развития территории:

Глава находится на территории. Он представляет территорию и взаимодействует с теми, с кем ему надо взаимодействовать. Собирает на территории проблематику... Обобщает ее. В том числе с помощью такого источника, как дума. Он формирует некий пул проектов. Потом начинается их продвижение. Он делает это с помощью стратегов, в том числе с помощью министра территориального развития, бывшего раньше главой городского округа. Почему? Система не позволяет напрямую делать то, что ты хочешь. Всегда нужна цепочка поддержки. Помощь, выбивание. Но принципиально все проекты продвигаются уже не самим главой.

Гипотеза о взаимных усилиях и единой команде формулируется и начальником управления внутренней политики администрации городского округа:

Отношения между главой и компанией М взаимовыгодные, это точно, потому что председатель Совета директоров является депутатом, к которому идут люди. Они идут за решением своих проблем. Он как депутат отправляет запрос в органы местного самоуправления. Исполняет-то кто? Исполнительная власть. Другая сторона взаимодействия — председатель Совета директоров. Это важная фигура.

В каком-то смысле между ними договорные отношения, в каком-то — доминирующие. По сути, им и договариваться не о чем, они просто идут нога в ногу. Заместитель председателя думы одновременно секретарь партии ЕР и одновременно один из руководителей компании М. У нас с компанией одна команда.

Важно, что сложившиеся партнерские отношения предполагают согласование позиций обеих сторон, которое и происходит в повседневной работе не только самого главы, но и у остальных членов команды:

Компания М в мою работу никогда не лезла. Они никогда мне не говорили, что именно писать. Если они что-то пишут о власти, обязательно просят комментарий со стороны главы. Они не забывают согласовывать свое видение с администрацией. У нас налажен диалог. Они ничего не навязывают главе. Нет такого: мы хотим, так и будет. Это всегда согласовывается, они советуются между собой, — убеждена пресс-секретарь главы.

Объяснения, согласно которым, власть поддерживает партнерские отношения с компанией М, весьма однозначны: компания М слишком сильна, чтобы власть могла при желании ей противостоять:

Взаимодействие у компании М и у местной власти есть, они близки по целям и позициям. Конфликтов у них нет. Они договариваются. Нельзя сказать, что власть — это придаток, который не имеет право голоса. Власть свое мнение высказывает. У них скорее партнерские отношения. Понятно, что компания М как старший брат. Вступить с ним в конфликт не следует. Овчинка выделки не стоит, — не сомневается главный редактор местной газеты.

Модель отношений по типу совместных усилий защищает также местный предприниматель:

Я думаю, что компания М и власть действуют совместно. Это градообразующее предприятие. Это завод-гигант, без которого города бы просто не было. Между ними есть взаимодействие, это не вызывает сомнений. Некоторые считают, что М давит на власть. Это не так. Я думаю, что глава города не зависит от компании. Власть у нас самостоятельна. М давления на власть не оказывает. И свои интересы вопреки всему не продвигает, пользуясь тем, что они завод-гигант... Такому большому заводу давить власть в городе незачем. У них нет такой надобности.

Глава городского округа, в свою очередь, убежден, что между ним и компанией М нет подковерных игр, приводящих к скрытым или от-

крытым конфликтам. Ключевое требование, которое предъявляет главе компания М — качество реализуемых проектов:

Со стороны компании М абсолютно нет давления на меня. У М есть своя хорошая социальная программа. Цель то у них не просто отдавать деньги городу. У них целевое финансирование. Все просчитано. Председатель Совета директоров влияет на принятие решений, но он влияет на них в рамках договоренностей. Мы под ковром не бьемся. Но качество проектов он отслеживает. У нас хоть и добрые отношения, но качество превыше всего. И сроки тоже. Я никогда просто так ничего не откладываю. Мы всегда ищем компромиссные пути.

Подтверждает правдивость высказанной позиции и председатель Городской думы, один из руководителей компании М:

У компании нет принципа в отношениях с главой «Знай свое место». У нас с ним отношения партнерские. В противном случае это бы никак не работало. Когда человек становится главой, у него представление о своей значимости появляется. Разве таким человеком можно вертеть и управлять как хочешь?

Модель партнерства, в основе которой лежит взаимопонимание, позволяет, по мнению главы, делать власть в городе эффективной, дает возможность реализовывать амбициозные проекты, сохраняя при этом социальное спокойствие в городе.

Глава благодарен председателю Совета директоров за то, что он его во всем поддерживает. Он убежден — это дает ему дополнительные ресурсы для договоренностей с правительством края.

Один из городских предпринимателей тем не менее не совсем верит в то, что компания и администрация во всех случаях работают как единая команда, но важно для него не это, а возможность заниматься бизнесом без препятствий:

Взаимодействие между властью и компанией М совсем не такое простое. Всякое случается. Предположить, что компания в спорных вопросах ни разу не воспользовалась своей силой, трудно. Но я за взаимопонимание и партнерство. Это неважно, кто главнее. Важно, чтобы мне не мешали работать.

Итак, проделанный анализ позволяет убедиться в том, что партнерские отношения между бизнес-игроками и администрацией вполне сложились. Обе стороны видят пользу для города в реализации партнерской модели, которая позволяет им более эффективно решать свои проблемы и добиваться социальных целей. Важно, что они видят в пар-

тнерской модели эффективный инструмент поддержания социальной и политической стабильности, что позволяет надеяться, что данная модель окажется работающей и в среднесрочной перспективе, особенно в условиях санкций.

ГЛАВА ГОРОДА И ДРУГИЕ ЛИДЕРЫ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ: ФЕНОМЕН РАЗДЕЛЕННОГО ЛИДЕРСТВА

Действующий сегодня глава городского округа G, по мнению локальных элит, без сомнения является лидером городского пространства. Опрошенные респонденты отмечают его эффективность, договороспособность, ответственность, открытость. Именно эти качества позволяют главе находить общий язык с крупными бизнес-компаниями и малым бизнесом. Во многом благодаря этому город не останавливается в своем развитии.

Важным качеством главы является его открытость, стремление всегда помочь бизнесу в решении его проблем. Как считает известный в городе предприниматель, «он абсолютно открыт. И не только он. Все его заместители так настроены. Тут нет игры. Город маленький. Все друг друга знают. Вопросы решаются, если мы правы. Если нет, то мы к нему даже не пойдём».

Высоко оценивает деловые и лидерские качества главы и другой известный в городе предприниматель:

На человека, на его работу надо смотреть по результатам. Видно, что у нас город развивается. Одна из причин, — глава имеет качества лидера. Он очень дотошно спрашивает: а почему, а почему? Он ориентирован на результат. На всех совещаниях он так долбит... Давай, давай... Почему тут не сделали?

Весьма развернутую характеристику главе дает и редактор местной газеты:

Глава очень осторожен. Он очень аккуратен. Он не хочет попадать ни в какие истории. В принципе он здесь появился не просто так. По сути, его та же М привела. Я не думаю, что в городе творятся мрачные делишки. Для него это большой риск. Он на это не пойдет. Он вполне эффективно работает. Он не пускает ситуацию на самотек. Он пытается ее решать.

Подчеркивая в целом успешную работу главы на своем месте, лидер местных коммунистов все же замечает:

Он умеет слушать и слышать. Но иногда он уходит от ответов. Хотя обещает в будущем ситуацию изменить. Разговаривать с просящими он умеет, но дело не всегда делается.

Весьма доброжелательно оценивают работу главы и члены его команды, видя в нем драйвера командного развития:

Глава является основоположником всех начинаний. Он двигатель команды. Он ищет финансирование. И делает много другого. С ним интересно работать. Он креативен, выстраивает партнерские отношения, поддерживает членов команды. Он не позволяет себе хамского отношения к людям. Он пользуется авторитетом. Я здесь работаю и вижу, сколько всего делается, каким трудом это достигается. Человек в отпуске не был более пяти лет, — замечает начальник управления внутренней политики и организационной работы.

Она же отмечает открытость главы для всех, что позитивно сказывается, на восприятии главы прежде всего представителями малого бизнеса и простыми людьми:

Я уверена, что у представителей бизнеса, которые находятся у нас на территории, нет нужды договариваться с ним неформально. Любой из бизнесменов может прийти в любое время к главе или к курирующему заместителю, задать вопросы, которые его интересуют. Не закрыты двери ни для кого. Идут к нему абсолютно все. Он сам к этому стремится. Он разговаривает с людьми, для того чтобы не допускать ни малейшего напряжения.

Не менее важное качество главы — уважительное отношение к окружающим его людям в команде, и не только к ним:

Если есть какие-то замечания, он всегда выслушает. Он никогда не поднимает голоса. Он тактичен. Но ответственность всегда за ним. Мы же паровозики, мы же вагончики... А он локомотив, — замечает начальник управления экономической политики администрации городского округа.

Особое уважение глава вызывает у членов команды за его адекватное отношение ко всем, кто работает с ним рядом:

У главы есть такое качество, как беспристрастность. Он демонстрирует ровное отношение к членам команды без допущения панибратства. К нему можно зайти в любое время. У него есть костяк, с которым он советуется, — считает начальник управления внутренней политики администрации городского округа.

Разделяет уважение к главе и его пресс-секретарь, которая находится с ним в ежедневном контакте:

Глава — человек, который очень спокоен и сдержан. Он никогда не обидит. Он никогда не скажет слова плохого. С ним хочется работать безошибочно. В первую очередь не хочется подвести главу. Он этого не заслуживает.

Отвечая на прямой вопрос, можно ли главу назвать лидером, многие респонденты дают положительные ответы, замечая, что он способен преодолевать внешние обстоятельства, а также умеет работать со своей командой, которая состоит из его последователей:

Глава, безусловно, лидер. И очень грамотный руководитель. Я вижу, как в последние годы город преобразился. Есть рядом другие города, там ничего не происходит. Это зависит в первую очередь от руководителя. Если он носа не высовывает, то это не руководитель, — убежден городской предприниматель.

В лидерских качествах своего главы не сомневается и начальник управления внутренней политики и организационной работы:

Я главу называю лидером. Для работников администрации он лидер. Он умеет создать команду. Он умеет принимать эффективные решения. Он умеет брать на себя ответственность. Я эти качества очень ценю и думаю, что не только я.

Основной аргумент, который позволяет его отнести к лидерам, по мнению его пресс-секретаря, состоит в признании наличия у него сильной команды, а также безусловный авторитет, который он снискал среди других муниципальных лидеров:

Глава является председателем ассоциации «Союз», куда входят главы городов. Чтобы стать председателем, надо, чтобы главы других городов признавали твое лидерство. Для этого у главы должен быть авторитет. Сначала ассоциацию «Союз» возглавлял другой моногород. Потом произошло голосование, это было в 2017 году, и наш глава стал председателем. Это было тогда, когда наш город стал выходить на новый уровень.

Сам глава городского округа убежден: он не может не быть лидером. Чтобы сегодня город развивался, лидерские качества главе просто необходимы:

Это моя основная цель — быть лидером и достигать нужных целей, несмотря ни на что. Если бы я этого не делал, то я бы здесь не работал. Здесь очень сильная команда, и в ней нельзя работать безответственно, неэффективно, не создавая рычагов для взаимодействия. Команда просто меня бы не приняла.

ДУМА ГОРОДСКОГО ОКРУГА КАК ИНСТИТУТ КОНТРОЛЯ ЗА МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ

В городе G к формированию городской думы подошли ответственно. В ее составе оказались все фигуры, которые могут представлять интересы города с одной стороны и интересы градообразующего предприятия — с другой.

Комментируя состав думы, начальник управления внутренней политики и организационной работы администрации замечает:

Депутатский корпус у нас вполне адекватный. Мы очень тщательно подходили к его образованию. Состав депутатского корпуса — это руководители муниципальных бюджетных учреждений, которые имеют авторитет в своей сфере. Это все бюджетники. Есть люди и из компании М.

Председатель думы подчеркивает, что действующая сегодня дума фактически состоит из двух полюсов:

У нас вполне обычный депутатский корпус. У нас есть и одна сторона медали, и другая. Дума у нас сформирована на паритетных началах. Она состоит из представителей компании М, это достаточно немаленький блок, 6–7 человек. Далее у нас есть представители муниципальных организаций. Бюджетники. Представители медицины, учителя. Полный набор бюджетников.

Присутствие в думе бюджетников и их превосходство над сотрудниками компании лидер местных коммунистов объясняет весьма узнаваемо: «Бюджетники там сидят, потому что они зависимы от главы. Или потому, что можно себе что-то выбить. В той же больнице ремонт сделать. Или еще что-то».

На вопрос о том, почему думу возглавляют работники компании, наш респондент без сомнения заключают: «Компания участвует в городских процессах. Ей надо контролировать ситуацию. Ей надо знать, что делает глава».

Хотя руководители двух ветвей власти в городском округе говорят о том, что состав думы достаточно типичный, все же нельзя не признать: представители малого бизнеса там практически не представлены (один человек — директор микропредприятия).

Объясняя причины подобной аполитичности местного бизнеса, наши респонденты формулируют разные гипотезы. Одна из них: «Бизнесу политика не нужна, им не от кого защищаться». Эту точку зрения

формулирует начальник управления внутренней политики и организационной работы администрации:

У нас малый бизнес далек от политики. Что им защищать? Простите... Ведь у нас все депутаты на неосвобожденной основе. Любой из бизнесменов может прийти в любое время к главе или к курирующему заместителю и задать вопросы, которые его интересуют. Не закрыты двери вообще ни для кого.

Вторая гипотеза: «Бизнес не хочет тратить время на работу, которая не связана с их непосредственной деятельностью»:

Никому не запрещено баллотироваться в депутаты. Может быть, у нас народ больше понимает, чем в больших городах, что каждый должен заниматься своим делом. Зачем мне туда идти? Не знаю... Конкуренция? Конкуренция бывает, и она бывает достаточно жесткая. Но мы работаем с небольшими прибылями, и у нас она не такая высокая. Диверсификация. Там немного, там немного... Не каждый на такое согласится.

Таким образом, состав думы сформирован из тех фигур, которые, по каким-то причинам видели смысл в работе этого политического института. Судя по отказу бизнеса баллотироваться инициативно в состав думы, можно предположить, что права малого бизнеса в городе действительно не ущемляются, и они могут решать свои вопросы напрямую с главой. Тезис о том, что бизнесу в городе не от кого защищаться, похоже, имеет под собой основания.

Размышляя о том, какие принципы лежат в основе отбора кандидатов в думу, глава городского округа заостряет внимание на принадлежности к партии ЕР и узнаваемости кандидатов:

Мы обсуждаем кандидатов не только между собой. У нас есть доминирующая партия — «Единая Россия». Там есть хорошие люди. Мы с ними встречаемся, обсуждаем... Проходные кандидаты — люди уважаемые. Самое основное, чтобы предлагаемые кандидаты были на своих территориях узнаваемые.

Подтверждает сформулированный принцип подбора и председатель думы, который видит в нем реализацию идеи взаимодействия между городом — компанией — партией «ЕР»:

Заседающие в думе депутаты, прошли через сито ЕР. Партией ЕР руководит человек из компании М. В депутатском корпусе сложилось взаимодействие между компанией М, партией ЕР и городом. Это почва, на которой депутаты взаимодействуют уже достаточно много лет. В депутатский корпус входят люди, лидеры общественного мнения.

При этом председатель думы полагает, что принадлежность всего депутатского состава к партии ЕР никоим образом не влияет на принимаемые депутатами решения:

Принадлежность к партии ЕР не влияет на принятие решений, так как это оказывается не единственным основанием для принятия того или иного решения. Единоросс ты или не единоросс — это последнее, о чем они помнят.

Какими бы принципами ни руководствовались архитекторы думы, очевидным является вопрос о влиянии подавляющего присутствия в думе бюджетников на рабочие процессы. Сказывается ли это на принятии решений, как это отражается на взаимодействии таких разных депутатов между собой?

Ответы на эти вопросы носят весьма противоречивый характер. Глава городского округа убежден, что дума работает активно и заинтересованно, ему удастся быть для депутатов убедительным и слышать их просьбы:

У нас депутаты очень активны. Они ходят ко мне и просят о помощи. На каждом заседании думы вопросы бурно обсуждаются. Но это не агрессивная позиция. Им нравится, когда есть взаимодействие. Я, как глава, стараюсь максимально услышать наших депутатов.

Более сдержанно работу депутатов, особенно представляющих бюджетный сектор, оценивает председатель думы, который убежден:

Некоторые бюджетники задают такие вопросы, от которых становится как-то неприятно. Человек в этом вопросе некомпетентен, а он его озвучивает на самой думе, когда этот вопрос уже проработан. С этим человеком потом надо разговаривать.

Этот опыт приводит председателя думы к весьма важным выводам относительно состава думы в будущем:

Мне кажется, это неправильная история, когда в составе думы находятся руководители муниципальных предприятий. Нельзя делать так, что ты должен контролировать работу твоего работодателя. Не случайно, что депутаты-бюджетники часто просто помалкивают. Эта ситуация сама по себе невозможна... Мой подчиненный не может быть моим руководителем.

Несмотря на недостаточную компетентность некоторых депутатов, председатель думы, в свою очередь, убежден: управляемость думой сохраняется и принципиальных разногласий между депутатами нет:

Естественно в думе возникают конфликты, когда речь идет о распределении денег. Одному хочется двигаться в одну сторону, а другому — в другую. Но таких конфликтов единицы.

Размышляя о методах, с помощью которых можно добиваться управляемости думы, он замечает, что это во многом естественный процесс, так как у депутатов нет больших разногласий в видении того, как городу следует развиваться:

Мы добиваемся управляемости разными путями. В том числе с помощью самого неприятного — давления. Но за все время было от силы два таких решения. Все остальное — это договоренности, и уговоры, и обещания...

Отрицает председатель и корыстные мотивы работы в думе:

У нас нет вопросов, которые непосредственно связаны с личными интересами депутатов. Я ни разу не сталкивался с ситуациями, когда можно было об этом подумать. Тут про личную выгоду говорить неуместно.

Как следствие, в думе нет выраженной оппозиции, как считает начальник управления внутренней политики и организационной работы: «Оппозиция в думе есть, но она не ярко выраженная. У нас есть отдельные личности, которые могут выступать, но в результате они с решениями соглашаются».

Низкий оппозиционный потенциал думы отмечает и главный редактор местной газеты, интерпретируя это тем, что «дума — это администрация», т.е., по сути, одна команда:

Особой влиятельности, как и оппозиционности, у думы нет. Депутаты главе не противодействуют. Они, по сути, являются командой главы. Если бы у них не было депутатских мандатов, это бы ничего не поменяло. Они также бы работали. Они хорошо понимают, как можно, а как нельзя. Это продолжение команды администрации.

Отсутствие оппозиции не всеми воспринимается однозначно. Например, депутат думы от компании М видит в этом не только положительную, но и отрицательную стороны: «Оппозиция нужна... Когда ее нет, команда может ошибиться и идти по инерции. Не будет никого, кто сможет ее остановить или переменить движение».

Взаимоотношения главы городского округа и думы, судя по полученным оценкам, строятся на неконфликтной основе благодаря общему видению городских проблем и сложившейся единой команде, которая избегает споров и разногласий. Такой точки зрения придерживается глава городского округа:

У нас разногласий с Думой нет. Изначально общая стратегия развития города строится на совместных обсуждениях. Если мы один раз приняли то или иное решение, то мы его не корректируем. Корректируем лишь в том случае, если на это есть причины. Если мы приняли решения вместе с общественностью, то зачем председатель думы будет в это вмешиваться. Тогда это уже не команда.

Пресс-секретарь главы фактически подтверждает его позицию относительно того, что он внимательно работает с замечаниями депутатов и всегда старается их учитывать при принятии финальных решений:

На заседаниях думы обязательно задаются вопросы главе. Депутаты могут спросить: «Почему Вы утаиваете от нас эту информацию?» Нет такого, что все хорошо... Они задают те вопросы главе, которые им жители задают и что они сами видят. Нет такого: отсидели думу и ушли. Они всегда разбираются.

Сам глава городского округа оценивает свою работу с депутатским корпусом как неотъемлемую часть своей работы для развития города, тем более что депутаты действительно воспринимаются им как члены его команды:

Я воспринимаю депутатов как членов своей команды. Они делают важное дело — слушают население. Они знают их нужды. Я честно говорю, вроде бы когда единая команда — это хорошо, но это и большая ответственность. Я отвечаю за состояние всего города.

Лидер коммунистов убежден: глава и дума действительно объединены в единую команду, и это хорошо для города:

У нас единство главы и думы есть. Единство команды — это хороший ресурс для развития города. Это основной ресурс. Когда есть ругань, то ничего хорошего не получается. Это неправильно.

Итак, дума городского округа G, как следует из анализа, обладает как типичными, так и уникальными характеристиками для данного политического института. Как часто это бывает, в нее входят, с одной стороны, представители градообразующей компании, с другой — бюджетники. Важно, что между ними нет публичных конфликтов, которые были бы известны прессе и массово обсуждались. Частично это объясняется подбором состава думы, большую часть которой составляют руководители бюджетных учреждений. Однако их нельзя назвать «молчащим большинством». Тем не менее подобный подбор оценивается председателем думы как неправильный: руководители бюджетных учреждений не могут контролировать работу своего работодателя.

В думе отсутствуют бизнесмены, что совсем нетипично для малых российских городов. Скорее всего, это может быть следствием как аполитичности местного бизнеса, так и отсутствия существенных препятствий для работы малого бизнеса на территории. Иначе их приход в думу для защиты своих интересов с помощью депутатских мандатов был бы предопределен.

Партнерская модель взаимодействия между думой и администрацией, как ее обозначает глава, судя по всему, действительно сформирована. Готовность главы договариваться с думой, а не давить на нее — яркое тому доказательство. Тем не менее не следует думать, что во всех случаях доминируют исключительно договорные отношения. Скорее всего, прав председатель думы, который утверждает: «Мы добиваемся управляемости думы разными способами, в том числе с помощью давления». Однако нельзя сказать, что давление — это единственный применяемый и работающий метод. В целом можно утверждать, что дума хотя и не является «ярким политическим институтом, со своим лицом», тем не менее возложенные на нее функции выполняет вполне успешно, хотя ее влияние не так высоко, как могла бы быть. Тот факт, что думу возглавляют руководители компании М, имея в своем составе только 4–5 ее работников, свидетельствует о том, что серьезных разногласий между этими двумя полюсами депутатов, вероятнее всего, нет.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВЛАСТИ В ОЦЕНКАХ ЛОКАЛЬНЫХ ЭЛИТ

Вопрос об эффективности/неэффективности власти в G не вызвал у представителей локальных элит оценочных затруднений.

Представители администрации, как и другие группы респондентов, оценивают власть в городе как эффективную. Объективным доказательством этого являются победные места, которые территория занимает во всевозможных конкурсах. В наличии большого числа кубков и грамот сомневаться не приходится. Они все выставлены в администрации. У нас была возможность увидеть их своими глазами. Пресс-секретарь главы, комментируя ситуацию, настаивает на том, что победы во всевозможных конкурсах далеко не случайны. Город на протяжении нескольких лет борется за призовые места и уверенно побеждает из года в год (2016, 2017, 2018, 2020):

Да, мы занимали призовые места среди 48 муниципальных образований края. Для победы в конкурсах есть несколько критериев. Участие в проектах... Освоение денежных средств. Участие в федеральных проектах. Все это складывается вместе, и назначается победитель. Единственное — в том году мы заняли второе место, а не первое. На портале мы должны давать ответы на проблемные вопросы. Сфера ЖКХ нас немного подвела. Только из-за этого мы заняли второе место. Этот критерий был добавлен в прошлом году. А так мы всегда были первыми.

Если отвлечься от конкурсных результатов, что является критериями эффективности власти для самих локальных элит?

Прежде всего в основе эффективности власти лежит мотивированная работа членов команды. Об этом напоминает начальник управления внутренней политики и организационной работы:

Я бы здесь не работала, если бы считала, что власть не эффективна. Я считаю, что на должности муниципального служащего нельзя работать спустя рукава. И я не задаю вопросов «А почему мне?» и «Почему так быстро?» Надо, значит надо. Так работают многие из нас. Мы не бюрократы, мы привыкли все делать быстро и ответственно.

В основе эффективности команды — партнерские отношения между ее членами и профессионализм сотрудников, продолжает свои размышления начальник управления внутренней политики и организационной работы:

Я считаю, что на 100 % команда эффективна. Основной критерий эффективности команды — это партнерские отношения. Глава советуется. Мы все друг с другом советуемся. Для меня это и есть эффективность. Может быть, кто-то думает по-другому, но для меня это так.

Не менее важным критерием является, по ее мнению, нацеленность на результат:

Наш глава часто говорит: мне нужен результат. Это еще один критерий эффективности. У нас люди собрались профессионалы. Каждый в своем направлении знает лучше других свою работу.

Пресс-секретарь фактически говорит о том же, отдавая главе и ежедневной работе команды приоритет в достижении эффективных результатов:

Показателем эффективности власти является ежедневный труд в стенах администрации. Безусловно, это глава. Это команда, которая была создана. Энтузиазм, с которым она работает каждый день. Это умение команды делать проекты. Нацеленность на результат — это

обязательно. Эффективность — это выполнение поставленных задач, отслеживание их выполнения главой. Постоянно проходят совещания о ходе работы над проектами. Никто не хочет быть отстающим. Все стараются.

Эффективность власти главы, по мнению начальника управления культуры, определяется не только и не столько наличием большого числа проектов, которые выполняются, но и способностью главы ставить перед командой амбициозные цели, которые на первый взгляд кажутся невыполнимыми:

Я думаю, что власть в городе эффективна... Глава ставит перед собой задачи, которые на первый взгляд кажутся невыполнимыми. Но ты веришь — это выполнимо. Ты знаешь — у тебя рядом есть плечо, ты не один. Эффективность власти — это способность ставить цели, которые кажутся невыполнимыми и выполнять их. Это цели, которые выше твоих возможностей.

Не менее важными условиями для достижения эффективности власти она считает партнерские отношения с компаниями М и К, а также личность главы:

Компании М и К — это очень важный фактор для эффективности власти. Другие территории говорят: «Вам хорошо, у Вас есть компании М и К». Я согласна — это важно. Еще один важный момент — личность главы. Только сильный глава может создать сильную команду и поддерживать эффективность власти.

Согласен с тем, что власть в городе в лице действующего главы эффективна, и лидер местных коммунистов:

Глава к горожанам прислушивается. Он делает интернет-трансляции. Он присутствует в «Инстаграме», «ВКонтакте». Люди ему пишут. Обращаются напрямую. Он к ним прислушивается. Это немаловажно. Глава у нас неплохой, особенно по сравнению с городом, который рядом.

Глава городского округа, в свою очередь, убежден, что власть в городе эффективна и в ее достижении немалую роль играет поддержка компания М. Председатель Совета директоров компании М имеет налаженные связи в крае, что является одним из условий достижения эффективности. Как и заинтересованность губернатора края в развитии городской территории:

Эффективность — это целый комплекс факторов. Один из главных факторов — это создание единой команды с компанией М. Это влияет на взаимодействие правительства с городом, очень влияет.

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что эффективность власти в оценках элит предстает как многомерный и сложный феномен. Тем не менее повторяемость сделанных оценок дает основание для предположения, что в городе G власть близка к эффективности. Достигается это с помощью различных механизмов, но все же нельзя отрицать: мотивированность самого главы и его команды делать свое дело хорошо, преодолевая ежедневные препятствия, — весьма важный фактор эффективности даже в условиях поддержки власти со стороны компаний M, которую надо уметь завоевать.

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ГОРОДА G: ОЦЕНКИ ЛОКАЛЬНЫХ ЭЛИТ¹

Все опрошенные респонденты среди элитного пула разделяют позитивный сценарий будущего. Связывают они его в первую очередь с компанией M.

Предприниматель, широко известный в городе, не сомневается в том, что если компания M будет развиваться, то будущему города ничего не может угрожать: «Компания M заботится о своих работниках, у нее есть будущее, а значит у города есть будущее. Люди у нас работают, получают зарплату. И верят в будущее».

Связывает будущее города с компанией M и другой известный в городе предприниматель:

Будущее связано с предприятиями, которые у нас есть и развиваются. В первую очередь с компанией M. Другой наш завод, конечно... крупное предприятие, но в первую очередь будущее делает компания M. Я думаю, что в будущем ситуация будет не ухудшаться, а улучшаться... Они строят новые рабочие места. Это важно, очень важно, чтобы у людей была работа и крыша над головой.

Главный редактор местной газеты уверена в том, что будущее у города есть, пока компания M реализует на этой территории свои амбициозные программы по строительству новых производств. Подтверждением этому является активное строительство новых домов, в том числе частных, людьми, у которых есть средства:

---

¹ Данные получены в условиях пандемии, и, как показало исследование, они практически не повлияли на общий позитивный фон оценки ситуации в городе.

Сомнений нет, будущее у города есть. Иначе зачем строить еще одно производство. Зачем строить дома? Новый микрорайон. Город будет развиваться. Раньше молодежь уезжала. Сейчас этого нет. Ребята думают, ведь теперь у них может появиться работа.

Солидаризуется с позицией главного редактора и предприниматель-строитель:

Посмотрите, у нас все участки раскуплены под индивидуальное строительство. Еще в 2005–2010 гг. у нас было куплено всего два участка. Сейчас люди поверили, что они смогут удержаться на ногах, потому что появились деньги. А вместе с деньгами — возможности.

Лидер местных коммунистов также весьма оптимистично оценивает будущее:

У завода планы очень большие. Если средства позволяют, то почему бы и нет. Главное, чтобы они людей не забывали. Если они будут строить, то это рабочие места. Приток людей будет. Разве это не будущее?

Глава городского округа также не сомневается в том, что в ближайшие годы город будет развиваться, миграция сократится, а численность населения в городе перестанет падать.

Итак, позитивные ожидания относительно будущего города присутствуют во всех группах элит. С одной стороны, это весьма важный импульс для дальнейшего развития, с другой — обращает на себя внимание тот факт, что субъектом будущего в подавляющем числе оценок называется компания М. Другие возможные вектора городского развития и другие его акторы фактически не артикулируются в оценках, за небольшим исключением (туризм, культура). Вполне вероятно, что планы, которые озвучиваются компанией М, действительно будут реализованы, несмотря на все кризисы, и город ждет хорошее будущее. Однако ситуация, при которой за будущее отвечает только одна компания, представляется нам неустойчивой. Не исключено, что для моногородов это вполне характерно, и они в большинстве своем являются заложниками своих градообразующих предприятий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ГОРОД G И КОМПАНИЯ М В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО РЕЖИМА

Санкционный режим, который значительно усилился после проведения СВО в начале 2022 г. не мог не сказаться на экономической, социальной и политической ситуации в городе. Компания М была вы-

нуждена искать и находить новые стратегии выживания в усложнившихся условиях. Благополучие жителей, как и деятельность компании, оказалось под угрозой. Однако, как следует из интернет-материалов и СМИ, это не привело к резкому сокращению производства.

В интервью в СМИ в декабре 2022 г. технический директор компании рассказал о новом крупном инвестиционном проекте, который будет реализован в 2023 г. и позволит компании М значительно расширить продуктовую линейку выпускаемых химических продуктов. Это масштабный проект, который, несмотря на санкционный кризис, позволит компании предположительно нарастить свою экономическую мощь и привлечь к работе новые кадры.

Одновременно именно в этих сложных условиях стратегическими лидерами компании было принято решение перейти к завершению формирования целевой модели управления, которая разрабатывалась ими с 2020 г. В апреле 2023 г холдинг передаст полномочия единоличного исполнительного органа вновь созданной управляющей организации. Целевая модель управления подразумевает, что за операционную деятельность будут отвечать предприятия, сгруппированные в три дивизиона: дивизион крупно- и среднетоннажной химии, дивизион смол в России, а также зарубежный дивизион смол и тонкой химии. Управляющая компания возьмет на себя функции стратегического контроля и оперативной координации их деятельности. Состав Совета директоров также обновился, в него вновь вошли генеральный директор компании М и прежний председатель Совета директоров. Это свидетельствует о том, что работа стратегических лидеров компании М удовлетворяет собственников и они доверяют им управление в сложных экономических условиях.

Продолжает ли компания М быть стратегическим поставщиком химической продукции за рубеж? Из материалов СМИ следует, что компания М отчиталась работникам и населению, что заняла второе место по объему экспорта одного из химических продуктов в России. Это косвенно свидетельствует о том, что им или удалось не попасть под санкции, или удастся их обходить. Вероятно, как считает один из экспертов, в том числе за счет того, что компания М является холдингом и у нее есть юрлица в Европе, быстрого негативного эффекта от вводимых санкций ожидать не стоит. В любом случае «проблемы с логистикой серьезные и их невозможно решить быстро», — замечает один из бывших руководителей завода.

Но это только предположения. Как считают эксперты, информации о том, что происходит с компанией М в условиях санкционного режима, в СМИ проникает мало, что может свидетельствовать о наличии серьезных проблем, которые не озвучиваются публично. Но верным может быть и другой вывод: идет активная перестройка деятельности компании, которая не завершена, а потому результаты ее деятельности пока не предъявляются местному сообществу.

Население в городе из-за отсутствия информации испытывает социальное напряжение, но протестной активности нет. По отдельным поводам вспыхивают недовольства (резонансная авария при перевозке в больницу, в которой погибло несколько женщин, оптимизация медицинских учреждений, плохие дороги, излив шахтных вод и др.), но они быстро гаснут. Таким образом, в целом можно говорить о том, что социальный фон в городе относительно сбалансирован. Как замечает наш эксперт: «Все стабильно у компании. Ничего особо интересного».

Муниципальная власть в городе в 2022 г. также претерпела серьезные изменения. Глава городского округа в результате присоединения к G близлежащего депрессивного города был избран единогласно главой нового муниципального округа. В городском округе G в результате объединения стало преобладать сельское население, поэтому он получил статус муниципального. Смысл присоединения экономически сильной территории к депрессивному городу эксперты комментируют коротко: «Есть надежда, что город G вытащит эту депрессивную территорию из ямы».

Также в ноябре 2022 г. был переизбран председатель городской думы. Им стал помощник заместителя председателя Совета директоров, советник по взаимодействию с органами власти компании М.

Приведут ли эти перемены во власти к изменению партнерской модели взаимодействия между двумя ключевыми акторами, предсказать сложно. С большей вероятностью можно предположить, что в усложнившихся условиях компания М будет стремиться не усложнять свое взаимодействие с местной властью, а постарается сохранить статус-кво или даже нарастить потенциал взаимодействия. Придание статуса муниципального округа G в сложных экономических условиях свидетельствует о том, что компания не намерена покидать поле взаимодействия с муниципальной властью, а значит и в дальнейшем она будет контролировать все процессы, происходящие в муниципальном округе,

и по необходимости продолжит финансирование всех важных социальных проектов.

Через некоторое время ситуация осложнилась еще больше, а неопределенность выросла в разы. В момент подготовки статьи к печати в газете «Коммерсантъ» появилась важная новость: Генпрокуратура РФ подала в суд иск в связи с незаконной приватизацией в 1990-х годах компании «Метафракс Кемикалс» и потребовала изъять акции компании у нынешних владельцев, так как после приватизации завод контролируют лица из США. Завод производит опасную продукцию, поэтому его приватизация была запрещена, и государство незаконно было выведено из числа собственников, а владельцы компании «противоправно» получили контроль над предприятием [Власти решили ... 2023]. Иск прокуратуры был удовлетворен.

Из этого следует, что судьба города и его жителей теперь находится в руках государства, и как будут развиваться события, покажет только время.

Литература

Бычкова О.В., Гельман В.Я. Экономические акторы и локальные режимы в крупных городах России // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70). С. 73–82. EDN YTYUJJ.

Витковская Т.Б., Рябова О.А. Моногорода Среднего Урала: локальные элиты и политические процессы. Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2011. 259 с. EDN QONDUD.

Недосека Е.В., Карбаинов Н.И. «Умирание» или «новая жизнь» моногородов (на примере социально-экономической адаптации жителей монопрофильных поселений Северо-Запада России) // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 163–181. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.41.163>. EDN PMAHY5.

Фомин М.В., Безвербный В.А., Шушпанова И.С., Микрюков Н.Ю., Лукашенко Е.А., Мирязов Т.Р. Моногорода Сибири и Дальнего Востока: потенциал и перспективы развития // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. №1. С. 137–165. EDN GUINYW.

Чирикова А.Е. Социальная политика в монопрофильном городе: корпорация и власть // Социальная политика бизнеса в российских регионах: сб. научных трудов / отв. ред. Н.Ю. Лапина М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2005. С. 134–178. (Федерализм, региональное управление и местное самоуправление). EDN NTTJEP.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в моногороде // Власть и элиты. 2016. Т. 3. С. 206–234. <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.7>. EDN UYNETY.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе. М.: Издательский дом НИУ-ВШЭ, 2017. 414 с. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1579-2>. EDN XTHYDB.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в моногороде: векторы перемен // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14, № 2. С. 111–127. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-2-111-127>. EDN ELRRNR.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Топ-менеджмент градообразующих предприятий и legislatury малых городов: персоны имеют значение // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. Т. 18, № 1. С. 4–22. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.101>. EDN DMLRII.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Рябова О.В. Моногорода Среднего Урала: власть, лидерство, эффективность // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 1. С. 123–162. <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.5>. EDN IJPCSM.

Bozhko L., Turgel I. Government Support for Monotowns in the Republic of Kazakhstan: Old Problems and New Decisions. 5th International Multidisciplinary Scientific Conference of Social Sciences and Arts. Albena, 26.08.2018. Sophia: STEF Technology, 2018. P. 359–366. <https://doi.org/10.5593/sgemsocial2018/1.4/S04.046>.

Company Towns in the Americas: Landscape, Power, and Working-class Communities / ed. by O.J. Dinius, A. Vergara. Athens, Ga.: University of Georgia Press, 2011. 241 p.

Crenson M. The Un-Politics of Air Pollution: A Study of Non-decision-making in the Cities. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1971. 227 p.

Crowley S. Putin's Labor Dilemma: Russian Politics between Stability and Stagnation. Ithaca: ILR Press, an imprint of Cornell University Press, 2021. 290 p.

Cruz M., Rode P., McQuarrie M. New Urban Governance: A Review of Current Themes and Future Priorities // Journal of Urban Affairs. 2019. Vol. 41, no. 2. P. 1–19. <https://doi.org/10.1080/07352166.2018.1499416>.

Gaventa J. Power and Powerlessness: Quiescence and Rebellion in an Appalachian Valley. Urbana: University of Illinois Press, 1980.

Green H. The Company Town: The Industrial Edens and Satanic Mills that Shaped the American Economy. New York: Basic Books, 2010.

Harding A. The History of Community Power // Theories of Urban Politics / ed. by J.S. Davies, D.L. Imbroscio. London: Sage, 2009. P. 27–39.

Laruelle M. Urban Regimes in Russia's Northern Cities: Testing a Concept in a New Environment // Arktik. 2020. Vol. 73, no. 1. P. 53–66. <https://doi.org/10.14430/arctic69933>.

Martinez-Fernandes C., Wu C.T., Schartz L., Taira N., Varges-Hernandes V. The Shrinking Mining City: Urban Dynamics and Contested Territory // International Journal of Urban and Regional Research. 2012. Vol. 36, no. 2. P. 245–260. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2011.01094.x>.

Phillimore P., Bell P. Trust and Risk in a German Chemical Town // Ethnos. 2005. Vol. 70, no. 3. P. 311–334. <https://doi.org/10.1080/00141840500294367>.

Shomina E.S. Enterprises and the Urban Environment in the USSR // International Journal of Urban and Regional Research. 1992. Vol. 16, no. 2. P. 222–233. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.1992.tb00170.x>.

Stone C. Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988. Lawrence: KS: University Press of Kansas, 1989. 314 p.

Stone C. Power, Reform and Urban Regime Analysis // City and Community. 2006. Vol. 5, no. 1. P. 23–38. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6040.2006.00151.x>.

Stone C. Trends in the Study of Urban Politics: A Paradigmatic View // Urban Affairs Review. 2017. Vol. 53, no. 1. P. 3–39. <https://doi.org/10.1177/1078087416674328>.

Источники

Власти решили национализировать завод «Метафракс» из-за контроля из США // РБК. 07.08.2023. URL: <https://www.rbc.ru/business/07/08/2023/64d026689a7947b70f041e79?ysclid=looj7dwq5p849077585> (дата обращения: 07.11.2023).

Обзор российских моногородов. Аналитический доклад ИКСИ, 2017. URL: https://icss.ru/images/pdf/research_pdf/MONOTOWNS.pdf (дата обращения: 07.11.2023).

CORPORATION AND MUNICIPAL AUTHORITIES: HOW A PARTNERSHIP MODEL OF INTERACTION IS ACHIEVED

A. Chirikova

(chirikova_a@mail.ru)

Federal State Institution of Science,
Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Citation: Chirikova A. Korporacija i municipal'naja vlast': kak dostigaetsja partnerskaja model' vzaimodejstvija [Corporation and municipal authorities: how a partnership model of interaction is achieved]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2023, 10 (1): 190–230. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.7>
EDN RZTDTW

Abstract. *In the proposed article, on the example of a single-industry town in the Ural region, a balanced model of relations between local authorities and a large company (corporation or holding) is considered, which seriously surpasses the municipal authorities with its financial and social power. We called this model a partnership model, describing the conditions under which it can be formed. The main one is the presence of adequate leaders in power and strategic players in the city-forming company M. The study conducted in 2020 was supplemented by us with materials received in 2023, which made it possible to judge the current situation in a time perspective. The study included 26 interviews with key government and business figures conducted in 2020, as well as several interviews with experts conducted in 2023. The main research conclusion is that the established partnership model of interaction allows key players to more effectively solve their problems and achieve social goals. Both sides of the interaction see the partnership model as an effective tool for maintaining social and political stability. It is possible that under the sanctions regime, such a model will allow the town to cope with all the difficulties more successfully than if the interaction between the two parties was oppressive or indifferent. But whether this will actually happen — time will tell.*

Keywords: *company (corporation), municipal government, partnership model of interaction, image of the future, socio-economic situation, sanctions.*

References

Bozhko L., Turgel I. *Government Support for Monotowns in the Republic of Kazakhstan: Old Problems and New Decisions*. 5th International Multidisciplinary Scientific Conference of Social Sciences and Arts. Albená, 26.08.2018. Sophia: STEF Technology, 2018, pp. 359–366. <https://doi.org/10.5593/sgemsocial2018/1.4/S04.046>.

Bychkova O.V., Gel'man V.Ya. Ekonomicheskie aktori i lokal'nye rezhimi v krupnykh gorodakh Rossii [Economic actors in large Russian cities], *Neprikosnovenniy zapas* [Emergency ration], 2010, 2, pp. 73–82. EDN YTUYJJ. (In Russian)

Chirikova A.Ye. Sotsial'naya politika v monoprofil'nom gorode: korporatsiya i vlast' [Social policy in a single-industry city: corporation and government]. In: *Sotsial'naya politika biznesa v rossiyskikh regionakh. Sb. nauchnykh trudov. Seriya "Federalizm, regional'noe upravlenie i mestnoe samoupravlenie"* [Social policy of business in Russian regions. Collection of scientific papers. Series "Federalism, regional governance and local self-government"]. Ed. by N.Yu. Lapina. Moscow: INION RAN, 2005, pp. 134–178. EDN NTTJEP. (In Russian)

Chirikova A.Ye., Ledyayev V.G. Vlast' v monogorode [Power in the mono-industrial company town], *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2016, 3, pp. 206–234. <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.7>. EDN UYNETY. (In Russian)

Chirikova A. Ye., Ledyayev V.G. Vlast v malom rossiyskom gorode [Power in a small Russian town]. Moscow: HSE Publishing House, 2017. 414 p. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1579-2>. EDN XTHYDB. (In Russian)

Chirikova A.Ye., Ledyayev V.G. Vlast' v monogorode: vektory peremen [Authorities in a mono-industrial town: trajectories of change], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science], 2020, 14 (2), pp. 111–127 (In Russian)

Chirikova A.Ye., Ledyayev V.G. Top-menedzhment gradoobrazuyushchikh predpriyatiy i legislatury malykh gorodov: osoby imeyut znachenie [Top management of town-forming enterprises and legislatures of small towns: Persons matter], *Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS* [Political Expertise: POLITEX], 2022, 18(1), pp. 4–22. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.101>. EDN ELRRNR. (In Russian)

Chirikova A.Ye., Ledyayev V.G., Ryabova O.V. Monogoroda Srednego Urala: vlast', liderstvo, effektivnost' [Monotowns of the middle urals: power, leadership, efficiency], *Vlast' i elity* [Powes and Elites], 2020, 7(1), pp. 123–162. <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.5>. EDN IJPCPM. (In Russian)

Company Towns in the Americas: Landscape, Power, and Working-class Communities. Ed. by O.J. Dinius, A. Vergara. Athens, Ga.: University of Georgia Press, 2011. 241 p.

Crenson M. *The Un-Politics of Air Pollution: A Study of Non-decision-making in the Cities*. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1971. 227 p.

Crowley S. *Putin's Labor Dilemma: Russian Politics between Stability and Stagnation*. Ithaca: ILR Press, an imprint of Cornell University Press, 2021. 290 p.

Cruz M., Rode P., McQuarrie M. New Urban Governance: A Review of Current Themes and Future Priorities, *Journal of Urban Affairs*, 2019, 41(2), pp. 1–19. <https://doi.org/10.1080/07352166.2018.1499416>

Fomin M.V., Bezverbnyj V.A., Shushpanova I.S., Mikrjukov N.Ju., Lukashenko E.A., Mirjazov T.R. Monogoroda Sibiri i Dal'nego Vostoka: potencial i perspektivy razvitiya [Company Towns of the Siberia and Russian Far East: Potential and Development Prospects], *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya* [Public Administration Issues], 2020, 1, pp. 137–165. EDN GUINYW. (In Russian).

Gaventa J. *Power and Powerlessness: Quiescence and Rebellion in an Appalachian Valley*. Urbana: University of Illinois Press, 1980. 267 p.

Green H. *The Company Town: The Industrial Edens and Satanic Mills that Shaped the American Economy*. New York: Basic Books, 2010. 248 p.

Harding A. The History of Community Power. In: *Theories of Urban Politics*. Ed. by J.S. Davies, D.L. Imbroscio. London: Sage, 2009, pp. 27–39.

Laruelle M. Urban Regimes in Russia's Northern Cities: Testing a Concept in a New Environment, *Arktik*, 2020, 73(1), pp. 53–66. <https://doi.org/10.14430/arctic69933>.

Martinez-Fernandes C., Wu C.T., Schartz L., Taira N., Vargas-Hernandes V. The Shrinking Mining City: Urban Dynamics and Contested Territory, *International Journal of Urban and Regional Research*, 2012, 36(2), pp. 245–260. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2011.01094.x>.

Nedoseka E.V., Karbainov N.I. «Umiranie» ili «novaja zhizn'» monogorodov (na primere social'no-jekonomicheskoy adaptacii zhitelej monoprotfil'nyh poselenij Severo-Zapada Rossii) [“Dying” or “New Life” of Single-Industry Towns (the Case Study of Socio-economic Adaptation of Residents of Single-industry Settlements in the North-West of Russia)], *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2020, 41, pp. 163–181. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.41.163>. EDN PMAHYS. (In Russian)

Phillimore, P., Bell, P. Trust and Risk in a German Chemical Town, *Ethnos*, 2005, 70 (3), pp. 311–334. <https://doi.org/10.1080/00141840500294367>.

Shomina E.S. Enterprises and the Urban Environment in the USSR, *International Journal of Urban and Regional Research*, 1992, 16 (2), pp. 222–233. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.1992.tb00170.x>.

Stone C. *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988*. Lawrence: KS: University Press of Kansas, 1989. 314 p.

Stone C. Power, Reform and Urban Regime Analysis, *City and Community*, 2006, 5 (1), pp. 23–38. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6040.2006.00151.x>

Stone C. Trends in the Study of Urban Politics: A Paradigmatic View, *Urban Affairs Review*, 2017, 53(1), pp. 3–39. <https://doi.org/10.1177/1078087416674328>

Vitkovskaya T.B., Ryabova O.A. *Monogoroda Srednego Urala: Lokal'niye eliti i politicheskiye protsessi* [Monotowns in Middle Urals: Local elites and political processes]. Yekaterinburg: URO RUN, 2011. 259 p. EDN: QONDUD. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Быстрова Алла Сергеевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (abc_46@mail.ru).

Дмитриева Валерия Денисовна, младший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ms.valeria.spb@mail.ru).

Покатов Дмитрий Валериевич, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, теории и прикладной социологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (dvpokatov@gmail.com).

Пустовойт Юрий Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и технологий Сибирского института управления — филиала РАНХиГС, Новосибирск (pustovoit1963@gmail.com).

Сафронов Вячеслав Владимирович, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (vsafonov@list.ru).

Тев Денис Борисович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (denis_tev@mail.ru).

Чирикова Алла Евгеньевна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник сектора исследований личности Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (chirikova_a@mail.ru).

CONTRIBUTORS

BYSTROVA, Alla, Candidate of Sc. (Economics), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (abc_46@mail.ru).

CHIRIKOVA, Alla, Dr. of Sc. (Sociology), main researcher, Federal State Institution of Science, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (chirikova_a@mail.ru).

DMITRIEVA Valeria, junior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (ms.valeria.spb@mail.ru).

POKATOV, Dmitry, Dr. of Sc. (Sociology), associate professor; head of the history department, theory and applied sociology; The Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky (dvpokatov@gmail.com).

PUSTOVOYT, Yury, Candidate of Sc. (Political Sc.), Assoc. Prof., Department of Political Science and technology, Siberian Institute of Management – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk) (pustovoit1963@gmail.com).

SAFRONOV, Vyacheslav, senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (vsafironov@list.ru).

TEV, Denis, Candidate of Sc. (Sociology), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (denis_tev@mail.ru).

Научное издание

Власть и элиты
Том 10
Выпуск 1

Под редакцией А.В. Дуки

Редактор *М.В. Банкович*
Компьютерный макет *Н.И. Пашковской*

Подписано в печать 25.12.2023.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 14. Уч.-изд. 12.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № .

Издательство «Интерсоцис»
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Отпечатано в типографии «Реноме»
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40